Ан. Титовъ.

ПРОПОВѢДИ
СВЯТИТЕЛЯ ДИМИТРІЯ,
Митрополита Ростовскаго,

НА УКРАИНСКОМЪ НАРѢЧІИ.

BV
4254

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
3360
25

Предисловіе.

Двѣсти лѣтъ прошло со времени кончины Святителя Димитрія. За этотъ періодъ значеніе его, какъ церковнаго дѣятеля, опредѣлилось вполнѣ ясно; различныя стороны его просвѣтительной дѣятельности сдѣлались предметомъ спеціальнаго изученія и детальной разработки въ нашей духовной школѣ [1]); его сочиненія, выдержавшія нѣсколько изданій и до сихъ поръ высоко цѣнятся любителями назидательнаго духовно-нравственнаго чтенія. Между тѣмъ, до сихъ поръ эти сочиненія не изданы полностью въ переводѣ на русскій языкъ, да и существующія изданія на славянскомъ языкѣ нельзя признать удовлетворительными съ точки зрѣнія ихъ полноты. Не говоря о пропускахъ, сдѣланныхъ въ напечатанныхъ уже проповѣдяхъ, напр. въ „Словѣ въ недѣлю святыхъ женъ мироносицъ“ (изд. 1857 г., ч. II, стр. 166—186); не принимая во вниманіе неточностей, допущенныхъ въ печатныхъ переводахъ проповѣдей съ украинскаго нарѣчія, напр., въ „Пирамисѣ“; не считая мелкихъ и незаконченныхъ произведеній Святителя, не вошедшихъ въ эти сборники,—можно съ увѣренностью сказать, что многія его

[1]) „Христіанское Чтеніе“, 1902, вып. 12, стр. 374—375.

произведенія до сихъ поръ еще неизвѣстны читателямъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сохранилось въ печатныхъ изданіяхъ отъ времени проповѣдничества Святителя на Украйнѣ? Шесть проповѣдей, переведенныхъ съ украинскаго нарѣчія. Первая изъ этихъ проповѣдей относится къ 1685 г.: въ это время Святитель уже состоялъ казнодѣемъ (т. е. проповѣдникомъ) Кіево-печерской лавры; а выбылъ онъ изъ Украйны лишь въ началѣ 1701 г. Безъ сомнѣнія, даже за это время, не считая предшествующихъ годовъ, кипучее творчество талантливаго проповѣдника успѣло создать немало блестящихъ произведеній. Правда, въ нашихъ рукописяхъ — рукописяхъ свѣжаго происхожденія—нашли, конечно, пріютъ лишь немногія изъ такихъ произведеній; но даже и при этомъ условіи здѣсь найдется нѣсколько украинскихъ проповѣдей, невошедшихъ въ печатное изданіе: сошлюсь на приводимыя ниже поученія въ недѣлю 27 и на Успеніе Пресвятыя Богородицы; въ южныхъ же сборникахъ подобныхъ поученій найдется гораздо больше. Содѣйствовать всѣми мѣрами возстановленію этихъ произведеній, ознакомленію съ ними возможно-широкаго круга читателей, исправленію неточностей, вкравшихся въ переводъ уже изданныхъ проповѣдей,—является по нашему мнѣнію, достойной задачей нынѣ исполняющагося юбилея. Для этой цѣли предназначается и настоящее изданіе.

Всѣ помѣщаемыя ниже проповѣди взяты изъ рукописей, находившихся въ моемъ собраніи, а впослѣдствіи пожертвованныхъ мною въ Императорскую Публичную Библіотеку. Текстъ ихъ не представляетъ собою точной копіи съ какого-либо одного списка: ранѣе печатанія онѣ были подвергнуты переработкѣ, которая заключалась въ слѣдующемъ. Въ 1891—93 г. эти проповѣди были свѣрены мною по всѣмъ имѣвшимся у меня спискамъ; исключеніемъ въ данномъ случаѣ явились слова на Успеніе Пресвятыя Богородицы и въ недѣлю 27, такъ какъ списки этихъ поученій имѣлись у меня въ одномъ экземплярѣ. Затѣмъ точныя копіи свѣренныхъ проповѣдей отсылались къ профессору Кіевской духовной академіи Н. И. Петрову, который любезно принялъ на себя трудъ свѣрить эти проповѣди съ рукописями, принадлежащими академіи, а также—исправить орѳографію и

интерпункцію текста, значительно пострадавшаго въ этомъ отношеніи, благодаря незнакомству велико-русскихъ переписчиковъ сочиненій Святителя съ украинскимъ нарѣчіемъ и эрудиціей автора. Наконецъ, приготовляя эти проповѣди къ печати, мы ввели въ текстъ ихъ цитаты однородной и общепринятой формы съ обозначеніемъ мѣстъ Св. Писанія, изъ которыхъ взяты приводимые тексты; сдѣлать это представлялось необходимымъ потому, что цитація, помѣщенная въ рукописяхъ, далеко неполна, неточна, спутана, въ нѣкоторыхъ спискахъ она приводится на латинскомъ языкѣ, а въ другихъ ея и вовсе не имѣется. Этой переработкой рукописнаго текста и ограничиваются всѣ болѣе значительныя измѣненія, внесенныя въ подлинники.

Переходя къ обзору помѣщаемыхъ ниже проповѣдей, считаемъ не лишнимъ отмѣтить, что онѣ въ общемъ не представляютъ собою связнаго цѣлаго. Обнимая собою періодъ болѣе, чѣмъ въ 13 лѣтъ, онѣ иногда рѣзко различаются между собою по содержанію и построенію, такъ какъ были произнесены въ разное время, при различныхъ обстоятельствахъ, съ неодинаковой подготовкой. Однако общее ихъ направленіе остается всегда одно и то же: вездѣ можно замѣтить схоластическіе пріемы; всюду сказывается духъ южной греко-латинской школы съ ея своеобразнымъ отношеніемъ къ формѣ и содержанію проповѣди, съ ея склонностью къ толкованію въ переносномъ смыслѣ; всегда замѣтно вліяніе пышной реторики западныхъ проповѣдниковъ, а въ особенности—„легкомысленныхъ казнодѣишковъ польскихъ“, какъ ихъ называетъ Духовный Регламентъ [1]).

Первая изъ помѣщаемыхъ ниже проповѣдей „Слово въ недѣлю 7-ю по пасцѣ“ (стр. 1—9) помѣщена на украинскомъ нарѣчіи въ трехъ рукописяхъ нашего собранія: № 1277 (100), л. 109—115; № 1280 (2555), л. 36—40 и № 1286 (270), л. 191—202. Въ рукописи, относящейся ко второй половинѣ XVIII в., № 1293 (1155), она помѣщена въ славянскомъ переводѣ; въ такомъ же переводѣ она внесена въ московское изданіе (1857 г.) сочиненій Святителя Димитрія (ч. II, стр. 238—251). Время

[1]) 1823, ч. II, о проповѣдникахъ, стр. 110, п. 6.

произнесенія этой проповѣди неизвѣстно; судя по ея размѣру, содержанію и обработкѣ, ее слѣдуетъ отнести къ числу позднѣйшихъ. Предметомъ поученія служитъ познаніе Бога путемъ вѣры и любви. Вліяніе западной школы здѣсь сказывается слабо, почему отдѣльные реторическіе пріемы особенно рѣзко бросаются въ глаза. Для примѣра укажу на замѣчаніе автора относительно идола Дагона: „Знать, утѣкалъ бѣсъ отъ благодати Божой, въ кіотъ бывшей, а утѣкавши споткнулся на порозѣ и сломилъ себѣ шію!“ (стр. 6).

Слѣдующая изъ проповѣдей „Слово I на Сошествіе Святаго Духа“ (стр. 10—25) помѣщена на украинскомъ нарѣчіи въ двухъ рукописяхъ: № 1277 (100) л. 117—126, и № 1286 (270), л. 203—220; въ печатномъ изданіи оно помѣщено въ славянскомъ переводѣ подъ заглавіемъ „Слово въ день Святыя Троицы“ (ч. V, стр. 82—106); подъ заглавіемъ „Слово на сошествіе Св. Духа“ оно было напечатано Е. В. Барсовымъ во II книгѣ „Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ за 1884 г. (отд. II, стр. 1—15) съ рукописи № 1277 (100) безъ поправокъ и измѣненій, но, къ сожалѣнію, съ нѣкоторыми недосмотрами. Проповѣдь эта была произнесена въ Кіевѣ, въ Кирилловскомъ монастырѣ, въ 1693 г.; предметомъ поученія служатъ способы прославленія Бога въ тѣлѣ и душѣ; схоластическое вліяніе сказывается въ значительной степени, какъ можно заключать по обилію реторическихъ фигуръ и украшеній: дискурсовъ со святыми, сближеній, примѣровъ изъ гражданской исторіи, житейской практики и даже изъ области естествовѣдѣнія (срвн. стр. 107). Въ послѣднемъ случаѣ невольно обращаетъ на себя вниманіе замѣчаніе о павлинѣ: „О гордѣливемъ птаку павѣ правятъ, же гды на нозѣ свои подліи глянетъ, въ нетму упадаетъ“ (стр. 15).

Третье поученіе „Слово на Святую Троицу“ (стр. 26—42) помѣщено на украинскомъ нарѣчіи въ рукописяхъ № 1277 (100) л. 126—135, и № 1280 (2555), л. 40—48. Въ относящейся ко второй половинѣ XVIII в. рукописи № 1294 (1153), л. 135—154, оно помѣщено въ переводѣ на славянскій языкъ; подъ такимъ же заглавіемъ въ славянскомъ переводѣ оно внесено въ печатное изданіе (ч. II, стр. 270—293). Слово это было произнесено въ 1698 г. въ Батуринѣ. Предметомъ по-

ученія служитъ поклоненіе Св. Троицѣ съ принесеніемъ ей въ даръ трехъ „мистичныхъ“ золотыхъ монетъ. Схоластическій элементъ развитъ здѣсь не менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ поученіи, какъ въ отношеніи общаго построенія проповѣди, такъ и въ изложеніи отдѣльныхъ частей; реторическія же украшенія отличаются еще большей экспрессіей. Для примѣра укажу на производимыя въ текстѣ проповѣди двустишія (стр. 34—35, срвн. стр. 7), и выводъ изъ сравненія жертвоприношеній Авраама и Іефѳая: „прето будь ты, паничу Исаакъ Авраамовичъ, живъ, а ты, панна Іефѳаевна, умри!“ (стр. 38).

„Слово въ недѣлю 27-ю о женѣ сляченной“ (стр. 43—54) помѣщено лишь въ одной рукописи № 1289 (608) л. 24—37; въ другихъ рукописяхъ его не имѣется; не помѣщено оно также и въ печатномъ изданіи. Тѣмъ не менѣе авторомъ его безъ колебаній можно признать Святителя Димитрія, принимая во вниманіе, что: 1) начало слова буквально сходно съ началомъ „Поученія перваго въ недѣлю 13 по Святомъ Дусѣ“, помѣщеннаго въ печатномъ изданіи (ч. II, стр. 432 и слѣд.) и въ рукописяхъ №№ 1286, 1291, 1297; 2) по своему содержанію, основанному на толкованіи недѣльнаго евангелія, развитію темы, соединенному съ подробными разъясненіями, и слогу, съ его характерными оборотами и украшеніями,—оно сходно съ прочими проповѣдями Святителя; 3) оно помѣщено въ рукописи среди другихъ его произведеній безъ всякой оговорки. Судя по нѣкоторымъ помѣткамъ, приводимымъ въ этой рукописи, можно предполагать, что разсматриваемый списокъ сдѣланъ или съ подлинныхъ авторскихъ рукописей или съ рукописей, написанныхъ вскорѣ послѣ смерти Святителя. Время произнесенія этого поученія неизвѣстно; судя по внутреннимъ признакамъ, его слѣдуетъ отнести къ числу позднѣйшихъ, хотя и эту проповѣдь нельзя признать чуждою схоластической реторики, принимая, напр., во вниманіе приводимые здѣсь дискурсы со святыми. „Реклъ бы кто: святый пророче Иліе, що жъ ты мовишь? осмотрися: гдѣ естесь?“... „Стой, Моисею, не втѣкай въ шакъ! То посохъ твой, жезлъ твой. Ой нѣ,—мовитъ,—поки въ моихъ былъ рукахъ, былъ посохъ, жезлъ; а яко выпалъ зъ рукъ, ажъ онъ не посохъ, не подпора, але гадина ядовитая, бысть

жезлъ змій, и бы ни укусилъ, утѣкати отъ него треба“ (стр. 48—49).

Пятая проповѣдь „Слово на Успеніе Пресвятыя Богородицы“ (стр. 55—75) взята нами изъ рукописи № 1285 (3557), л. 395—419; въ другихъ сборникахъ это слово не помѣщено; не имѣется его и въ печатномъ изданіи. Сборникъ поученій Святителя Димитрія № 1285 (3557) написанъ въ 1717 г., „спустя 8 лѣтъ послѣ смерти святителя Димитрія. Этимъ онъ и важенъ, что вскорѣ послѣ смерти написанъ, когда оставшіяся рукописи святителя Димитрія были еще всѣ цѣлы. По правописанію писца можно судить, что онъ съ подлинныхъ рукописей святителя Димитрія списывалъ. Онъ писалъ всѣ латинскія замѣтки св. Димитрія, писанныя въ концѣ поученій и по полямъ“ [1])... Слово на Успеніе Пресвятыя Богородицы было произнесено 15 августа 1693 г. въ Кіево-печерской лаврѣ; по своему типу оно представляетъ проповѣдь въ строго-схоластическомъ духѣ. Уподобляя житіе Богоматери нивѣ, а ея Успеніе—жатвѣ, авторъ, идя по жниву позади всѣхъ жателей, собираетъ съ пяти полосъ нивы пять колосьевъ, по числу пяти буквъ, заключающихся въ имени „Маріа“, и изъ этихъ колосьевъ сплетаетъ снопъ во славу и честь усопшей—*М*удрой Дѣвы, *А*гницы Христовой, *Р*абы Господней, *И*сточника Жизни, *А*постольскаго Вѣнца. Реторическія украшенія всѣхъ родовъ разсѣяны по всей проповѣди: на одной и той же страницѣ (60) мы встрѣчаемъ и „вѣрши“ Григорія Назіанзина, и обращенія къ Днѣпру, и выраженія, близкія къ поговоркамъ: „весь міръ якъ блато, она едина въ немъ злато“ (срвн. стр. 127).

Изъ разсматриваемыхъ проповѣдей „Слово на Рождество Христово“ (стр. 76—92) является наиболѣе популярнымъ среди писателей твореній Святителя. На украинскомъ нарѣчіи оно помѣщено въ четырехъ рукописяхъ нашего собранія: № 1277 (100), л. 498—505; № 1280 (2555) л. 242—251; № 1284 (1157) л. 1—14; № 1285 (3557), л. 255—272; въ переводѣ на

---

[1]) Запись преосвященнаго Амфилохія, епископа Угличскаго. См. „Описаніе рукописей, находящихся въ собраніи А. А. Титова. М. 1901“; т. IV, стр. 133.

славянскій языкъ оно помѣщено въ рукописи № 1294 (1153), л. 154 об.—172, и—въ печатномъ изданіи (ч. III, стр. 445—469). Слово это, произнесенное 25 декабря 1698 г. въ Черниговѣ, по отзыву П. А. Шляпкина [1]) „довольно рѣзко отличается отъ прежнихъ своею простотою и наглядностью. Въ немъ мало аллегорій параллелей и т. п.—все сводится къ поэтическому воспроизведенію картины Рождества Христова: вертепъ сталъ небомъ". Очень можетъ быть, что именно благодаря своей наглядности, созданной живымъ и сильнымъ воображеніемъ автора, это слово обязано своей распространенностью среди великорусскихъ читателей и переписчиковъ; но нельзя признать, чтобы оно отличалось особенною простотой,—въ немъ находится немало реторическихъ украшеній, отступленій, олицетвореній. Такъ, напр., мы встрѣчаемъ здѣсь, соединенныя съ подробными объясненіями, толкованія латинскаго и еврейскаго названій неба; находимъ указанія на то, что могли бы помыслить волъ и оселъ, которые стоятъ въ пещерѣ и „молчатъ, хоць и долгіе языки мѣютъ"; вся проповѣдь представляетъ собою цѣпь сближеній и уподобленій. „Видитъ (Христосъ), же на его роди́ны завитали гости зъ неба, святыи аггелы, точитъ для нихъ вино—слезы своя: слезы вино аггельское. Подвеселили аггели святые виномъ тымъ непосполитымъ, радость аггеломъ, учинили себѣ пѣніа и лики, спѣваютъ: слава въ вышнихъ Богу" (стр. 90).

Седьмая проповѣдь „Брань святаго архистратига Михаила съ седмоглавнымъ зміемъ" (стр. 93—107) на украинскомъ нарѣчіи помѣщена въ трехъ рукописяхъ: № 1277 (100) л. 267—275; № 1280 (2555), л. 147—154; № 1283 (2981) л. 83—92; въ переводѣ на славянскій языкъ она помѣщена въ рукописи № 1293 (1156), л. 177—194 и въ печатномъ изданіи (ч. III, стр. 553—573). Проповѣдь эта была произнесена въ Кіевскомъ Михайловскомъ монастырѣ 8 ноября 1697 г. Здѣсь изображается битва между седмоглавнымъ зміемъ (діаволомъ), каждая голова котораго олицетворяетъ одинъ изъ смертныхъ грѣховъ, и седморожнымъ агнцемъ (Христомъ), каждый рогъ котораго олицетворяется однимъ изъ семи архангеловъ. Въ

[1]) „Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). Спб. 1891"; стр. 263.

построеніи и содержаніи проповѣди замѣтна значительная доля искусственности, которую усиливаетъ присоединеніе къ основной темѣ поученія евангелія о Гадаринскомъ бѣсноватомъ; при чемъ авторъ оказывается вынужденнымъ прибѣгнуть къ толкованію евангельской исторіи въ переносномъ смыслѣ, устанавливая основныя положенія слѣдующимъ образомъ: „Въ горахъ бѣ вопія: то знакъ перваго грѣха смертнаго—гордости; живяше во гробѣхъ: то знакъ втораго грѣха смертнаго — нечистоты; въ ризу не облачашеся: то знакъ третьяго грѣха смертнаго—обжирства, жарлоцтва, піянства; никтоже можаше минути путемъ тѣмъ: то знакъ четвертаго грѣха смертнаго — лакомства; растерзая узы желѣзныя: то знакъ пятаго грѣха смертнаго—гнѣва, ярости, лютости; толча каменіемъ: то знакъ шестаго грѣха смертнаго—зависти; въ храмахъ не живяше: то знакъ седмаго грѣха смертнаго—лѣнивства, а лѣнивства до хвалы Божой“ (стр. 102—103).

Послѣдняя проповѣдь „Пирамисъ Иннокентія Гизеля“ (стр. 108—134) помѣщена на украинскомъ нарѣчіи въ трехъ рукописяхъ: № 1277 (100), л. 365—380; № 1280 (2555), л. 252—269; № 1284 (1557), л. 15—35; въ рукописи № 1294 (1553), л. 173—202 она приведена въ переводѣ на славянскій языкъ; въ III части печатнаго изданія сочиненій Святителя Димитрія (стр. 574—612) она помѣщена „въ искаженномъ русскомъ переводѣ“ [1]). Эта проповѣдь—первая изъ сохранившихся до нашего времени проповѣдей Святителя; она произнесена 24 февраля 1685 г. въ Кіево-печерской лаврѣ. Въ ней проповѣдникъ воздвигаетъ мысленную пирамиду, уподобляя Гизеля, какъ столпа церкви Божіей, столпу храма Соломонова. Поученіе отличается строгой выдержанностью стиля, тщательной обработкой плана и отдѣльныхъ частей, подробностью въ отдѣлкѣ мелкихъ деталей, о чемъ свидѣтельствуютъ даже его размѣръ: для произнесенія этой проповѣди, при довольно быстромъ чтеніи, требуется не менѣе двухъ часовъ. Словомъ, „Пирамисъ“, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ польскихъ проповѣдниковъ, западныхъ руководствъ къ составленію проповѣдей, симфоній и конкорданцій, пред-

---

[1]) И. А. Шляпкинъ. „Св. Димитрій и его время“; стр. 43, прим. 5.

ставляетъ собою типичную проповѣдь схоластической школы съ обиліемъ текстовъ Св. Писанія, реторическихъ украшеній, справокъ, примѣровъ, вопросовъ, толкованій, олицетвореній и т. под. Такъ какъ содержаніе всего слова основано на уподобленіи, является вполнѣ понятнымъ, почему нѣкоторыя изъ сравненій оказываются неожиданными, натянутыми, неестественными. „Въ немъ (столпѣ Даніиловомъ) погребахуся мидовъ, парѳовъ и персовъ царіе... Нехай ми тутъ волно будетъ грѣхи смертелни назвати царями, а царями нечестивыми... Въ немъ (Гизелѣ) мидовъ, парѳовъ и персовъ царіе, то есть грѣхи, отъ свѣта, тѣла и діавола на человѣка воюючіе, погребахуся“ (стр. 116—117).

Всѣ разсмотрѣнныя проповѣди рѣзко отличаются отъ тѣхъ поученій, которыя писалъ и произносилъ Святитель въ бытность митрополитомъ Ростовскимъ. Странно должны были звучать для сѣверянъ даже отдѣльныя слова чуждаго нарѣчія—„мовячи“, „слухачу презацній“, „ведлугъ“ и т. д., не говоря уже о латинскихъ и польскихъ терминахъ; непонятны были „препростому“ народу искусно составленныя и тщательно обработанныя описанія мистичныхъ златниковъ, крилъ, небесъ, болѣзней, жатвъ, браней, столповъ; мало говорили сердцу темныхъ слушателей отвлеченныя размышленія и глубокія богословскія изслѣдованія. Требовалось слово болѣе краткое, простое, жизненное, и—проповѣди Святителя измѣнились. Измѣнилось все—размѣръ, языкъ, форма, содержаніе; но главный пунктъ, на которомъ обосновывалась вся проповѣдническая дѣятельность Святителя, остался тотъ же. Этимъ пунктомъ для него служила любовь: любовь къ Богу и Его царствію, любовь къ Церкви и ея служителямъ, любовь къ ближнимъ, а въ особенности—къ несчастнымъ, угнетеннымъ, страдающимъ, обиженнымъ, бѣднымъ. Эта любовь, проникавшая всѣ дѣла и слова Святителя, даетъ намъ возможность твердо вѣрить, что всѣ творенія его не будутъ забыты, что „не отъидетъ память его и имя его поживетъ въ роды родовъ“ (Сирах. XXXIX, 12).

Андрей Титовъ.

Ростовъ Великій.
28 октября 1909 г.

Слово въ недѣлю 7-ю по пасцѣ.

Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе Единаго Истиннаго Бога.
Іоаннъ, глава 17, зачало 56.

о все щастіе христіанскаго человѣка, то вся духовная утѣха, то вся надежда спасенія и самое спасеніе, то первое чаяніе живота вѣчнаго и самы животъ вѣчны— знати Бога, слышателю православный. Хто хочь якіе хочь вынайдуй способы до доступленья збавенья и вѣчныхъ, небесныхъ роскошей надъ той единой лѣпшій скутѣчнѣйшій способъ не знайдешь, еже знати Бога: се есть животъ вѣчный, да знаютъ тебе единаго истиннаго Бога (Іоан. XVII, 3). О, якъ песчасливый есть той, который Бога своего, Творца своего, Спасителя своего альбо мало знаетъ, альбо отнюдъ не знаетъ, а нѣ его знати старается! Але речете подобно: мы православны христіане знаемъ Бога, вѣруемъ въ него и поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу, въ Троицы единому Богу.

Похваляю я то ваше христіанское благочестное Бога знаніе и вѣру и благопочитаніе, однакожъ безпечне мовлю, же не вси добрѣ знаемъ Бога, которіи Его знаемъ: многіи въ насъ суть, которіи мнимся тылько знати Бога, а самою вещью отнюдъ Его не знаемъ, що доводнѣ объяснити хотячи, двѣ въ намѣренной нашей бесѣдѣ закладаю препозиціи: першая—не кождый Бога добрѣ знаетъ, що черезъ вѣру Его знаетъ; а затымъ не кождый вѣрный христіанинъ доступитъ живота вѣчнаго; другая,--тотъ тылько добрѣ Бога знаетъ, который Его при вѣрѣ и любитъ, а любитъ правдивѣ, и тотъ только доступитъ живота вѣчнаго; на остатокъ буду усмотрувати певныхъ правдивой любви Божой

знаковъ, чого всего нетѣскнивымъ ухомъ любовь ваша хотѣте послухати, а я начинаю бесѣду, Господу поспѣшествующу и слово утверждающу.

Два суть способы познаванья Бога, слухачу православный: вѣра и любовь. Познавается Богъ вѣрою по апостолу; вѣрою разумѣваемъ совершитися вѣкомъ благолюмъ Божіимъ (Евр. XI, 3), на що пишучи Златоустый святый мовитъ: вѣры дѣло есть познаніе, вѣра (мовитъ) справуетъ знаніе Бога, же того всемощею силою и вѣки стали. Познавается Богъ и любовію, яко мовитъ самъ Господь въ Евангеліи: любій Мене возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ, и азъ возлюблю его, и явлюся ему самъ (Іоан. XIV, 21). Хто (мовитъ) мене любитъ, тому, я самъ объявлю себе, жебы мене добрѣ зналъ, явлюся ему самъ. Тыи оба два познаванья Бога и доступленья живота вѣчнаго способы суть вельце добри, але перший способъ; то-есть вѣра, певный и неневный; другій способъ—любовь есть цале певный. Певный способъ, вѣра, бо безъ вѣры невозможно угодити Богу (Евр. XIV, 6) и спастися: иже имѣтъ вѣру и крестится спасенъ будетъ (Марк. XVI, 16), вѣрою человѣкъ оправдается. Неневный способъ вѣра, бо и бѣсы вѣруютъ, а постарему суть „бѣсы вѣруютъ и трепещутъ“. И такъ много насъ въ семъ святомъ храмѣ вѣрныхъ христіанъ, на боженство есть зебранныхъ, а Богъ вѣдаетъ, хто зъ насъ достанется до живота вѣчнаго; мало спасающихся. А любовь зайсте певной есть способъ любы николи же отпадетъ (I Кре. XIII, 8), — мовитъ апостолъ. Вѣра знаетъ Бога, же есть на небѣ Богъ, и на земли его полно,— вездѣ сый и вся исполняяй; такъ и бѣсы вѣруютъ, знаютъ надъ собой Бога, казнящаго ихъ вѣчною казнію. А любовь не тылько знаетъ Бога, же есть Богъ, але и то добрѣ знаетъ, яковъ есть Богъ,—коль благъ Богъ Израилевъ (Псал. LXXII, 1). До объясненныя теды первой препозиціи моей приступуючи, же не кождый Бога добрѣ знаетъ, що черезъ вѣру Его знаетъ, привожу тутъ зъ ветхаго завѣта о выпстю Израилевомъ исторію. Выпроваживаючи Господь Богъ людъ свой зъ неволе египетской, изволилъ показатитя два разы въ поломеню огнистомъ, разъ въ купинѣ подъ горою Хоривъ, други разъ верху горы Синайской; въ купинѣ оказался единому тылько Моисеови, а на горѣ всему люду Израильскому, абы Его вси людіе знали

Обои тыи Божіи оказаняся не въ инпій цѣль и конецъ были, тылько въ той, абы подалъ себѣ въ знанье людови своему, бы вѣдомъ былъ Богъ въ Израилѣ. Обоимъ тымъ Его оказаньямъся, гдѣ приглядѣмся пилнымъ уваженьемъ, увидимъ великую а дивную разность. Яко зъявился Богъ Моисею въ купинѣ, пишетъ исторія: видѣ Моисей, яко купина горяше и не согораше. Якъ оказался на Синаи всему люду, тая жъ Исходная книга пишетъ: гора Синайская куряшеся вся схожденія ради Божія на нію во огнѣ, исхождаше дымъ, яко дымъ пещный, и ужасошася вси людіе зѣло (Исх. XIX, 18). Тутъ же уважмо: въ купинѣ самый тылько огнь безъ дыму; на горѣ большъ подобно было дыму, а нѣжъ огня: гора куряшеся вся. Мѣлъ бы быти дымъ барзѣй въ купинѣ, гдѣ хворостъ, черетъ, солома, сѣно, а нѣжъ на горѣ той, гдѣ а не стебля единаго яковаго могло быти на безмѣрной высокости и на твердой опоцѣ; а огонь божественный чинитъ противно: въ посродъ хврасту—поломень безъ найменьшаго дыму, на голіи опоцѣ каменной—дымъ, яко дымъ пещный. Чему? що того за причина? Хто будетъ уважати натуральнѣ, речетъ: тамъ дымъ, гдѣ огонь що палитъ; а гдѣ не палитъ огнь, ничого не сожигаетъ, тамъ нѣтъ и дыму. Не палилъ божественный огнь купины Моисеовы,—купина горяше и не согораше, освѣщалъ тылько огнь божественный купину тую, а не сожигалъ ей, и прето тамъ былъ огонь безъ дыму; а на Синаи огнь божественный былъ жгучій, палячій, горѣла тамъ гора отъ лица Божія по писанному у Давида: пламень сожигаяй горы (Псал. LXXXII, 15), що знать изъ апостола, ко евреомъ описуючаго тое на гору Синайскую Божіе во огнѣ сошествіе, и закончоваючого то овыми словы: Богъ нашъ — огнь поядаяй (Евр. XII, 29). Ѣлъ то тамъ огонь, палилъ, травилъ и каменіе и скалы, якъ хворостъ и солому, огнь поядаяй, и прето мусѣло тамъ много дыму быти: схождаше дымъ, яко дымъ пещный. Добрая то рацiя натуральнаго уважанья! Хто будетъ уважати духовнѣ, речетъ: во обоимъ тыхъ своихъ Господь Богъ оказаньяхся хотѣлъ квадроватися, стосоватися до персонъ тыхъ, которымъ мѣлъ оказатися. Хотѣлъ оказатися Моисеови, глянетъ на него, ано видитъ его человѣка добраго, кроткаго, незлобиваго, чистое сердце, правое сумнѣнье мѣнючого. Мовитъ теды въ себѣ Богъ: покажусь и я Моисеови кротко, дружеско, прія-

тельско и побесѣдую съ нимъ лицемъ ко лицу, якоже глаголетъ кто ко другу своему, и показался во огнѣ, не опаляючомъ куппны, але тылько просвѣчаючомъ, абы гды Моисей къ нему приступитъ, дымъ бы не заходилъ ему въ очи и не пережкажалъ въ размовѣ, и прето въ куппнѣ огонь безъ дыму.

Схотѣлъ тежь Богъ оказатися и всему поспольству жидовскому на горѣ Синайской. Глянетъ на людъ той, ано въ нихъ видитъ невдячность, бунты: тын на Моисея ропщутъ, другіи о болванахъ мыслятъ, нныіи воспоминаютъ свинпя мяса и котлоегипетское брашно и хотятъ назадъ до Египта вернутися. Нужь еще провидитъ въ нихъ прилилую злобу, же пророковъ выбьютъ, дѣти своя пожрутъ бѣсомъ и на Мессію торгнутся. Мовитъ теды въ себѣ Богъ: лихіи то людіе, окажусь Я имъ грозно; нехай мене знаютъ, же я имъ не потерплю того,— и оказался имъ Богъ во огнѣ поядающомъ, сожигаюцомъ.

Подобне первой препозиціи приступую ко другой, же той тылько Бога добрѣ знаетъ, хто при вѣрѣ и любитъ Его, а любитъ правидливѣ, нефальшивѣ, и привожу для объясненья исторію евангельскую. Пишетъ Матѳей святый: едного часу, гдѣ зазпстное жидовство овыи саддукеи и фарисеи опали Господа нашего съ хитрыми своими квѣстіами, вызываючи того на диспуты, а опали вси гурмомъ,—фарисеи слышавше, яко посрами (Іисусъ) саддукея, собрашася вкупѣ, знать для того, абы гдѣ не возмогутъ аргументомъ, тамъ затлумятъ крикомъ: собрашася вкупѣ. На той часъ единъ отъ нихъ законоучитель вопросилъ Господа, искушая его и глаголя: учителю, кая заповѣдь большая есть въ законѣ? Отказуетъ Господь: возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всею мыслію твоею, сія есть первая и большая заповѣдь (Матѳ. XXII, 37). Гды бымъ грѣшный на той часъ былъ и тамъ стоялъ слухаючи той диспутъ, упалъ былъ до ногъ Господа моего а молилъ бымъ: „Господи, то глупое жидовство научи первѣй познанія тебе, абы тебе Господа своего первѣе познали и увѣрили тебе; тожь будешь учити ихъ любви Божой, абы тебе Господа своего познавши, увѣривши и улюбили! Гды жь рѣчъ непознанную, яко хто любити можетъ? Кождая рѣчъ добрая первѣй познавается, же есть добрая, то жь любится; а хто чого не знаетъ, того, и не желаетъ. Мовь же до нихъ, Господи: первая

заповѣдь есть знати Бога, а потомъ его любити!“ Але не склонился бы Господь на мою малоумную пораду, повѣдилъ бы и и повторе, и подесяте, же первая заповѣдь не иная, ено любити Бога. А я удивляючися, чему то Господь жидомъ ничого о познаню Бога невзмѣкуючи, напродъ о любвѣ Божіей науку имъ пропонуетъ, въ себѣ мовлю: чи то уже жидовство знали Бога, а тылько любве имъ недоставало, и прето Господь о познаню Бога не взмени, а любвѣ вначалѣ учитъ. Але мовитъ апостолъ: аще быша познали, не быша Господа славы распяли (I, Кро. II, 8). И на иномъ мѣстѣ самъ Господь ускаржается: Израиль мене не позна, и людіе мои не разумѣша мене (Исх. I, 3). Чему жь имъ Господь не мовитъ: першая заповѣдь есть знати Бога, тожь любити? Пойду на то по науку до великаго учителя церковнаго святаго Іоанна Златоустаго; той учитъ такъ: „не рече (Христосъ), да познаеши Господа Бога твоего, но да возлюбиши его; ибо всякому любящему Бога отъ всего сердца невозможно есть не пріити ко познанію Сына Его. Самая бо любовь божественная въ немъ сущая, просвѣщаетъ его“. Потый Златоустый. Дякуемъ тебѣ, учителю святый, за науку и уже знаемъ, чему первая заповѣдь—любовь, первѣйшая, скутечнѣйшая до забвенья надъ познаніе, бо за любовью идетъ Бога знаніе барзѣ, а нѣжъ за знаніемъ любовь. Знало жидовство Бога,—вѣдомъ во Іудеи Богъ, во Израилѣ веліе имя его,—але же его не любили, прето якъ бы и не знали. Израиль не позна, людіе не разумѣша.

Вспомню еще тутъ и Давида. Той Боголюбецъ, хотячи негды подати людямъ Бога до познанія и залѣцати межъ ними доброты его, мовитъ такъ: вкусѣте и видѣте, яко благъ Господь (Псал. XXXIII, 9). Скоштуйте,—мовитъ,—и видѣте, яко добры Богъ. Видится, спиралъ бымъся зъ Давидомъ, постерегаючи его въ мовлене, же здается не порадне говоритъ: не мовитъ першъ „обачте“, а потомъ и „скоштуйте“, „видѣте и вкусѣте“, але мовитъ першъ „скоштуйте“, а потомъ „обачте“, „вкусѣте и видѣте“. Але заступаетъ его мовячи единъ зъ великихъ церковныхъ учителей. Шкода жь приганы въ мовеню давати доводови! Добрѣ онъ мовитъ, слушнѣ першъ „вкусѣте“ мовитъ, потомъ „видѣте“: „вкусѣте“—любовію, „увидѣте“—познаніемъ. Если напродъ любовію не скоштуете, до познанья его пріити

не можете; ни кто же Бога познаваетъ, аще не первѣе того вкушаетъ. А то жъ явно, же тотъ тылько Бога добрѣ знаетъ, хто его любитъ.

Такъ разумѣю, же и тутъ не одинъ зъ вѣрныхъ христіанъ, хоць въ мысли своей отзовется, мовячи: я люблю Господа Бога моего. Ухавай Боже, иначей! бо хоць бы по единому кождого запыталъ, чимъ любишь ты Бога, заневинѣ кождый скажетъ „люблю“. А я и тутъ безпечне реку: не кождый Бога любитъ, що любити его отзывается; той Бога любитъ, хто правдивѣ его любитъ. Но чемъ же познати кого, чи правдиве, чи неправдиве Бога любитъ,—описалъ невинный знакъ любви Божой возлюбленный ученикъ святый Іоанн Богословъ: аще кто речетъ, яко Бога люблю, а брата своего ненавидитъ, ложь есть; ибо не любяй брата своего, его же видѣ, Бога, его же не видѣ, како можетъ любити? (I. Іоан. IV, 20). Але я на сей часъ дамъ покой тому знакови, не расширяюся, мовлю зъ доводомъ любве ко ближнему, такъ для короткости часу, яко и для певности; бо въ любвѣ ближняго часте и много закрадается любви альбо непорядной, альбо лицемѣрно-фальшивой, альбо пріятной для якоговось своего пожитку. Давши теды тому знаку покой, пишій вынахожу: тамъ, знать, не правдивая ко Богу въ христіанскомъ человѣку любовь, гдѣ створенье съ творителемъ въ равной парѣ ходитъ, альбо барзѣй створенье неже створитель почитается; тамъ, знать, правдивая любовь, гдѣ единъ создатель, паче всего созданія любится и предпочитается. И се невинный той же вышеупомянутый Богословъ святый описалъ, мовячи: не любите, ни яже въ мірѣ; аще кто любитъ міръ, нѣсть любве отчи въ немъ. (I. Іоан. II, 15). Если,—мовитъ,—кто затопилъ сердце свое въ семъ мірномъ свѣтѣ, въ его роскошахъ, въ томъ не пытай любвѣ Божой, хоць онъ и христіанинъ есть,—нѣсть любви отчи въ немъ.

Любовь Божія есть вельми ревнива, не терпитъ, абы въ чіемъ сердцу любленно и Бога и міра посполу, и создателя и созданіе. Поставили филистинове кіотъ завѣта Господня въ единомъ храмѣ, вкупѣ и идола Дагона; пріидутъ на другій день, увидятъ, ано Дагонъ лежитъ на порозѣ сокрушенный. Знать утѣкалъ бѣсъ отъ благодати Божой, въ кіотѣ бывшей, а утѣкавши споткнулся на порозѣ и сломилъ себѣ шію! А ежели

жъ бы былъ Дагонъ не скрушился, а нѣ ся зъ мѣсца своего рушилъ, то що бы было? Было бы то: кіотъ бы Божій, самъ о себѣ подвигнувшися вышелъ бы прочь зъ того храма. Такъ любовь Божія умѣетъ въ чіемъ она сердцу вселится, то альбо идолы земныи, мірскіе суетныи пристрастія повыгоняетъ, альбо сама прочь утѣчетъ, мовячи—се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ, и прето упоминаетъ христіанскаго человѣка.

Бѣжи созданія, аще хощеши имѣти создателя! всяко созданіе тебѣ да охудится, аще хощеши, да Создатель въ сердцу ти усладится!

Не любитъ любовь раздвоена быти на двое, абы кто единою половицею сердца своего любилъ Бога, а другою любилъ мірность свѣтовую—не можете Богу работати и Мамонѣ (Мате., VI, 24); але цѣлаго сердца человѣческаго любовь Божія потребуетъ, мовячи—сыне, даждь ми твое сердце! абысь мене улюбилъ всѣмъ сердцемъ. Піенкнѣ мовитъ премудри идіота: любовь ни раздѣлятися, ниже раздиратися должна; а иже ю раздѣляютъ или раздираютъ горшіи видятмися паче воиновъ распенныхъ тя, Господи, иже твоего хитона не хотяху предерти. Такъ ревнива есть Божія любовь, же якъ бы вторицею крестъ, распятіе страдала, гды бы кого видитъ раздираючого ю надвое, альбо надесятеро до речи сотворенныи, але хочетъ, абы та едина въ сердцу человѣческомъ пановала, царствовала безъ жаднаго товарища. А тожъ знакъ певной, хто правдиве любитъ Бога: тотъ, который альбо мало, альбо ни трохи не мѣетъ пристрастія и услажденія въ дочасныхъ роскошахъ мірскихъ, въ роспутныхъ плоти угодіахъ, а заживаетъ міра не яко услажденія, але яко нужды до захованія временнаго живота надъ все предпочитаючи. Единаго Бога зъ Давидомъ, мовячимъ: что ми есть на небеси и отъ тебе что восхотѣхъ на земли (Псал. LXII, 25), на що пишучи Амвросій святый мовитъ: „вѣси убо яко сокровенныхъ свѣдителю Боже, яко не точію паче земля и всѣхъ, яже на ней, но и паче небеси и всѣхъ, яже на немъ, тыхъ еси дражайшій, желательнѣйшій, любезнѣйшій; люблю тя паче неба и земли и всего, яже на нихъ“.

Еще и то певной знакъ правдивой любви Божой, естли хто любитъ Бога для самого тылько Бога, а не для себе, то есть не для своей приваты, не для своего пожитку, не для заплаты

тоя, которую описалъ апостолъ: око не видѣ и ухо не слыша и на сердце человѣка не взыйдоша, яже уготова Богъ любящимъ его (I Кр. II, 9). Не охуждаю и той любве, що для заплаты вѣчной любитъ Бога, однакожъ ей совершенною, цалѣ правдивою не называю. Не служилъ бы наймитъ господареви, гды бы не сподѣвался отъ него платы; не любилъ бы другій Бога, гды бы не чаялъ воздаянія. То правдивая любовь, которая, по апостолу — не ищетъ своихъ си (I Кр. XIII, 5), не шукаетъ нагороды жадной, едно того единаго прагнѣтъ, абы въ божественной любви усладитися. Вспомнѣмъ тутъ двѣ въ Писмѣ Святомъ описанныи грѣшницы: едну Раавъ въ Іерихонѣ, другую въ Виѳаніи въ дому Симона прокаженаго. Обѣ двѣ навернулися до Бога, обѣ двѣ познали того вѣрою, але не єднаково познали его любовію. Первая фрасуется, старается о цѣлости дому своего, проситъ, обовязуетъ клятвою Ізраильскихъ сходниковъ: кленитемися Господемъ Богомъ вашимъ, якоже азъ творю милость вама, тако сотворите и вы милость дому отца моего (I. Нав. II, 12). Другая послышавши о Спасителѣ, же въ дому Симоновомъ, зостаетъ на учтѣ, входитъ, упадаетъ, слезами пречистыи омываетъ нозѣ, власами главы отираетъ, не мовитъ ни слова, ни печется ни о чемъ, не проситъ ни о що, а не о грѣховъ своихъ прощенію молитъ. О, якъ неравная обоихъ ко Богу теплота и усердіе! Чему? Во тамъ тая усмотрувала свою привату, абы фамилѣя и маетокъ былъ заховань въ цѣлости, а сяя абы тылько любовію божественною усладила свое сердце, яко возлюби много (Лук. VII, 47). То то любовь правдивая, не для себе, не для своей яковой приваты, але для самого жъ того Бога любячая Бога, для услажденія сердца любовію его божественною.

Учинилъ Господь Богъ подѣлъ добръ своихъ вѣрнымъ слугамъ своимъ: далъ нищимъ небесное царство, далъ плачущимъ особливую утѣху, назначилъ кроткимъ наслѣдовати землю, алчущимъ, жаждущимъ наготовалъ обѣдъ въ царствіи небесномъ гойной яко тыи насытятся (Мтѳ. V, 6); инымъ иншіи назначилъ певныи ведлугъ годности заплаты. А любителямъ своимъ що? Ничого инного, ено то—Отецъ мой возлюбитъ его и къ нему пріидевѣ и обитель у него сотворивѣ. Не мовитъ—дамъ любящимъ Мя царство, посажу на маестатѣ, дамъ въ руцѣ ски-

петръ, вложу на голову корону, учиню для него банкетъ небесный; ничого того любителю своему любезному не офѣруетъ. Що жъ то едно обѣцуетъ? же къ нему пріидевѣ и обитель у него сотворивѣ; а то власнѣ намъ показуючи, абысмо вѣдали, же кто правдивую до Бога любовь мѣетъ, той опрочь самого Бога ничого больш не желаетъ,—не неба, не коронъ небесныхъ, ни сладостей райскихъ, але самого тылько Бога, надъ небо и надъ всѣ небесныи роскоши. Ищи кто хочь и чого хочь у Бога: любовь едного тылько Бога ищетъ паче всѣхъ, хоць и вѣчныхъ добръ и паче всего созданія: мнѣ же прилѣплятися Богови моему благо есть (Псал. XXXII, 28).

На остатокъ то певный знакъ правдивой любви Божой, гды хто для любимаго Господа своего всѣми силами выстерегается допуститися каковаго грѣха смертнаго стережется, абы нѣчимъ ни въ чомъ не образити того, котораго любитъ, але бы во всемъ волю его, приказаніе его выполнять пилно старается, яко мовитъ Господь: аще кто любитъ Мя, слово мое соблюдаетъ, а нелюбяй Мя словесъ моихъ не соблюдаетъ (Іоан. XIV, 23-24).

Тако гды хто любовь правдивую въ сердцы своемъ до Бога мѣетъ, той запевне добрѣ Бога знаетъ, коштуетъ его любовію и знаетъ сердечною сладостію, яко благъ есть, и таковый власнѣ доступитъ живота вѣчнаго зъ познанія Бога походячого, по словеси Христову: се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога (Іоан. XVII, 3).

Аминь.

Слово I на Сошествіе Святаго Духа.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

Въ Кіевѣ въ Кирилловскомъ монастырѣ въ 1693-мъ году.

. . . . . .

Имъ сподобится зъ насъ кто колвек Бога во Троицы единаго, Отца, и Сына, и Святаго Духа славити со ангелами въ небѣ; теперь на земли, поки естесмо въ тѣлѣ, славлю его не лѣнивѣ, слышателіе православніи. И достойная рѣчъ, абы створитель отъ своего створенія, Отецъ отъ кохапныхъ дѣтей своихъ, Сынъ отъ кохапныхъ друговъ своихъ, Духъ Святый отъ любыхъ рабовъ своихъ былъ славленъ. Отецъ возлюбилъ насъ якъ своихъ дѣтей: тако возлюби Богъ міръ и даде намъ область чады своими быти (Іоан. III, 16; I, 12). Сынъ возлюбилъ насъ яко своихъ друговъ и душу свою положилъ за ны: больши сея любве никто же имать (Іоан. XV, 13). Духъ Святый возлюбилъ душу нашу яко обрученную себѣ невѣсту,—обручивъ вы дѣву чисту (I Кор. XI, 2), а яко источникъ благостынѣ, учинилъ насъ рабовъ Богу благихъ и вѣрныхъ. Годна теды рѣчъ, абы дѣти славили Бога-Отца, яко своего создателя, отъ небытія въ бытіе приведшаго; избавенныи положенною за нихъ душею братіа, бы славили Бога Сына, нестыдящагося насъ братію нарицати; благіи рабы и вѣрныи бы славили Бога Духа Господа всяческимъ его же щедроты на всѣхъ дѣлехъ его.

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.

Але не досить Бога въ Троици славити словемъ: треба Его славити самимъ скуткомъ, самимъ дѣломъ. А якъ скутечне славити Бога должни, — учитъ насъ учитель языковъ святый Павелъ, пишучи до Коринѳъ: Прославите Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ, а въ душахъ вашихъ, яже суть Божія (I Кро. VI, 20).

Въ нынѣшней теды подлой моей нравоучительной бесѣдѣ поучимся мало, хочь попросту,—якъ Бога въ Троици единаго Отца и Сына и Святаго Духа, славити въ тѣлесахъ нашихъ и въ душахъ нашихъ! А ты, о Пресвятая Троице, Боже нашъ, помози намъ, славы ради имени святаго твоего!

Напрудъ прославмо Бога, ведлугъ парадку науки апостольской, въ тѣлѣ нашемъ: прославите [глаголетъ] Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ. Бога Отца, во-первыхъ, яко въ тѣлѣ славити радмося Писма и учителей. Пишется въ пророчествѣ Малахіиномъ, яковой Богъ Отецъ потребуетъ отъ насъ славы: аще убо Отецъ есмь азъ, то гдѣ моя слава? и аще Господь есмь азъ, то гдѣ моя боязнь? (Малах. I, 6): Славити треба Бога Отца, але и боятися его: работайте Господеви со страхомъ (Псал. II, 11). Славити Бога Отца воистину недоумѣемъ, его же трепещутъ и трясутся херувимы и славословятъ ангельская вся воинства. Ангельская воинства славятъ и трепещутъ. Що жъ мы? Але радмося святыхъ учителей. Гды-мъ о славѣню Бога въ Троици мыслилъ, былъ мнѣ зъ книгами своими предъ очима наславнѣйшій церковный учитель святый Іоаннъ Златоустъ. Молилемъ его, бы мя научилъ, якъ славити Бога. Али онъ въ бесѣдахъ своихъ на Павлова посланія повѣдалъ: „сіе есть славити Бога, еже не изтязовати испытанія“. Що жь то-есть не истязовати испытанія? Не бадатися о Бозѣ, не дишкуровати, не истязуй, не испытуй таемницъ божества, а будешь ты славити Бога. А якожь, учителю святый, будемъ знати Бога, ежели о немъ не будемъ испытовати? А затымъ якожь и спасемся, гды-жъ то есть вся надежда збавенія нашего, що знати Бога? се же есть животъ вѣчный да знаютъ тебе единаго истиннаго Бога, и его же послалъ еси Іисуса Христа (Іоан. XVII, 3). Треба то тутъ запытати и вѣдати, что есть Богъ, которое есть существо, которое естество его. Треба подишкуровати и довѣдатися самой истой правды. Златоустъ святый на то въ Маргаритѣ своемъ, въ словѣ 1-мъ о непостижимемъ, тако гла-

голетъ: взыдемъ прочее на небо. Поцо жъ? тамъ будемъ правѣ выбадаватися о Бозѣ и о его существѣ и естествѣ, еда како суть тамо нѣцыи вѣдущіи, что существомъ есть Богъ. А хто жъ бы тамъ мѣлъ лѣпшіи знати надъ ангелонъ, непрестанно Богови предстоящихъ, на него смотрячихъ, яко въ пынѣшнемъ евангеліи самъ Христосъ мовитъ: ангели ихъ на небесѣхъ выну видятъ лице Отца моего небеснаго (Мтѳ. XVIII, 10). Ихъ теды спросити бы о Бозѣ. Мовитъ Златоустый: слышѣмъ ангелонъ что убо? о существѣ ли семъ [сіи есть Божіемъ] бесѣдуютъ и взыскуютъ? Никако же; но что? Славятъ, кланяются, побѣдныя нѣсни выну возсылаютъ со многимъ страхомъ; тулки на небѣ дѣла, тулки оттоль и вѣдомости; славятъ, кланяются, выну поютъ со страхомъ.

Загамуймося жъ тутъ и стань непостунно, цікавости людская, любячая тылько бадатися о Бозѣ, а не его благочестно знати и славити, охочая до дишкурсовъ, лѣпшвая до славословія. Если ангели о Бозѣ не дишкурують, не испытуютъ, не испытуй же и ты, но вѣруй; не высокомудретнуй, но бойся; вѣруй, славь, покланяйся благочестно, а не истязуй любопытно. Ото слухай, яко въ тебе великій такъ учитель наглядается: видѣлъ ли еси колико есть горѣ страхъ, колико долѣ преобидѣніе? Они (сіи есть ангели) славятъ, а сіи (сіи есть человѣци) истязуютъ; они очи закрываютъ, сіи же любо препираются, безстудіѣ взираютъ ко неисповѣдимой славѣ. Дякуемъ тебѣ, святый Златоусте, за науку! Не будемъ истязовати испытанія, вдаватися въ дишкурсы, але тылько славити.

Знаемъ въ правдѣ Бога, (слава Богу), знаемъ Его не яко въ себѣ есть, але яковъ въ насъ и намъ есть; знаемъ Его отчасти, до спасенія нашего належачой; знаемъ Его вѣрою святою просвѣщенны, отъ святыхъ отецъ наставленны, яко и отъ патрона сего святаго мѣсца отъ святаго великаго Аѳанасія Александрійскаго, учителя церковнаго, въ символѣ своемъ обширнѣ насъ о святѣй Троицѣ учащаго; знаемъ Бога этолко, эколко можетъ быти намъ досить на спасеніе наше; довлѣетъ намъ, а далѣ не дерзаймо, и сіе есть славити Бога, еже не истязовати испытанія.

Выше воспомяненныи въ пророчествіи Малахіиномъ Божіи слова: Сынъ славитъ Отца (Малах. I, 6), святый Златоустъ (въ

Маргаритѣ) читаетъ такъ: „сынъ чтитъ отца, и рабъ господина своего боится; аще Отецъ убо азъ есмь, то гдѣ моя честь? едино жь то то подобно и славити и чтити: хто славитъ, тотъ чтитъ; хто чтитъ, тотъ славитъ“. Але яко сынъ чтити отца долженъ? У людей той сынокъ пана-отца своего чтитъ, который не смѣетъ при немъ усѣсти, але стоитъ предъ нимъ учтиве, шапочку знявши, по словенску мовячи благоговѣйно. Таковымъ кшталтомъ чтятъ Бога Отца старшіи его сыновє, святыи ангелы, яко о нихъ святый Митрофанъ, тропчныхъ во октоиху каноновъ творецъ, въ главѣ 3 вмѣкнуетъ: говѣютъ зѣло предъ неприступнымъ свѣтомъ и пѣніе непрестанно вопіютъ; говѣютъ зѣло, то есть учтивѣ, честно, опасно, опрятне, скромне зъ встыдомъ и страхомъ шанаючи маестатъ Божій, предстоятъ Богу. А такъ и человѣкъ въ тѣлѣ своемъ Бога славити долженъ.

Благоговѣинство вышнихъ богохвалцовъ описано у святаго Исаіи. Видитъ разъ тотъ пророкъ Господа Саваоѳа, сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ; а серафими стоятъ окрестъ,— шесть крилъ единому, шесть крилъ другому. Смотрѣмъ же, зъ якимъ тыи богохвальцы стоятъ благоговѣинствомъ? Двѣма покрываютъ лица своя, двѣма же ноги, а двѣма жъ летаютъ и взываютъ (Ис. VI, 1—2); такъ говѣютъ предъ неприступнымъ свѣтомъ! А то жь маемъ образецъ благоговѣинства въ нашемъ на молитвѣ Богови предстояню. Слухаймо о томъ святаго Златоустаго, научѣмся убо и мы, каковою боязнію, каковымъ стыдѣніемъ, каковою честностью приступати должны есмы къ Богу въ молитвахъ нашихъ, каковою кротостію и благоговѣинствомъ предстояти во славословленіи его!

Хто хочетъ яковаго научитися ремесла, смотритъ на образецъ, на зразъ и на кшталтъ того дѣлаетъ: маляръ маетъ куншть предъ собою, а будовничой—абрисъ. Хто хощешь Бога славити благоговѣйно, що бы могло быти на твоей души збудованіе, а то маешь куншть, то абрисъ: шестокрылніи серафими коло Божіаго престола.

Не досить учневи на образецъ глядѣти; по старему треба ему и майстра, же бы указовалъ. Не досить кому въ славославленю Бога на серафимскій кшталтъ смотрѣти; треба еще и учителя. Осе жь и учитель святой Іоаннъ Златоустъ, а той въ словѣ 6 о серафимѣхъ проказуетъ. Смотри жь умнымъ очима

на образецъ, на серафими, а слухай ушима досконалого проказника святаго учителя. Образецъ показуетъ серафими на небѣ, а учитель проказуетъ мовячи: сій помышляй, человѣче; востани и отъ земли премѣнися и на небо взыйди. Не поимуетъ того ученикъ, якъ то взыти на небо, вымолвлюетеся тяжкостью тѣла; влечетъ тѣло и принуждаетъ долу; радъ бы до неба, але тяжкое тѣло до земли тягнетъ, влечетъ тѣло и принуждаетъ долу. Учитель улатвяетъ тую трудность, проказуючи вырази́й: се возводятъ посты, легцѣ душевнiи содѣлывающе крылѣ, легко душевное сотворяюще бремя; попости, а легокъ будешь, на небо вступишь. Образецъ показуетъ серафимовъ предъ предетоломъ Божiимъ стоячихъ, покоющихъ. А учитель проказуетъ: съ серафими (и ты) стоши, со серафими (и ты) поеши. Молишьлися Богу? славословишь ли Бога? и уже то на небѣ стоишь межь серафимами; во церкве стояще, на небеси стояти мнимеся. Образецъ показуетъ серафимовъ, мѣнючихъ крылѣ распростертыи, овы до лица и ногъ закрываня, овы до летания. А учитель учитъ: со оиѣми (и ты) крилѣ распрострi, со оиѣми (и ты) летай окрестъ престола царева. Таковое же,—мовитъ,—и ты поймуй благоговѣйнство, по серафимску ставай предъ Богомъ, распрострi крилѣ и летай! Що бы тутъ были за крила святый учитель не объясняетъ подлинно, но хочетъ абыся иншое догадовалися и сами. А знать тутъ разумѣетъ о крылахъ невещественныхъ, о которыхъ латво начинатися всюду: хто крылами духовными разумѣетъ быти постъ и молитву, хто любовь и вѣру, хто чистоту тѣла и духа, хто иныя яковыи добродѣтели; а правѣ кождая добродѣтель есть крыломъ, возносячимъ человѣка отъ земли къ небу, ведлугъ того антифона: Святымъ Духомъ всяка спасенная вина; аще бо коему сей по достоянiю дхнетъ, скоро вземлетъ отъ земныхъ, воспеняетъ, возрящаетъ и устроляетъ горѣ. Кождая,—мовитъ,—причина спасенiя, кождая добродѣтель приписуется Духу Святому, который гды на кого дхнетъ, тотъ человѣкъ станетъ нѣбы крилатъ, добродѣтеленъ и летитъ въ высоту небесную. А такъ що добродѣтель, то крило есть наше (формуйможь тутъ добродѣтельныи обѣ крила, власнѣ до благоговѣйнства въ славословiи Божомъ належачiе, напредъ). Двохъ крилъ треба, да лицы закрыемъ, и тыми быть разумѣти можемъ завстыданеся предъ Богомъ своихъ грѣховныхъ спрос-

ностей и смиреніе, тое альбовѣмъ обое умѣетъ лицо закрывати человѣку. Не треба лѣпшого тому доводу надъ самое досвѣдченіе: видаемъ то, еже безстудіе а гордость высоко голову задираетъ, выше лба очи носитъ; покора зась а встыдѣніе глядитъ въ землю. Смиряетлися хто, голову хилитъ, лице долу мѣетъ; завстыдитлися хто, лице рукою крыетъ, отколь и Давидъ: студъ лица моего покры мя (Псал. XLIII, 16). Обохъ тыхъ крилъ пилно треба, гды хочемъ благоговѣйнѣ славити Бога. А вѣдаете жь, чимъ мытарь покрылъ лице свое, гды пришелъ предъ Бога вслѣдъ за велехвалнымъ фарисеемъ? Встыдомъ а смиреніемъ. Вышло разомъ двоихъ человѣкъ до церкви Богови предстати, фарисей и мытарь, але неединако: одинъ безъ встыду, гордостно и неблагоговѣйно, бо приступилъ близко (Лк. XVIII, 10) якъ бы затоварищилъ зъ тымъ, нань же не смѣютъ чини ангельстіи зрѣти, а еще велеречуетъ, хвалится; а другій—съ покорою глыбокою, бо сталъ издалече зъ встыдомъ; бо нехотяше и очію возвести на небо; въ студъ ему было предъ всевидящимъ окомъ Божіимъ, же сумненѣ мѣстъ грѣхами замазанное; правѣ нѣбы крилами яковыми, покорою а встыдомъ крылъ предъ Богомъ лице свое. Смотрѣжъ якъ то ему удалося! И изыде сей оправданъ паче онаго (Лк. XVIII, 14). Не подобался фарисей Богу, же не благоговѣнно, незакрытымъ лицемъ ему явился, и прето яко яковымъ безстуднимъ, и инатрентемъ онымъ взгордилъ; подобался мытарь, бо праве по серафимску предсталъ благоговѣйно лицу Его лицемъ закрытымъ. То уже мѣемъ двое крилъ на лице закрытіе,—встыдъ а покору.

Еще до ногъ двоихъ крилъ треба. Нозѣ, яко послѣднѣйшая тѣла нашего часть, всегда земли касаючаяся, въ болотѣ лучая, есть знакомъ подлости нашей, яко и глава—знакомъ честности. О гордѣливѣмъ птаку павѣ правять, же гды на нозѣ свои подліи глянетъ, въ нетму упадаетъ. А не мушу неодрѣчи: гды до благоговѣинства въ славословіи Божомъ на закрытіе ногъ нашихъ возмѣмъ себѣ за крыла двое сіе: познанье подлости своей и опасство и осторожность надуфаня въ себѣ самомъ, що ся таней первому, возмемъ тое зъ прикладу Авраама и Исаіи пророка. Вдался разъ Господь Богъ въ подуфалую розмову зъ слугою своимъ вѣрнымъ Авраамомъ, бесѣдуетъ съ

нимъ лагоднѣ, якъ бы съ своимъ пріятелемъ, не таячи предъ нимъ своихъ Божескихъ секретъ: не потаю отъ Авраама, раба моего, еже азъ творю, глаголетъ Господь. Осмѣлився тежъ и Авраамъ, безпечне размовляетъ зъ Богомъ, допытуется таемницъ: не погубиши ли праведнаго съ нечестивыми? А въ тымъ разомъ ся цофнулъ и—яко клякся; и ще перивѣй дерзновенно, то уже осторожне до Бога глаголетъ и якъ бы сначатку рѣчь свою начинаетъ: нынѣ начахъ глаголати ко Господу моему: азъ есть земля и пепелъ (Быт. XVIII, 17, 23, 27). Що жъ то есть? Авраамъ видѣ Бога, позна свое ничтожество и ценовѣда себе быти землю и пепелъ. Глядячи Авраамъ на Бога, уважаючи его величество силы, гляпулъ тежъ и на свои ноги, то есть взглянулъ въ свою подлость, въ свое ничтожество, и костерогся,—съ кимъ размовляетъ? Зъ Богомъ, зъ Творцемъ, зъ Всемогущимъ; а онъ противъ него праве единое ничого, червь ползящій предъ величествомъ неприступныя его славы, и прето вызнаетъ себѣ быти землю и пепелъ, познавъ то свое ничтожество; то крило едино, родячееся зъ познанія Бога, познане ничтожества своего. Отожъ и пророкъ Исаія, гды увидѣлъ Бога на маестатѣ, рекъ: о, окаянный азъ, яко сподобихся, человѣкъ сый и нечистѣ усты имый, Господа Саваоѳа видѣти очима моима (Ис. VI, 5). И той позна свое ничтожество, узрѣвши Бога. Видячій Бога видитъ себе самого, видитъ елико отстоитъ отъ Бога, коль мало и воистину коль ничтоже есть; и елико яснѣе видитъ Бога и себѣ самаго, толико множае чудится Богу и благоговѣйне почитаетъ его. Кто еси ты, Господи, кто же азъ? Ты—бездна бытія, истины и славы; азъ же—бездна ничтожества, суеты и окаянства. До ногъ нашихъ крило едино—подлости своей познанье; друго крило да будетъ опасства и осторожности надуфаня въ себѣ, яко перть. Глаголетъ апостолъ: мняйся стояти да блюдется, да не падетъ (I Кро. X, 12). Стоишь ли въ яковомъ добромъ дѣлѣ, варуйся, быся не послизнулъ, и прето со страхомъ содѣвай свое спасеніе, совершающе святыню въ страсѣ Божіи. Быхмо теды благоговѣйнѣ могли стояти въ славословіи Божіи, укрываймо, яко бы украшаймо нозѣ свои тыми двома крилами,—познаваніемъ подлости нашей и опаснымъ стояніемъ соблюдающимся отъ падежа!

АКАДЕ

Еще жъ двоихъ крилъ треба до летанья, а тыми суть у святаго Назіанзена дѣяніе и видѣніе, то есть, акціа и контемпляціа, простѣй мовячи—подвигъ въ молитвѣ и богомысльность, альбо вниманіе въ молитвѣ, бы славословіе Божіе было не безъ тѣлеснаго труда, ни безъ умнаго вниманія. Трудъ въ стоянію, вниманіе въ читаню, подвигъ во всенощномъ бдѣніи богомысльность въ поднесенью мысли ко Богу, праца въ колѣнопреклоненіи, въ рукъ воздѣяніи, въ крестообразномъ на землю упаданью, боговидѣніе въ влѣпленю ума въ неизреченную Божію славу, — тыи крила летаютъ высоко; бо праца небо заслугуетъ, а богомысльность къ нему возноситъ. Въ тыя теды шесть реченій крила убираймося, бысмо въ тѣлѣ нашемъ Бога благоговѣйнѣ по серафимску могли славити, бы и намъ служило пѣніе Дамаскиново: что васъ наречемъ, святіи серафими, яко непрестанно прослависте его? Хочемъ ли стати на молитву, на славословіе Божіе, впредь помыслмо о шпетности грѣховъ нашихъ, якъ маемъ явитися всевидящему его оку Божію, а заплонѣмся лицемъ предъ нимъ, завстыдаймося и смирѣмъ гордостную мысль нашу! А то намъ будетъ яко крила, лице предъ Богомъ закрываючіи. Уважмо, предъ кимъ стати, съ кимъ въ молитвѣ размовляти мѣемъ? Зъ Богомъ, которому нихто не годенъ; и познаймо нашу подлость, негодность, ничтожество, слабость и ползкость, статку нашего нестатечную; а зъ опасствомъ и страхомъ тому предстанмо, бы и тою молитвою, которую разумѣемъ за рѣчъ добрую, не згрѣшили, бы зъ насъ кому не речеся: молитва его буди въ грѣхъ (Пс. CVIII, 7). А то будетъ намъ яко крила, нозѣ закрываючіе, чи якобы здобячіе. Умъ разсѣянный по свѣту вкупу зберемъ, до неба впѣремъ, тѣло на молитвѣ утомѣмъ; а то намъ будетъ яко крила, насъ до неба подносячіе. Таковымъ благоговѣинствомъ, таковою честностью гды опатримъ, ушануемъ то маестатъ Божій и прославимъ Бога Отца въ тѣлѣ нашемъ що и хочь и цѣлой святой Троицы належитъ Богу Сыну и Богу Духу Святому, изряднѣе еднакъ первой въ Троицѣ святѣй персонѣ, именованіе отчее имѣючой, такъ: аще рабъ еси, воздаждь Господеви боязни повиновеніе; аще сынъ еси яви отцу чести благоговѣинство. Власнѣ теды Богу Отцу въ молитвѣ нашей благоговѣинство прислушаетъ, которымъ должни есмы его славити

въ тѣлѣ нашемъ по апостольскому увѣщанію: прославите Бога въ тѣлѣсѣхъ вашихъ (I Кре. VI, 20).

Другую въ Троици Святой персону Бога Сына яко бысмо въ себѣ прославити мѣли, порадмося съ собою — чимъ найбарзѣй Христосъ Спаситель нашъ на земли съ людми конверсуючи вславився. Заглянимо до Евангелія святаго Іоанна, а тамъ услышимъ Господа нашего, пречистыми и праведными усты праведнѣ хвалячагося: нынѣ прославися Сынъ Человѣческій и Богъ прославися въ немъ (Іоан. XIII, 31). Уважаймо жь часъ прославленія Сына Божія: чи въ той часъ, гды чуда чинилъ, воду въ вино претворяетъ, хоробу лѣчитъ, слѣпымъ даетъ взрокъ, глухимъ слухъ, хромымъ ходъ, мертвымъ животъ, Лазаря четвородневна мертвеца словомъ зъ гроба выводитъ, бы намнѣй хочь изъ того мѣлъ у людей значную славу? Але онъ намнѣй не почиталъ себѣ то за славу, ажъ гды уже пошолъ на страсть вольную и уже ростается съ возлюбленными своими учениками, уже ихъ жегнаетъ: миръ мой даю вамъ, миръ мой оставляю вамъ (Іоан. XIV, 27). И якобы уже погоко вступаетъ до тиранской катовнѣ, на тотъ часъ мовитъ: нынѣ прославися Сынъ Человѣческій. Такъ Златоустъ на посланіе къ евреемъ: „слава (Христу) и честь крестъ есть, якоже и самъ славу того нарицаетъ, глаголя: пріиде часъ да прославится Сынъ Человѣческій“. О, Христе, Спасителю нашъ! Ото Іюда уже близко зъ войскимъ, со оружіемъ и дреколми, поймати тебе, зъ повязами связати тебе! Ото безчестіе Тебѣ тужъ! Ото уже готуютъ на тебѣ каторскіи инструмента, — бичѣ, розги! Ото тешутъ дерево на крестъ на срочитную со злодѣи смерть. Ото внетъ злодѣи ковати на Тебе будутъ: аще не бы былъ сей злодѣй, не быхомъ его тебѣ предали; возми, возми, распни! (Іоан. XVIII, 30, XIX, 15). А сладчайшій нашъ Господь глаголетъ: теперь моя слава, теперь моя честь, теперь мое надъ всѣхъ подвышеніе: нынѣ прославися Сынъ Человѣческій. А то яко? Объясняютъ толковники Писма Святого твердячи, же страданіемъ креста и смерти Христосъ Господь нашъ на найвышшой ступень славы и чести цоступитъ. Піекнѣ зъ нихъ единъ отъ лица Христова на томъ мѣсцу бесѣдуетъ: „аще Іюда изыйде предатіи Мя на убіеніе, убо приближися ко Мнѣ крестъ и смерть, ею же не тако обезчещуся, якоже зѣло прославлюся; же,—мовитъ,—

страданіе, крестъ, смерть, выйдетъ Мнѣ на наибольшую честь и славу. Прето, идучи на страсти, на крестъ и смерть мовлю: нынѣ прославися Сынъ Человѣческій". Слава тебѣ, премилосердый Господи, славо наше, возносящая главу нашу! А тожъ видимъ, же крестомъ наибарзѣй прославися Господь нашъ, якъ въ Евангеліи пишется, яко тако подобаше пострадати Христу и внити во славу свою (Лк. XXIV, 46). И апостолъ: видимъ Іисуса за пріятіе смерти славою и честію вѣнчанна (Евр. II, 9). Крестомъ бо и смертію не точію Сынъ Человѣческій и человѣкъ, но и Сынъ Божій и Богъ познанъ буду; познается бо въ человѣчествѣ таящееся божество, егда солнце померкнетъ, каменіе распадется, гробы отверзутся, мертвіи возтанутъ. Та и иная многая страшная чудеса покажутъ, яко Богъ страждетъ и смерть на крестъ подъемлетъ; азъ же крестомъ поробощу себѣ весь міръ, бѣсы прожену, грѣхъ потреблю, смерть умерщлю, геену разорю, яко всѣхъ Господь и владыка. Если теды хочемъ Сына Божіа въ тѣлѣ нашемъ прославити, мѣемъ же его прославити крестомъ, страданьми. Такъ его въ тѣлѣ своемъ прославили святыи мученики, мученицы, вдавши себе за Христа на раны и многоразличныи смерти, овъ на мечное усѣченіе, другій на копіино прободеніе, той на крестѣ, якоже и самъ Христосъ, былъ распятый, а онъ живо въ землѣ погребенъ, тыи проидоша огнь, а овіи воду, пожжены, потопленни,—вси пострадали славы ради имени Господа своего. Але речемъ: не можемъ мы такъ въ тѣмъ нашемъ прославити Бога, якъ мученики. Хвала Богу! уже немашъ гоненія за Христа на христіаны. Колись то тутъ стояли болваны овыи перуны, волоси, лады, купалы; а теперь на тыхъ мѣстехъ церкви святіи, слава Христова, благодать Божія сіяетъ. Нѣсть уже и въ сторонахъ грецкихъ и римскихъ овыхъ Нероновъ, Діоклитіановъ, Максиміановъ, мучителей, которіи бо до отверженя Христа, до поклоненіа идоломъ принуждали и нехотячихъ размаите мучили, забіали; единымъ словомъ, нѣтъ балвохвальства, ни мученичества, якожъ датися за Христа на раны, на страданія, же бы въ тѣлѣ своемъ прославити Бога Сына.

Не фрасуймося, знайдется тужъ межи нами и идолъ, и мучитель, и идолопоклонникъ покажется много, а мученикъ мало; разслухаймося тылько и разсмотрѣмся межи собою! Зла-

тоустый святый твердитъ: различныя суть идолослуженія образы. Объясни жъ намъ, учителю святый, и скажи хочь единаго идола, а быхмо его внетъ, якъ колись въ Кіевѣ Перуна сокрушили. Слушаймо жъ ено, що намъ святый учитель кажетъ: „да не речеши ми сего, яко не поклаияешися идолу златому, но оно ми покажи, яко сихъ не твориши, яже повелѣваетъ злато. Отожъ маешь идола, злато, не на яковомъ холмѣ горъ кіевскихъ, але въ шкатулѣ, въ скринѣ, въ коморѣ. А идолопоклоненіе гдѣ? Въ сердцу—страсть до злата и ради злата твориши, яже повелѣваетъ злато. Що жъ злато повелѣваетъ? Йди мене, украдь, одойми, видеръ, разбой, кривду учини ближнему, не респектуй и на Бога, бо и церковное вырви. Былесь мене набылъ до твоей шкатули, альбо рачей до непасычного твоего сердца, то злато повелѣваетъ, а ты послушаеши, отожъ еси хрещеный идолопоклонникъ. Хтось зъ убогихъ речетъ дяковать Златоустому святому, же вытоснулъ балвохвальство въ богатыхъ? У насъ убогихъ того нѣтъ, злата не маемо, въ шкатулу не збираемо, за ледво маемъ чими напитати душу. Але не тріумфаймо и мы убогіе! Знайдутся и въ насъ свои идолы; слухаймо ено того жъ учителя: различныя суть идолослуженія образы, и овъ убо мамону вмѣняетъ Господа, овъ же чрево Бога, инъ же другую похоть вселютѣйшую, атожъ маешь що страсть, то идолъ. Но не пожираеши имъ воловъ, яко же еллини, но много лютѣйше свою закалаеши душу; не преклаияеши колѣнъ, ни поклаияешися (идоломъ) но со множайшимъ послушаніемъ твориши вся, яже тебѣ повелѣваетъ и чрево, и злато, и похоти мучительство. А то жъ всюды полно балвохвальства, вси естесмо грѣшни, многоразличными страстми порабощении, страстемъ якъ идоломъ работаемъ. Мы разумѣли, же тылько еллини были балвохвальцы скверніи, которіи страсти людскіи обоготворили, тѣлесность назвавши Венерою, гнѣвъ—Марсомъ, пьянство—Бахусомъ; ажъ святый Златоустый и насъ подобными бо и горшими идолопоклонниками чинитъ, гды ясно глаголетъ: аще и не изливаеши идоловъ ты, яко же они, но со многимъ усердіемъ тѣмъ же подпадаеши страстемъ, уды Христовы уды блудничи творяй, и иными себе оскверняяй беззаконіи. Правду воистинну нѣякъ пречити тому святому великому учителю. А тожъ гды таковое въ насъ знайдуется идолопоклоненіе, то тужъ,

и пляцъ широкій до страданія, до мученичества, а затымъ и до прославленія въ тѣмъ нашемъ Христа Бога. Если то що грѣхъ, то идолъ, то що страсть, що помшелъ и оказіа побуждаючая и тягнучая до грѣха, то мучитель, а противитися имъ, не сопзволяти, превитяжати страсти есть то мучительство едино и повседневное, зачимъ кождый грѣху сопротивляючійся, себе превитязкаючій, есть мученикъ, славячій въ тѣлѣ своемъ Христа Бога повседневными страданми. Добрѣ той же святый Златоустъ мовитъ: „можеши и ты, аще восхощеши, таковую, (якоже мученицы), принести (себе Богови) жертву, аще не огнемъ (вещественнымъ) сожжеши тѣло, (то) нымъ огнемъ можеши (сіе сотворити), сирѣчь огнемъ нищеты волныя, огнемъ скорби; еже бо притрудное и горькое избыти житіе и тѣло умерщвляти, нѣсть ли всесожженіе? Умертви тѣло твое и распни (грѣхови), и пріимеши и ты мученичества вѣнецъ; еже бо тамо мечъ содѣловаетъ, здѣ усердіе творитъ“. Яко бы реклъ: умучь тѣло твое, а будеши Богови жертва, по апостолу: представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови (Римл. XII, 1). Звитяжь вся, яже въ мірѣ,—похоть плоти, похотъ очесъ, гордость живота (I. Іоан. II, 16) и будешь мученикъ, умертви тѣло свое и поработи е духови, а будешь мученикъ; мертвъ буди грѣху, а станешься мученикъ; язвы Господа своего на тѣлѣ своемъ носи чрезъ умерщвленіе плоти, будешь мученикъ; распни плоть свою со страстьми и похотми, будешь мученикъ. И такъ прославишь въ тѣлѣ своемъ Христа Бога по наученю апостольскому: прославите Бога въ тѣлесахъ вашихъ (I Кре., IV, 20).

Третюю въ Троици Святой персону—Бога Духа Святаго яко прославити маемъ, порадмося святаго апостола Павла. Святый апостоле Павле, увѣдомь насъ, що тежъ мы естесмы Духу Святому? Вѣдаемо, же Богу Отцу естехмы дѣти присвоеніемъ: Азъ буду вамъ во Отца, и вы Мнѣ будете въ сыны и дщери, глаголетъ Господь Вседержитель (II Кре. VI, 18). Вѣдаемъ, же Богу Сыну естесмы члонки—тѣлеса ваша удове Христовы суть (I Кре. VI. 15); а Онъ намъ глава—глава церкви—Христосъ (I Петр. I, 18—19). Естехмо его рабы, невольники, а рабы купленые; куплени бо есте цѣною. А яковою цѣною? Заправдѣ найдорожшою: не тлѣннымъ бо златомъ и сребромъ искупистеся, но честною кровію агнца непорочна и нескверна Христа. А Свя-

тому Духу що? Отповѣдаетъ апостолъ: а зась правы не знаете, же естесте вы Святому Духу единымъ мѣшкалемъ? Не вѣсте ли, яко тѣлеса ваша храмъ суть живущему въ васъ Святому Духу, его же имате отъ Бога, храмъ Божій есте, и Духъ Божій живетъ въ васъ (I Кр̃ѳ. VI, 19, XIII, 16; II Кр̃ѳ. VI, 16). То естесмо Богу Духу Святому церковью? Такъ есть, вы есте церкви Бога живаго, и гдымъ нашимъ тутешнымъ обычаемъ хто запыталъ,—а що за храмъ въ той церкви?—отповидѣти бы: храмъ Духа Святаго,—тѣлеса ваша храмъ есть живущу въ васъ Святому Духу. А хто жъ священникомъ въ той церквѣ? Повѣдаетъ, же священникъ въ той церквѣ—цѣломудріе, и мовитъ: всѣ храмъ есмы Божій, освятившу насъ Святому Духу. Того храма церковникъ есть и священникъ есть цѣломудріе, еже ничто же скверно или нечисто внутрь внести попускаетъ, да не когда Богъ (въ храмѣ томъ) обитаяй, обрѣтши престолъ (свой) оскверненный, опечалится и отидетъ (и оставитъ храмъ пустъ). А такъ цѣломудрію во храмѣ тѣла нашего порожіа. Що жъ то есть цѣломудріе? Цѣломудріе любъ ведлугъ святаго Іоанна Лѣствичника есть общее всѣхъ добродѣтелей именованіе, особливше еднакъ самой чистотѣ прислушаетъ и повинностью альбо служеніемъ своимъ и именемъ; повинностью же ничтоже скверно или нечисто внутрь храма тѣлеснаго чили,—ясньй мовячи,—сердечного внести попускаетъ; именемъ же всюды по отческихъ книгахъ самыхъ чистыхъ звычайно цѣломудренними именуютъ пле тыхъ, которіи и тѣло отъ дѣлъ скверныхъ, и душу отъ оскверняющихъ помысловъ пилно ховаютъ. То простѣйшимъ именемъ той тѣлесной церкви священника чистостью зовѣмо. Церковникъ и священникъ того храма чистота есть. Потребенъ священникъ въ церквѣ, бы славилъ Бога. Потребна чистость въ тѣлѣ, бысмо тою прославили Духа Святаго, яко того, которій чистоту любитъ, и тамъ тылько живетъ, гдѣ чистость видитъ. Чистотою убо теды маемъ Бога Духа Святаго прославляти.

Духа Святаго уподобляетъ святый Златоустъ пчелѣ: и якъ пчелы въ сосудѣ скверномъ не вселяются, такъ Святый Духъ въ нечистѣ живущихъ не обитаетъ,—не имать (мовитъ) Духъ мой пребывати въ человѣцехъ сихъ зане плоть суть (Быт. VI, 3). Що денне Духа Святаго молимъ: пріиди и вселися въ ны. Зъ нимъ бовѣмъ вся благая намъ приходятъ, а безъ него въ

насъ пустки. Гдѣ сядутъ пчолы, тамъ пiекне пластро солодко, меду зробятъ; въ чiемъ сердцу вселится Духъ Святый, тамъ внетъ узришь дарованiя, яко медвенные соты, а скутки тыхъ дарованiй, яко медъ солодкiй. Отколь, выйдутъ пчолы, тамъ на ихъ мѣсто свои гнѣздица лѣпятъ осы, шершне ядовитыи; отколь прогнанъ будетъ Духъ Святый скверными дѣлы, внетъ тамъ наберется скрупуловъ будучихъ яко бы ось, жалъ грѣховныхъ яко шершневъ. Чистый и опатрный держи улей, бысь привабилъ до него рой пщелный; очисти тѣло и сердце, бысь звабилъ до себе Святаго Духа!

Если то естесмо храмомъ Святому Духу, варуймо жъ, бы внетъ зъ него не сталъ вертепъ разбойникомъ! Кривда бы то была, гды бы кто господа зъ власного его дому гвалтомъ выпихаялъ въ шiю. О, якъ великую кривду чинимъ Духу Святому, гды его зъ власного храма отъ себе выгоняемъ скверными нашими дѣлы! Вмѣсто него впровожаемъ часомъ альбо обжиртаго Вила, альбо сквернаго Дагона, альбо лакомого Моліора. Важилъ быся кто яковою спросностью ошпетити домъ царскiй, яковую бы за то понесъ кару? Чегосмы годны, гды храмъ царя небеспаго Духа Святаго—тѣло наше, сердце наше оскверняемъ дѣлы любъ мыслми спросными?

Спытано разъ святую мученицу Серафиму: гдѣ церковь Бога твоего, ему же кланяешися и приносиши жертву? Отповѣдала святая: азъ, чистоту соблюдая, церковь есмь Бога моего, ему же себе самую приношу въ жертву. Реклъ тиранъ: то аще чистота отъ тебе отъята будетъ, убо престанеши быти церковiю Богу твоему? Отказала мученица словами апостольскими: iже растлитъ церковь Божiю, растлитъ его Богъ (I Кре. X, 17). Провaжена потомъ бывши до нераднаго дому, гды до ней присланныи отъ мучителя вшли два вшетечника, а Христова дѣва удалася на молитву до Бога, внетъ тыи пали на землю мертвы, и которiи хотѣли храмъ Святаго Духа чистую дѣву змазати, тыи внетъ душею заплатили. Такъ то карани бываютъ за покаляне чистоты тѣла своего, которое есть Духа Святаго церковiю! Недармо мовитъ святый Златоустый: не имаши власти надъ плотiю въ похотехъ злыхъ, не въ нихъ же аще Богъ повелитъ самыхъ. А если не маемъ власти надъ нашимъ тѣломъ, бо тѣло наше уже есть не наше, куплено на церковь Святому

Духу, яко мовитъ апостолъ—нѣсть свои, куплени бо есте (I Кре. VI, 19—20), не важмося его уже такъ далеце присвоивати, же быхсмо его на злыи наши желанiа уживали, не въ нихъ же аще кому Богъ повелитъ самыхъ.

Не разумѣй, слухачу, абыся тутъ мовило о чистотѣ самыхъ тылько дѣвствующихъ, але о чистотѣ всѣхъ становъ; о всѣхъ бовѣмъ то обще речено: тѣлеса ваша храмъ суть живущему въ васъ Святому Духу. Кождому бовѣмъ такъ супружне жiючому свою чистоту, становi своему прислушающую, ховати, а тою Духа Святаго прославляти должень. Хочь то чистота безсупружныхъ вышшой у Бога ваги отъ супружныхъ, однакъ же якъ есть первая хвална, честна, такъ другая потребна: и тая славна, и овая честна; и первая Богу пріятна, и послѣдняя предъ Богомъ нескверна. Мовитъ апостолъ: инa слава солнцу, инa слава лунѣ, инa слава звѣздамъ (I Кре. XV, 41). Хоць инa, а постарему слава, солнцу своя слава, лунѣ своя слава, звѣздамъ своя слава. Святый Исидоръ Пелюсiота разумѣетъ то о чистотѣ становъ различныхъ и мовитъ: уподобляетъ Павелъ солнцу тѣхъ, иже дѣвство хранити возлюбиша; лунѣ, иже въ вдовствѣ пребываютъ чистѣ; звѣздамъ же уподобляетъ тѣхъ, иже въ честномъ супружествѣ соблюдаютъ ложе свое нескверно. Якъ теды солнцу належитъ быти свѣтлу, и лунѣ свѣтлой, и звѣздамъ нетемнымъ; такъ и дѣвству потреба быти чистому, и вдовству чистому жъ, и малженству чистому,—всѣмъ подобаетъ быти чистыми, бы были Духу Святому храмомъ достойнымъ.

Прославивши Бога въ тѣлѣ нашемъ, ведлугъ науки апостольской належа, абы поучитися широцѣ, яко еще маемъ славити въ душѣ нашей, але бымъ ся не напрыкрилъ теперь слухачови моему, далшему то часови (кому дастъ Богъ въ живыхъ быть), альбо благоразумнѣйшимъ казнодѣiомъ оставляется. Теперь тылько въ кротще наменяю то, же душа наша, по образу Бога въ Троицы единаго созданная, имать трое се: память, розумъ, волю. Иле помнитъ—есть памятiю; иле разумѣетъ—есть розумомъ, иле хочетъ—есть волею. Три дѣйства, а душа едина и должна въ себѣ прославляти Бога, въ трiехъ лицехъ сущаго, а въ единомъ Божествѣ: памятiю славити Бога Отца, мѣючи его завше во умѣ и усмотрячи на него внутрними очима по Давиду—предзрѣхъ Господа моего предъ мною выну, яко

одесную мене есть (Псал. XV, 8); розумомъ славити Бога Сына, иже есть Божія премудрость, слухаючи науки апостольскої—блюдите како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри; не бывайте несмысленни, но разумѣвающіи, что есть воля Божія (Ефес. V, 15—16); волею нашею славимъ Святаго Духа, того хотячи и дѣломъ совершаючи, що Духу Святому благопріятно, а то не хотячи, откидаючи, що ся ему подабатися не можетъ и во всемъ согласуючи съ волею его святою. А якая его воля есть, описалъ апостолъ до Солуняновъ: сія есть воля Божія—освященіе ваше хранити себе отъ блуда или отъ нечистоты и вѣдѣти коемуждо отъ васъ свої сосудъ стяжавати во святынѣ и чести, а не во страсти похотнѣй, якоже и языци, невѣдущіи Бога (I. Сол. IV, 3—5). Еще и трема богословскими добродѣтелми святую Троицу Отца, и Сына, и Святаго Духа славити подобаетъ: вѣрою, надеждою, любовію, и трема евангельскаго житія обѣтами: Бога Отца послушаніемъ, повинуючися ему якъ чада отцу во всѣхъ его повелѣніихъ; Бога Сына нищетою изволною, яко того, который богатъ сый въ милости обнища спасенія нашего ради, да мы нищетою обогатимся; чистотою плоти и духа—Духа Святаго славити. Але то все богомыслныхъ разсужденіе пространнѣй въ себѣ розбирати можетъ, а я не умѣетный да не продолжу времени, кончу подлую бесѣду и печатлѣю ей троичною славою: слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу. Слава Богу Отцу, сѣдящему на престолѣ славы своея! Слава Богу Сыну, преклоншему небеса и сошедшему на землю! Слава Богу Духу Святому, вездѣ сущему и вся исполняющему!

Слава Богу Отцу, создавшему ны! слава Богу Сыну, искупившему ны! слава Богу Духу Святому просвѣтившему и освятившему насъ!

Слава Богу Отцу, упованію нашему! Слава Богу Сыну, прибѣжищу нашему! Слава Богу Духу Святому, покровителю нашему!

Троице святая, Боже нашъ! Слава Тебѣ, Создателю нашему, буди отъ насъ созданія твоего нынѣ и присно на земли, поки о тебѣ есмы, живемъ и движемся, а потымъ и во вѣки вѣкомъ на небеси, его же отъ тебе да сподобимся!

Аминь.

Слово на Святую Троицу.

Въ лѣто 1698. Въ Батуринѣ.

Поклонѣмся Отцу и его Сынови и Святому Духу, святой Троици.

. . . . . .

Въ нынѣшній пресвятой, единосущной, животворящей и нераздѣльной Троицы праздникъ, кланяючися и цѣлуючи икону святую, на которой Троица святая, въ тріехъ лицехъ аггельскихъ изображенна, гдѣ вижу Троицу святую не на престолѣ херувимскомъ на небѣ, але у столу Авраамова подъ зеленымъ дубомъ Мамврійскимъ, сѣдящю на земли, и Авраама старушка зъ заматерѣлою во днехъ своихъ Саррою, хижо охочо ко столу увивающихся, Троици святой до столу услугуючихъ, трактуючихъ: мышлю, (мовячи по человѣку), же теперь при доброй мысли наипогодиѣйшій мѣемъ часъ пріити и поклонитися Отцу, и Сыну, и Святому Духу, слухачу презацный! До неба высоко не кождый и умными богомысленными ногами взыти пострафитъ, а плотяными и цѣле невозможно. До Мамврійскаго зась урочища и до Авраамова намета ближей, бо на земли, если не тѣлесными ногами, то скороходнимъ умомъ, въ едномъ моментѣ всю вселенную обходячимъ, перегриновати можемъ. На небѣ Богъ зъ духами ангеловъ и душами святыхъ въ хвалѣ неприступной непрестанную божественную мѣетъ забаву; а на земли зъ Авраамомъ и Авраамовою дружеско подуфалою забавляется розмовою. Тамъ тысяща тысящей и тмы темъ его обстоятъ; а тутъ якъ на безлюдьѣ, никого опрочь семьѣ Авраамовы не видать. Тутъ теды погод-

ный имѣемъ часъ поклонитися въ нынѣшній праздникъ Отцу, и Сыну, и Святому Духу, святѣй Троици, у столу Авраамова при учтѣ сѣдячой.

Якъ же поклонимся, альбо рачей чимъ поклонимся? якій подарокъ въ поклонъ положимъ? Не досить бовѣмъ головою предъ паномъ поклонитися, тѣло зъ головою до ногъ панскихъ схилити,—але треба и подарунокъ предъ пана положити; и то-то барзѣй теперь поклономъ зовется, гды що предъ пана положишь, а нежъ гды голову тылько предъ нимъ схилишь, и барзѣй паны глядятъ на таковый поклонъ, що предъ нимъ положивъ, а нѣжъ якъ поклонився. А и Богъ Троица, ачъ и лакомства въ немъ жадного нѣтъ, любитъ еднакъ, жебы не нищимъ ему кланялися, не зъ голыми руками къ нему люде появлялися; пишетъ бо ся въ Писмѣ Святомъ—да не явишися предъ Господемъ тощъ (Сирах. V, 4). Здобудмосяжъ на яковый подарокъ, на поклонъ Троици святой угодный, и на столѣ Авраамовомъ предъ Троицею святою положѣмо!

На небѣ гды честныи, а поважныи особы Богу кланяются, кладутъ предъ нимъ свои короны, яко видѣлъ Богословъ: падаху двадесятъ и четыре старцы предъ сѣдящимъ на престолѣ, и кланяхуся живущему во вѣки вѣковъ, и полагаху вѣнцы своя предъ престоломъ, глаголюще: достоинъ еси, Господи, пріяти славу и честь (Апок. IV, 10—11). На таковый мы поклонъ не здобудемся, бо еще коронъ, вѣнцовъ небесной хвалы не мѣемъ; еще насъ небомъ не укоронованно, и Богъ вѣдаетъ, хто того удостоится. Що жъ? Поступимъ земнымъ, а теперешныхъ часовъ обычнымъ трибомъ! Теперешныхъ часовъ гды меншіи старшимъ, подданыи панови кланяются, кладутъ предъ него гроши; сребряную, любъ золотую монету, вмѣсто округлыхъ коронъ — круглый великіи червонныи золотыи, зъ которыхъ иншихъ коронатами называютъ. А и Господь Богъ таковыхъ поклоновъ не переноситъ окомъ, бо и вдовичины принялъ и похвалилъ два хоць малыи гроши, двѣ лептѣ. Що жъ гды бы тая вдова положила была пару червоныхъ златыхъ? Яковой бы похвалы отъ поскарбѣхъ церковныхъ была година? Певне бы беручій то, до скринки реклъ: вдовица сія убогая множае всѣхъ вверже. Але и на таковый поклонъ иле зъ людей убогихъ не кождого станетъ; богатыи скупы, а убо-

гій не имѣетъ. Я теды подлый а убогій умыслилемъ Божіею помощію, яко духовная (хоць грѣшній) персона, зъ духовной, богатой, не скупой скарбницы три мистичные златники отъ той въ Троицу святую вѣры, въ Писмѣ Святомъ выкованные взяти, и Троици святой въ поклонъ отъ тріехъ частій человѣка, отъ душѣ, отъ тѣла, отъ духа положити: отъ души—Богу Отцу, отъ тѣла—Богу Сыну, отъ духа—Богу Духу Святому.

Же Письмо Святое вѣры научаючое, есть яко аврифодина, бо и якъ самое злато, и паче злата и топазіа, отколь и златоустыми, и златословными, и златоглаголивыми великій учители вѣры бывали названы. Нехай же намъ будетъ волно зъ того золота златники робити поводомъ Давида рекшаго: благъ мнѣ законъ устъ твоихъ, паче тысящъ злата и сребра (Псал. CXVIII, 72), то есть надъ тысящу монеты золотой и серебряной; простѣ мовячи, слово Божіе, въ Писмѣ Святомъ о Возѣ человѣка увѣряючое и богоугоденія научаючое, лѣпшъ надъ тысящу червонныхъ золотыхъ и надъ тысячу таларій битыхъ—паче тысящъ злата и сребра. Царь то былъ тысящами личилъ; а зъ насъ худыхъ пахолковъ досить, гды трома тылько златниками предъ Господемъ бразнемъ. Напродъ теды иду до шкатулы святаго Іеронима, хоць нищаго духомъ и вещію, яко законника, на нищету присягшаго, але въ духовный скарбъ неубогого, яко не послѣднего въ церкви Христовой учителя, до шкатулы его, мовлю, до книги его, въ которой онъ пишетъ то, и жъ старовѣчныхъ вѣковъ имя Божое въ таковомъ отъ людей было пошановаю, же его неволно было на чемъ иншомъ писати, тылько на единомъ чистомъ золотѣ, ни на папирѣ, ни на пергаминѣ, ни на древѣ, ни на камени, ни на мѣдѣ, ни на сребрѣ, токмо на дщицы златой. Атожъ тая дщица будь намъ златникомъ, на которомъ напишемъ имя Божое, не попросту, але симболице и первой въ Троицѣ святой особѣ въ поклонъ положимъ.

Златники, яко и кождая монета, не бываютъ голы, але имѣютъ на себѣ выображенія разныи, любъ особы яковыхъ монарховъ, любъ гербы ихъ, знаки, симболя; и Христосъ Спаситель негдысь велѣвши показати себѣ златницу кинсонну, спыталъ фарисеовъ: чій образъ сей и написанія? (Было то тамъ яково есть выображенье и писмо). Глаголаше ему: кесаревъ. Тогда

глагола имъ: воздадите убо кесарева кесареви, а Божіа Богови (Мѳ. XXII, 20—21).

На первой вѣры нашей златницы кладу я симболюмъ таковое: старушокъ Ное держитъ въ рукахъ голубицу зъ сучцемъ масличнымъ, а надписаніе даю: „спасеніе міру“. Вопросѣте жъ мене побожность ваша словами Христовыми: чій образъ сей и написаніе? А я откажу: образъ се есть ветхаго деньми Бога Отца; бо отъ него, яко отъ корене масличнаго, масличная вѣтвь Сынъ родится, и Духъ Святый, яко голубь, исходитъ. Мовь же ты, святая слушность: воздадите убо отчая Отцеви! То поклонъ Богу Отцу, а поклонъ той будетъ отъ души нашей.

Але подобно той златникъ трохи притеменъ; не кождый его дозритъ, не кождый разумѣетъ; атожъ я его прошарую и объясняю толкованіемъ.

Златникомъ бо альбо золотомъ называю святую вѣру, не зъ моего домыслу, але съ церковнаго концепту, зъ того мѣсца, горъ въ предпраздничныхъ Рождеству Христову гимнахъ о трехъ царахъ, съ трема дарми къ Христу пришедшихъ, церковь спѣваючи до золота святую вѣру стосуетъ тѣми словесы: „вѣру яко злато, любовь яко смирну, яко ливанъ дѣяніа принесемъ Зиждителю“. Вѣру мовитъ яко злато: златомъ есть вѣра. Якъ бовѣмъ золото огнемъ, такъ святая вѣра бѣдами, гоненіами выполорована: яко злато въ горнилѣ искуси ихъ (Премудр. Сол. III, 6). Шаровано тое золото каменіемъ,—каменіемъ побіени быша; трено пилами—претрени быша; рѣзано желѣзомъ—убійствомъ меча умроша; пробовано размаите—искушени быша (Евр. XI, 36); то во огнь, то въ воду кладено, гартовано—проидохомъ сквозѣ огнь и воду. То жъ учинено тое (вѣры святой) золото бысть годное скарбници небесной;—обрѣте ихъ достойны себѣ, и выображено на немъ образъ мысленного Ноя, царя небеснаго—Бога, такъ якъ мовитъ апостолъ: чадца ими же болѣзную, дондеже вообразится въ васъ Христосъ (Галат. IV, 19). Вырисовано на томъ златнику вѣры голубицу Духа Святаго, въ сакраментахъ дѣйствуючаго; выражено и сучецъ масличенъ, оливную рожку неотъемлемой благодати Христовы.

За золото дорогіи рѣчи купуются; и за златникъ вѣры чого жъ не купишь? Если бысь мѣлъ того духовнаго золота вѣры

ѕтакъ много, яко велико есть зернятко горчицы, купилъ бысь себѣ таковую силу, которою могль бысь горы преставляти: аще имате вѣру, яко зерно горушично, речете горѣ сей—двигнися и верзися въ море, будеть тако (Мтѳ. XXI, 21). Куповали за тое золото продки наши що хотѣли. Схотѣли монархи свѣта сего себѣ зголдовати,—вѣрою побѣдиша царствіа; схотѣли въ цнотности урастати и, наверхъ добродѣтели возшедши, праведническаго набыти титулу,—вѣрою содѣяша правду; схотѣли одержати обѣтницы отъ Бога,—вѣрою получиша обѣтованія; схотѣли поскромити срогихъ звѣровъ, львовъ, пардовъ,—вѣрою заградиша уста львомъ; схотѣли быти валечными рыцарями, гонити непріятелей,—вѣрою возмогоша отъ немощи, быша крѣпціи во бранѣхъ, обратиша въ бѣгство полкихъ чужихъ; схотѣли на остатокъ мертвыхъ въ гробовъ востаючихъ видѣти, и то получили,—вѣрою пріяша отъ воскресенія мертвыя своя (Евр. XI, 33—35). Такъ дорогіи рѣчи куповали золотомъ вѣры.

А яко вѣра святая есть золотомъ, тако и Богъ Троица, нами вѣруемый, золотомъ же есть; не ижъ бы Божествомъ, которое есть несозданное, невещественное, имѣло въ себѣ созданнаго, вещественнаго золота назову; не якъ Богъ, альбо идолъ Навходоносоровъ, котораго было тѣло золотое, але же чрезъ подобенство золота можется отъ насъ доходити Божества сила. Звыкло бовѣмъ Писмо Святое и учители створителя счаста створеннимъ речамъ уподобляти, имена створоныхъ рѣчій Богови приписовати, называючи его ово огнемъ, ово солнцемъ, ово моремъ, ово золотомъ и далѣй; неижъ бы Богъ тымъ былъ власнѣ былъ, але жебы человѣкъ разумный, разсмотрѣніемъ рѣчій створныхъ, якъ по степеняхъ поступаючи, приходилъ до познаня самого створителя, и чрезъ многія многихъ створеныхъ рѣчій совершенства домышлялся, яковое есть въ Бозѣ Создателѣ нескончоное совершенство; для чего мовитъ Давидъ: поучихся во всѣхъ дѣлехъ Твоихъ, въ твореніихъ руку твоею поучахся (Псал. CXLII, 5). Зъ твореня,—мовитъ,—твоего, Боже, научихся знати тебе Бога. Если есть піенкное небо и на небѣ видимое солнце, мѣсяцъ, звѣзды; о якъ есть піенкнѣйшій той, который піенкныи тыи сотворилъ рѣчи! Если есть хороша земля, и на ней весолыи проспекта, горы, холми, лѣсы, дубравы, сады, виногради, сіола, цвѣты, нужъ дорогіи рѣчи—сребро, золото,

каменя неошацованное, нужъ люде піенкнои твори, надобныи подобныи лица ангеломъ, якъ же есть хорошій дорожшій, надобнѣйшій той, который все тое создалъ своею силою и премудростію! Такъ чрезъ подобенство створеня створителя познати учачися, на сей часъ золота подобенства уживаемъ.

Золото въ глыбокихъ, закрытыхъ нѣдрехъ земныхъ родится; нескоро его кто знайдетъ. А Божество Троици Святой кому жъ открыто? Кто его дойти и выпинрати можетъ? Добрѣ мовитъ Исаіа: воистинну ты еси Богъ сокровенный, Богъ Израилевъ (Ис. XLV, 3). Золото пиліоровное піенкнымъ блискомъ блещится и нѣбы солнечныи въ себѣ выдаетъ промени. А Божество Святой Троици о якъ пресвѣтлыхъ лучь непзреченнаго сліянія есть исполнено, на котораго сіянія малую часточку на Ѳаворѣ оказанную и святыхъ очи не могли взглянути: и быстровзрачный евангельскаго орла, мовлю, святаго Іоанна Богослова взрокъ, мусѣлъ тупѣти, не терпяше зрѣти невидимаго. Золото людей обогащаетъ и божество святой Троицы богатства даровъ своихъ наполняетъ весь свѣтъ, отколь спѣваетъ Дамаскинъ святый во антифонахъ: богатитъ бо всякому тварь, тому послужимъ. Золото всѣмъ любо; о якъ Богъ есть любъ тымъ, которын суть праваго сумнѣнія: коль благъ Богъ Израилевъ правымъ сердцемъ! (Псал. LXXII, 1). Зъ одного золота розная дѣлается золотая монета: такъ едпого Божества три раздѣлныи суть персоны,—Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ. Кругла есть золотая монета; и божество свою округлость мѣетъ, бо конца и початку въ немъ нѣсть, якъ въ циркулу; безначальный есть, якъ въ циркулу; безначальный есть Богъ, той же и безконечный.

Реклемъ, же на златнику вѣры нашей, Богу Отцу въ даръ приносимомъ, симболѣзуетъ Отца особа Ноева, голубицу съ сучцемъ масличнымъ держачая; бо обое то, и Сынъ, и Духъ во Отцы, отъ Отца и со Отцемъ есть нераздѣлно: Сынъ яко лѣторосль масличная, отъ корени масличнаго, то есть оливнаго. А яковъ корень, такова и вѣтвь отъ него: яко Отецъ, таковъ и Сынъ. Масличина альбо олива есть знакомъ премудрости въ пяти мудрыхъ дѣвахъ, есть знакомъ милосердія въ самарянинѣ, возліявшемъ елей на человѣка, отъ Іерихонскихъ разбойниковъ збитого, есть знакомъ царства въ помазаню Давидовомъ отъ

Самуила, есть знакомъ радости въ псалмѣ Давидовомъ,—мовячемъ,—помаза тя, Боже, Богъ твой елеомъ радости (Псал. XLII, 8), есть знакомъ покоя мира въ вѣтвахъ масличныхъ овыхъ, зъ которыми Христа въ брамѣ Іерусалимской спотикано, а спѣвано: осанна, благословенъ грядый (Лк. XIX, 38), миръ на небеси. Богъ Отецъ корень есть всей премудрости, всего милосердіа, всей царственной власти, всего покоя, царь міра, отецъ будущаго вѣка, и всей радости по апостолу: благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, утѣшаяй насъ въ всякой скорби нашей (I Кр. I, 3—4). Богъ Сынъ, якъ отрасль, изъ корене отъ Отца рожденный, есть единна премудрость по писанному—мы же проповѣдуемъ Христа Божію силу и Божію премудрость (I Кр. I, 23—24); есть самое милосердіе,—и милость его отъ рода въ родъ на боящихся его (Псал. CII, 17) есть царь всея тварі,—и царьствію его не будетъ конца; есть радость наша, который мовитъ,—пріиду къ вамъ, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никто же возьметъ отъ васъ (Іоан. XVI, 22); есть покой нашъ, по писанному той есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино (Ефес. II, 14). Той сучецъ масличенъ принеслъ голубь отъ небеснаго Ноя, отъ Бога Отца, Духъ Святый, испущенный въ видѣніи голубиномъ, а принесъ до утробы пречистой и благословенной Дѣвы, справивши въ ней воплощеніе Слова: и Слово плоть бысть (Іоан. I, 14). А такъ спасеніе міру бысть, яко и тропарь благовѣщенского праздника твердитъ, мовячи: днесь спасенію нашему начатокъ. Уступили отъ земли воды всеродной клятвы, за преступленіе адамово на людскій народъ падшой, въ которой натура наша была затовула: уступилъ потокъ гнѣва Божіа и явилася суша, высхненіе болота грѣховнаго клятвеннаго,—клятва потребися.

Таковымъ толкованіемъ той златникъ прошаровавши, кладемъ на столѣ Авраамовомъ, то есть кшалтомъ Авраама вѣрного, о которомъ Писаніе: вѣрова Аврааму Богу и вмѣнися ему въ правду (Римл. IV, 3). И нехай той нашъ поклонъ Богу Отцу будетъ отъ души нашей! Кланятися зась отъ души есть при вѣрѣ оферовати ему душу нашу, яко тому, который далъ есть намъ душу божественнымъ и животворящимъ водхновеніемъ. И не иначей будетъ Богу Отцу поклонъ вѣры нашей пріемный, ено гды при поклонѣ оферовати мемо душу нашу

такъ же, якъ яковый дорогій златникъ; бо и душа наша стала нынѣ золото Богу, да и дорожшей золота, гды Сына своего единаго любимаго отважилъ,—тако возлюби, яко Сына своего единороднаго далъ есть (Іоан. III, 16). На той дорогой душѣ, якъ на золотой монетѣ, есть образъ Божества, альбовѣмъ по образу Божію создана, розумомъ и самовластіемъ почтенна и есть якъ единый божокъ, вѣдущій доброе и злое, и по своей волѣ доброе любъ злое чинячій. О томъ то мовится: азъ рѣхъ бози есте, и сыновє Вышняго вси (Пс. LXXXI, 16). Изображенъ на той золотой монетѣ, мовлю, въ душѣ людской, образъ Бога Отца въ памяти, Бога Сына—во розумѣ, Бога Духа Святаго въ волѣ. Мѣетъ тая монета выображена на себѣ альбо подобенство Ноя. Якъ бовѣмъ Ноє въ ковчезѣ, такъ она сѣдитъ въ тѣлѣ, а плываетъ по морю міра сего великому и пространному; мѣетъ выображеніе масличны, гды той подобится, въ обфитости духовныхъ плодовъ, мовячи: азъ же яко маслина плодовита въ дому Божіи (Псал. LI, 10). Мѣетъ выображенье голуба, якожъ и знайдуется то на пѣкоторыхъ, мѣсцахъ въ исторіахъ церковныхъ, же души людскіи (иле людей святыхъ) въ подобіи голубицы бѣлой бывали видѣнны, ато для чистаго ихъ сумнѣнія. Тую теды залотую монету, душу нашу, Богу Отцу въ поклонъ офѣруймо, вѣруючи въ него и любячи его отъ всея души нашея.

По другій златникъ, для другой въ Троици святой персоны, иду до шкатулки облюбеници райской въ Пѣснехъ пѣсней замкненной. Тая закохавшися велце въ возлюбленномъ своемъ жениху небесномъ Сыну Божомъ, а хотячи его завше предъ умными нашими очима мѣти, малюетъ того особу на таблицы сердца своего, а малюетъ не ляда фарбами, але самымъ златомъ, и отрисовавши напродъ его голову, мовитъ: глава его—злата глава; отрисовавши руки, и мовитъ: руцѣ его круглѣ златѣ (Пѣснь пѣсней, V). А я тое золотое рысованіе беру до мистичнаго златника вѣры нашея въ Бога Сына и кладу на немъ симболомъ таковое: Исаакъ несетъ бремя дровъ на раменахъ, надписъ—той бремя наше понесе. Вопросѣтежъ мене побожность ваша: чій есть образъ сей и надписаніе? Одповѣмъ: Бога Сына; той бовѣмъ, ставшися мысленнымъ Исаакомъ, понеслъ на себѣ бремя грѣховъ нашихъ. А ты, святая слушности,

повѣждь: воздадѣте убо сыновия сыновп, и будетъ поклонъ нашъ Богу Сыну!

Вѣра въ Бога Сына, альбо рачей самъ Богъ Сынъ благочестно отъ насъ вѣруемый, есть единимъ, хощь невещественнымъ золотомъ. Уважаючи единъ зъ неотеричныхъ выкладачовъ овые выше реченные въ Пѣснехъ пѣсней слова, концентуетъ, же то (слова его) самъ Сынъ Божій схотѣлъ быти золотомъ, а то для того: видячи Сынъ Божій иже зъ людей на свѣтѣ мало хто его любитъ, а золото любятъ вси, такъ, яко другій далъ бы око выколоти, альбо душу свою за золото отдалъ бы, то видячи то Сынъ Божій помыслилъ въ себѣ: а тожъ стану я золотомъ азали и мене люде такъ, якъ золото полюбятъ. И пирячи той неотерикъ концентъ свой, приводитъ особу самого Христа, яко бы мовячаго такъ: былемъ (правп) виноградомъ,—азъ есмь лоза, вы же рождіе (Іоан. XV, 5); и якъ лоза виноградная до кола, такъ я до креста былемъ привязанный желѣзными гвоздми; але на мои грона, а грона червоныи, на кровавы раны никто не поглянулъ. Отколь Августинъ мовитъ: многи хощутъ соцарствовати, но не сострадати. Былемъ рѣкою, привывалемъ—жаждай и да грядетъ ко мнѣ и да піетъ; а иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не возжаждется во вѣки (Іоан. IV, 14). А хто жъ пришолъ черпати тую воду? Една самаританка пришла была почерпати, и тая, оставивши водонос свой, въ градъ отиде.

Виноградъ бѣхъ,—гроздъ нашихъ не бѣ пріемлюща.

Рѣка бѣхъ, но водъ нашихъ не бѣ почерплюща.

Былемъ,—мовитъ,—деревомъ (Христосъ есть древо животное), распростерлемъ нѣбы вѣтви руки мои,—на крестѣ пречистыи руцѣ простерлъ, а хто жъ усѣлъ подъ тѣнью того древа? Кто подъ крестомъ подъ страданми любитъ почивати? Былемъ (мовитъ) вождомъ, ба и самою дорогою,—Азъ есмь путь грядѣте по мнѣ (Іоан. XIV, 6),а чи многожъ тыхъ, которіи пошли за мною? Болшъ тыхъ, о которыхъ написано въ Евангеліи: мнози оставльше его къ тому не хождаху съ нимъ.

Древо бѣхъ,—въ нашей сѣни сѣдяше никто же.

Вождь бѣхъ, всякъ нашимъ путемъ ити не возможе.

Былемъ (мовитъ) солнцемъ,—азъ есмь свѣтъ міру (Іоан. VIII, 12), приступитѣ ко Мнѣ и просвѣтитеся; ажъ сякій такій въ темный кутъ: никтоже бо моимъ хотѣлъ освѣщатися свѣтомъ:

всякъ, дѣлаяй злая, ненавидитъ свѣта и не приходитъ къ свѣту, да не обличатся дѣла его.

Былемъ (мовитъ) пастыремъ овцамъ, — азъ есть пастырь добрый, душу мою за овцы полагаю (Іоан. X, 11), а чи много жъ тыхъ овецъ? мало же избранныхъ, а и тыи пошли вростичь: поражу пастыря, и разыдутся овцы; оставльше его, бѣжаша (Мтѳ. XXVI, 31).

Солнце бѣхъ, моимъ свѣтомъ никтоже сіяше.

Пастырь бѣхъ, по мнѣ ити не всякій хотяше.

Щожь учиню, Господь мовитъ? Вѣдаю, що учиню: золото теперь люде по всемъ свѣтѣ любятъ; атожь учинюся золотомъ, абы Мене вси улюбили.

Что сотворю? Злато всѣмъ любезно повсюду.

Да вси мене возлюбятъ, злато нынѣ буду.

И прето глава его—злата глава, руцѣ его круглѣ златѣ.

Тое золото выкупило насъ отъ вѣчной погибели адской: не тлѣннымъ златомъ искупистеся,—мовитъ апостолъ,—но честною кровію агнца непорочна и нескверна Христа (I Петр., I, 18—19). Тое золото справило намъ животъ вѣчный, банкетъ въ небѣ: Азъ завѣщаю вамъ, яко же завѣща Отецъ мой царство, да ясте и піете на трапезѣ моей въ царствіи Отца моего (Лк. XXII, 29-30). То золото укороновало и вѣчне укоронуетъ головы наши; вѣнецъ Христосъ—коронатъ то червонный,—на главѣ его вѣнцы мнози. Выображенъ на томъ златнику образъ Бога Отца, по писанному: сіяніе славы отча, и образъ ипостаси его (Евр. I, 3), такъ выраженъ въ немъ Отецъ же хто его видитъ, Отца видитъ: видѣвый Мя, видѣ Отца (Іоан. XIV, 9).

Реклемъ, же на златнику вѣры нашей въ Бога Сына симболѣзуетъ божественную его сыновнюю особу Исаакъ, бремя дровъ на раменахъ носячій. Альбовѣмъ Христосъ, Сынъ Божій, грѣхи наши, яко дрова зобралъ въ бремя, до купы: преступленіе Адамово, яко великое и тяжкое полѣно зъ закланнаго дерева вырубанное; братоубійство Каиново, отцеругателство Хамово, балвохвалства, дѣтоубійства, вшетеченства Израелитовъ,—все то дрова, дрова то огня пекелнаго годныи; все то, въ купу собранное, стало тяжкимъ бременемъ, жеся ускаржати мусилъ—яко бремя тяжко отяготѣша на мнѣ (Псал. XXXVII, 5), и двигнулъ тое грѣховъ людскихъ бремя на рамена свои, якъ

негды Иссакъ дрова и понеслъ ихъ съ тяжкимъ нань вложонымъ крестомъ, а понесъ на Голгоѳу, абы тамъ былъ за насъ офѣрою: той грѣхи наша понесе; на тѣлѣ своемъ вознесъ на древо (I Петр., II, 24),—мовитъ апостолъ. А мы того его добродѣйства, волного его за ны страданія, должны есмы не до животнѣ тылько, але и въ безконечные вѣки, въ благословенной вѣчности быти благодарны; доживотне зась, на знакъ благодаренія, повинни-смо той златникъ роспомятования страданія его, а нашего откупіеня предъ нимъ въ поклонъ класти. А будетъ тотъ поклонъ отъ тѣла нашего благопріятный, вдячный Богу Сыну, если зъ тымъ, то есть зъ благодарнымъ роспомятиванемъ Христова страданія, а нашего откупіеня, будемъ тѣла наши умерщвляти и якобы на жертву, нѣбы Авраама Исаака, Богови оферовати и складаючи зъ себе бремя грѣховное истиннымъ покаяніемъ, и закалаючи ножемъ страха Божія въ себѣ намѣтности, вожделѣнія грѣховныи, не щадячи, ни жалѣючи себе для Бога, яко и Богъ для насъ не пощадѣлъ Сына своего. То бовѣмъ есть правдивый поклонникъ, который не жалѣетъ дарунку кладомого въ поклонъ пановы; то истинный поклонникъ Богу, который не со скорбѣніемъ, але зъ охотою себе умерщвляетъ, офѣруючися Богови, и вся своя отдаючи ему.

Въ сей оказыи приточу тутъ единъ съ Писма Святаго дискурсъ. Двѣ знаходятся въ Писмѣ Святомъ особы, которыи дѣтей своихъ на жертву Богови офѣровали,—Авраамъ и Іефѳай, судіа Израильскій и вождь воинства Израильскаго: той офѣровалъ сына, а овъ дочку. Идучи бовѣмъ на войну противъ аммонитовъ, такъ обрекался Богови: гды (мовитъ), Господи, даси мнѣ звитязство надъ непріятелемъ, а я вернуся здоровъ до дому, то що зъ воротъ дому моего выйдетъ противу мене, тое буду тебѣ офѣровати: да будетъ се Господеви и вознесу его во всесожженіе (Суд. XI, 31). Гды теды далъ ему Богъ непріятеля знести до щенту, а ворочался зъ тріумфомъ до дому своего, вышла ему зъ воротъ на спотканье дочка его единачка, въ которой велце кохался, бо не мѣлъ иншаго потомства: се дщи его исхождаше въ срѣтеніе ему съ тимпаны и лики. Тую теды, ачь зъ немалымъ своимъ жалемъ, закололъ на жертву Богови. Тутъ же рѣчъ задивленія и ували годна: гды Авраамъ вознесъ на жертву Исаака сына своего и простеръ руку зъ ножемъ на

заколеніе Исааково, Господь Богъ заразъ послалъ ангела своего, который унялъ рукъ зъ ножемъ Авраамову, мовячи—не возложи руки твоея на отрочища (Быт. XXII, 12), и не далъ заколоти Исаака; а гды Іефѳай закалалъ дочку свою тому жъ Господу Богу на жертву, не послалъ Богъ ангела и не унялъ руки Іефѳаевы, ни оборонилъ той паненки отъ смерти. Чему жъ то тамъ ангелъ младенца Исаака оборонилъ, а дѣвицы не оборонилъ отъ заколенія? Чи же Іефѳай хоць былъ человѣкъ рыцерскій, битный, яко о немъ пишется — бысть мужъ воинъ сильный крѣпостію (Суд. XI, 1), але мѣлъ пригану въ своемъ уроженю, бо былъ ложа непоцтиваго, сынъ жены блудницы; Авраамъ — человѣкъ благородный, уроженя зацного, и прето ангелъ потомка его Исаака, яко зяцнаго роду сына, отъ смерти оборонилъ быся такъ добрыи болшъ плодили; а Іефѳаевы дщери не боронитъ, злаго урожденья не щадитъ, бы тая панна, дорослш лѣтъ, не схотѣла быти якъ еи бабуся, жена блуднице? Але Господь Богъ и непочтиваго ложа потомствомъ не гнушается, ни брядится, яко и въ родѣ Христовомъ зколько таковыхъ знайдетъ. Чи тежъ же Исаакъ былъ мущизна, а то женскій полъ, и прето лѣпшій респектъ Божій на мущизну, анѣжъ на женщизну,—мущизни боронитъ, а женщизни отъ смерти не заступаетъ? Але у Господа Бога всѣхъ душа, якъ и мущизни, такъ и женщизни въ единой суть цѣнѣ и вазѣ; ровно, якъ одну створилъ, такъ и другую; отколь мовитъ апостолъ: нѣсть мужескъ полъ, ни женскъ (Галат. III, 28); нѣтъ у Бога особлившаго респекту на мущизну, нѣжъ на женщизну, — вси у него ровны. Що жъ въ жды за причина? Если мы сами не домыслимся, то скажетъ на причину святый Амвросій, мовячій такъ: понеже не единъ бяше образъ обою усердіа къ Богу, того ради и не едино защищеніе; же не единакова заслуга, прето не единакова и оборона. Якъ же не единакова заслуга? Родитель Іефѳай болѣзноваше сердцемъ и плакаше по дщери своей; родитель же Авраамъ не болѣзноваше, ни плакаше; а тожъ ясная причина, чему ангелъ Исаака боронилъ, а дочки Іефѳаевы не оборонилъ (Суд. XI, 35). Жалѣлъ Іефѳай дочки своей, болѣзноваше и плакаше; не жалѣлъ Авраамъ сына, ни болѣзноваше, ни плакаше. Зъ охотою Авраамъ вознесъ Исаака; не зъ охотою, але якъ зъ мусу вознесъ Іефѳай дщерь, и прето

будь ты, паничу Исаакъ Авраамовичъ, живъ, а ты, панна Іефѳаевна, умри, понеже не единъ образъ обою усердіа, не едино убо и защищеніе. Тотъ то пріемный Богу даръ, который бываетъ даванный ему не жалуючи; а тотъ мнѣй пріемный ему даръ бываетъ, котораго гды хто даючи жалѣетъ. Такъ теды и нашъ поклонъ, отъ тѣла нашего бываемый Богу Сыну, пріемный быти разумѣймо, гды щадячи альбо не щадячи себе, жалѣючи альбо не жалѣючи, скорбячи альбо охотно себе ему офѣруемъ, тѣло наше въ стременжливостю и повстягненіемъ аффектовъ грѣховныхъ ему яко жертву закалаючи.

По третій златникъ третей въ Троици святой персонѣ Богу Духу Святому належащій, иду до скарбницы царской, до сокровищъ царя Давида, гдѣ межи многими размаитыми дорогцѣнными спеціалами царскими вижу голуба зъ серебрянными крилами, а зъ золотыми раменми: крилѣ голубинѣ посребренѣ и междораміа ея въ блещаніи злата (Псал. LXVII, 14). Беру я тое золото до златника нашего, до вѣры въ Бога Духа Святаго, а кладу на немъ симболюмъ таковое: огнь въ храмѣ свѣдѣнія, на алтарѣ завше палаючій, по прикладу Бога, мовячего до Моисея — огнь на олтарѣ да будетъ выну и не угаснетъ (Левит. XVI, 13); а надъ тымъ огнемъ пишу лемма, надписаніе—въ поученіи моемъ (то есть въ богомыслности) разгорится огнь. Вопросѣте жъ мене: чій есть образъ сей и надписаніе? А я реку: Бога Духа Святаго, бо той и во видѣніи голубинѣ, и во видѣніи огня сходитъ. Мовь же ты, святая слушности: воздадѣте убо духовная духови! Тутъ же удивляюся напродъ божественной Духа Святаго силѣ: той же а одинъ Святый Духъ, въ размаитыхъ рѣчій подобіахъ является: разъ въ постатѣ голубинѣй, яко надъ Христомъ Спасителемъ во Іорданѣ крещшимся; повторе въ подобіи огня, яко дня вчорашного въ огненныхъ языцехъ взышолъ на апостолы; а часомъ въ елементѣ водномъ, яко во оной росѣ, которая на руно зишла Гедеоново, а и вчора на божественной литорги во Евангеліи называно Духа Святаго водою, рѣкою: вѣруяй въ Мя, изъ чрева его потекутъ рѣки воды живы (Іоан. VII, 38). Се же глаголетъ о Дусѣ. А всѣ то рѣчи себѣ суть далекіи и велце противніи; огнь не обрѣтается зъ водою, голубь не чинитъ товаришства зъ огнемъ; одно другому шкодитъ,—гаситъ огня вода, опаляетъ

огнь птицу,—яко жъ въ Духу Святомъ вси тыи рѣчіи ся згождаютъ, яко не вредитъ одно другаго,—не гаситъ огня вода, не опаляетъ огнь птицы? Чи то тыи отъ превышніе небесъ сходячіи рѣчи, не таковой суть силы, якъ земныи? Таковая-то тамъ подобно вода, же и искры огня не гаситъ, и таковый огнь, же и птичаго піорка не опалитъ? Але не есть такъ! Овшемъ божественный оный огнь есть таковой моцы и силы, же гды бы доткнулся горъ и скалъ, тыи якъ сухіи дрова бы ся загорѣли,—прикасаючи горамъ и воздымятся (Псал. СШ, 32). Палъ разъ огнь божественный на жертвы святого Иліи Пророка и попалилъ не тылько дрова, але и камене, и воду; а воды божественной Святаго Духа гды бы одна капля на цѣлое пекло укапула, невне бы весь геенскій огнь скутечне загасила. Чему жъ въ Духу Святомъ едно другаго, вода огня, а огнь голуба не вреждаетъ? Тая а не иная причина, же Духъ Святый, есть духъ любве, духъ мира, праве самая любовь, самый миръ; а любовь и миръ кого жъ не погодитъ, не змиритъ, и далекіи и противныи, враждебныи рѣчи въ дружеское соединеніе злучитъ въ стислую пріязнь и любовь споитъ? Проба того въ купинѣ огненной въ Синаи. Гды Господь Богъ умыслилъ въ стислую заити любовь зъ человѣкомъ, нерозорванное примиреніе и дружество, далъ того знакъ таковый: купина огнемъ горяше и не согараше (Исх. III, 2). Былъ въ купинѣ хворостъ, сѣно, тростіе, а огнь, который горы и скалы яко солому палитъ, той едного зюла въ купинѣ не опалилъ,—такъ ласковѣ, дружеско, пріятельско зъ купиною ся обходилъ: купина горяше и не согараше; бо предначалъ Божію любовь и миръ съ человѣкомъ, же Божество съ человѣчествомъ, якъ огнь зъ соломою и сѣномъ купиннымъ случившися, не опалитъ человѣчества, а ни человѣчество опалится отъ Божества. Тожъ власнѣ и въ Духу Святомъ дѣется: ижъ Духъ Святый есть Духъ любве и мира, прето такъ помирилъ, погодилъ и зедночилъ противніи себѣ рѣчи, же огня вода не гаситъ, ни огнь воды высушаетъ, ни птичина пюра опаляетъ. А мы оттоль учѣмся любве и мира зъ ближнимъ нашимъ; гды бовѣмъ будемъ любезны и мирны, теды всякіи неснаски погодимъ. До того уважаючи въ Духу Святомъ, же голубъ огнемъ не опаляется, познаваемо, ижъ чистота и огня не боится; голубь бовѣмъ есть чистоты симболюмъ,

Проба того въ пещи вавилонстѣй: тріехъ чистыхъ отроковъ не вредилъ есть огнь. Еще вопрошаю, чему то Духъ Святый на Христа Спасителя взышолъ въ постатѣ голубиной, а на апостоловъ не въ голубиной, але въ постатѣ огня? И чему также не взышолъ на Христа Спасителя въ огнѣ, яко на апостоловъ? Поки кто яковый концентъ вымыслитъ, я иду по причину до канона. Спѣваются въ единомъ ирмосу слова, а власне до апостоловъ,—таковыи: избавленіе и очищеніе грѣховъ огнедухновенную пріимѣте росу, о чада свѣтообразная! И если то апостолы потребовали избавленія грѣховъ и очищенія, то въ нихъ еще было терніе грѣховное; треба теды было Духу Святому на нихъ взыти въ огнѣ, абы тое терніе выпалилъ, не просто въ огнѣ, але и въ росѣ, яко спѣвается: огнедухновенную пріимѣте духа росу! И огнь, и роса! Огнь, бы терніе грѣховное выпалилъ, роса, абы и попелъ той змыла. На вочеловѣченнаго въ насъ Сына Божія не треба было терноналительнаго огня и чистителной росы, бо безгрѣшенъ, нѣчего было въ немъ палити и чистити,—очищенія яко Богъ не требуяй, и прето взышолъ на него Духъ Святый не въ огнѣ, але въ подобіи чистой птицы голубя, на знакъ чистости и безгрѣшія Христова.

Знову: апостолы святыи, хоць имѣли любовь къ Богу, но еще не совершенную, яко человѣцы, и прето треба было на нихъ взыйти Духу Святому въ огнѣ, абы распалилъ ихъ сердца въ совершенную любовь Божію. Не треба было таковаго огня на Христа Спасителя, бо Онъ не гды не былъ безъ любви, безъ Духа Святаго, который, будучи самою любовію, межъ Отцемъ и Сыномъ посредствуетъ, и Отца зъ Сыномъ вяжетъ звязкомъ нераздѣлнымъ.

По трете: потребовали апостоли просвѣщенія, бо еще были якъ бы во тмѣ, не въ совершенномъ вѣдѣніи о Троицы святой; а просвѣщеніе звычайне отъ огня бываетъ; во огнѣ теды взошолъ на нихъ Духъ Святый, абы ихъ просвѣтилъ. А Христу Спасителю не треба было жадного просвѣщенія, бо онъ самъ былъ (хоць въ тѣлѣ людскомъ) свѣтъ, достаточне знающій Отца—ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ (Матѳ. XI, 27), и прето не въ огнѣ на него взошолъ Духъ Святый.

Але давши тому покой, мовлю сіе, же вѣра наша въ Святаго Духа повинна быти яко междораміа голубинныи въ бле-

щаніи злата. Рамена споюютъ двое крилъ. Вѣра наша повинна спояти двое крилъ: любовь къ Богу и къ ближнему. Не можетъ птица о единомъ крилѣ летати, ни вѣра единымъ криломъ любве залетитъ до неба. Крила обоя посребренніи суть тымъ сребромъ, которое залѣзаетъ той же Давидъ, мовячи: словеса Господня — словеса чиста, сребро раждеженно (Псал. XVII, 31). Наука божественная, боголюбіа и друголюбія поучающая, есть то чистое сребро, а сребро раждеженное горливостью къ Богу и къ ближнему, тыи обѣ крила посребреннѣ, мовлю любовь Божію и любовь ближнего, яко рамена вкупу, бы една не была безъ другой—споюетъ Духъ Святый, будучи самая любовь Бога Отца и Бога Сына и изливающаяся якъ разстопленный сребряный альбо золотый крушецъ къ человѣческому роду, по писанному — любы Божія разліяся въ сердцахъ вашихъ Духомъ Святымъ, даннымъ вамъ (Римл. V, 5). А рамена тыи голубинѣ, два крила, мовлю, двойственную любовь споюючіи, суть позолочены,—и междораміа ея въ блещаніи злата,—показуючи то, же якъ злато кождую рѣчъ здобитъ, такъ любовь тая есть, наиздобнѣйшая, наисцѣльнѣйшая, наихвалебнѣйшая, которая и къ Богу и къ ближнимъ мѣется, и яко бы обое то вкупу злютовуетъ. Такъ Духа Святаго золотомъ утитуловавши, до изображеннаго на томъ златнику симболюмъ, до огня на олтарѣ палаючаго, приступѣмо.

Двоякій былъ огнь въ храмѣ Божомъ въ ветхозаконной скиніи, отъ Моисеа споряженной. Единъ огнь внутръ на олтару, а той былъ оный огнь, которы на початку зишолъ зъ неба на сожженіе жертвъ отъ Аарона принесенныхъ. И было зъ росказаня Божого пилное того огня догляданье, абы не згаснулъ нѣгды, але уставичне, въ день и въ ночи, абы горѣлъ, того пилновали священницы до огня оного приставленныи, а заживано его до самыхъ тылько паленія жертвъ и всесожженій, а на иныи яковыи потребы неволно было его заживати подъ горломъ. Другій былъ огнь предъ дверми храма свѣдѣнія, не зъ неба зшедшій, але земный, посполиты, и звано его огнь чюждый, котораго неволно было ужити до жертвъ, Богови приносимыхъ, анѣ внести его внутрь храма; и гды два сыны Аароновы, Надавъ и Авіудъ, того огня чуждаго, посполитого, вложивши въ свои кадилницы, важилися внести внутрь до

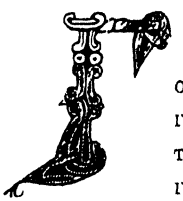
храма Господня, внетъ изыдолъ огнь отъ Господа и спалилъ ихъ въ пепелъ.

Огнь любве нашей повиненъ завше палати къ Богу въ сердцу. Подгнѣта огня того уставичная богомысльности: въ поученіи моемъ (то есть въ богомысльности) разгорится огнь. Чуждый огнь то есть мірскій и грѣховный, да не вносится внутрь сердца, подъ горломъ, то есть подъ вѣчною смертію, жебы огнь пекелный не палилъ на вѣки. Отъ духа нашего поклонъ Святому Духу, духомъ горяще, Господеви работающе, духомъ правымъ, обновленнымъ во утробѣ, духомъ умиленія. Свидѣтель ми есть Богъ, ему же служу духомъ моимъ. (Римл. I, 9).

Амінь.

Слово въ недѣлю 27-ю о женѣ сляченной.

Лука 13, зачало 71.



ость естемъ въ богоспасаемомъ семъ вашомъ градѣ, слышателю мой возлюбленный. А гость тогды вдячецъ, если зъ гостинцомъ. Не безъ гостинца теды и мнѣ явитися предъ общность вашу подобаетъ. Якъ же духовная естемъ особа, прето духовный приношу и гостинецъ, а гостинецъ—Божіе слово, бренными моими устами проповѣдуемое. Тое назвиско „гостинецъ“ двоякую рѣчъ значитъ, разъ значитъ даръ, господареви отъ гостя приносимый; повторѣ гостинецъ значитъ дорогу битую, шляхъ. Слово Божіе обоими тыми есть рѣчами: подаркомъ и дорогою. Есть подаркомъ, а ще надъ злото и дорогое каменье, ведлугъ Давида: возлюбихъ заповѣди твоя паче злата и топазія (Пс. CXVIII, 127). Топазій есть то дорогій камень, але и злото не дешево, а Давидъ святый надъ злото и надъ топазій дорожшей Божіе слово шацуетъ: паче злата и топазія. Есть слово Божіе и дорогою: путь,—мовитъ,—заповѣдей твоихъ текохъ (Псал. CXVIII, 32). Бо якъ дорога до города, такъ слово Божіе до царства небеснаго ведутъ якъ за руку. Битая то дорога, убили еи такъ многіи святыи трудами своими, убили еи и такъ многіи грѣшники и грѣшницы въ истинное покаяніе пришедшіи и дошедшіи небеснаго царьства. Той теды дая мой гостинецъ слово Божіе, изъ исторіи нынѣшней евангельской, якъ зъ дороги утороваиной гостинецъ, бо давнимъ а нынѣшнихъ вѣковъ незаживаемымъ стилемъ, стылемъ древнихъ отецъ святыхъ, стылемъ гомиліастичнимъ проповѣдь

мою предложити милостямъ вашимъ умыслилемъ, Господу поспѣшествующу и слово утверждающу; а милость ваша извольте внимательнымъ, а не тесклывымъ слуханіемъ вдячнѣ пріимовати.

Евангеліе: во время оно бѣ Іисусъ уча въ единомъ отъ сонмищъ въ субботы и проч.

Во время оно: въ которое время? Въ то, гды Господь нашъ, учувши вѣсть страшную о галилеянахъ же ихъ кровь Пилатъ смѣсилъ со жертвами, а зъ оказіи той вѣсти напоминалъ грѣшниковъ до покуты грозячи: аще не покаетеся вси такожде погибнете, и вспомнѣлъ столпъ силоамскій, на осмьнадцати человѣковъ упадлый; приточилъ тежъ и притчу о неплодной смоковницѣ, на посѣченіе вказанной; въ тое время и жену, отъ лѣтъ осмьнадцати слячепную, то есть скорченную и до землѣ приклоненную; особого грѣшника до земныхъ пристрастій нахиленного образуючую, исцѣляетъ, абы тымъ самымъ грѣшниковъ, въ злостѣхъ застарѣлыхъ, повабилъ до повстаня и покуты.

Во время оно, то есть въ день святочный, суботный, гды жидовство до зборищася своего зебрало, а Христосъ Господь тамже вшедшій святую свою науку шприлъ, жена скорчоная надвинулася ему предъ очи.

Немогущая восклонитися отнюдь. Хороба застарѣлая чрезъ осмьнадесятъ лѣтъ не могла жадною мѣрою быти улѣчоная. Не могущая отнюдь, — що было яснымъ показаніемъ того, же кто въ яковомъ грѣху узвычается, и пойдетъ въ налогъ, той не скоро злого своего обычая перестати и до правдивой покуты пріити можетъ.

Узвычай оныхъ въ балвохвалствѣ и нечистотахъ жидовъ святый пророкъ Іереміа строфуючи, прирównиваетъ ихъ до черного мурина и до пестрого рыся: якъ, — мовитъ, — муринъ черный бѣлымъ быти не можетъ, а не рысь шерсть свою отмѣнитъ, такъ зъ васъ, застарѣлыхъ въ вашихъ злостяхъ, добра не сподѣватися: аще можетъ Еѳіоплянинъ пременити кожу свою, или рысь пестроты своя, (тогда) и вы можете благотворити понеже научистеся злу (Іерем. XIII, 23). Жесте здавна научилися злого, прето зъ васъ незподѣватися поправы, якъ зъ еѳіопа—ангела, а зъ рыся—агнца; бо зъ грѣха, часто повторяемаго, родится налогъ, зъ налогу родится нужда, якъ бы

самая натуралная и силная потреба грѣшити, безъ чого и жить невозможно; зъ тоей таковой нужды родится невозможность отнятися грѣхови, немогуцая возклонитися отнюдь; зъ невозможности родится отчаяніе, зъ отчаянія—вѣчная погибель. Зъ таковыхъ такъ великихъ и страшныхъ лябиринтовъ застарѣлому въ грѣхахъ грѣшникови выблудитися о якъ трудно! не молвлю—невозможно. Отъ, маемъ такъ много прикладовъ покаянія: блудницу, разбойника и иныхъ, але мовлю, же трудно, нелатво. Налогъ грѣховный есть то тяжкая неволя, яко апостолъ мовитъ: не еже хощу сіе творю, но и еже не хощу сіе содѣваю, не азъ, но живый во мнѣ грѣхъ (Римл VII, 16—17), то есть усычаіоный и якобы домомъ во мнѣ мѣшкаючій грѣхъ. Налогъ есть то темница мрачная, есть ланцухомъ и оковами: и якъ не латво кому зъ тяжкой неволѣ, зъ темницы, зъ оковъ выйти и утекти на волю, такъ грѣшникови зъ налоговъ грѣховныхъ выплутатися трудно. Итако значатъ нынѣшныи евангельскіи о женѣ слячепной слова: не можаше возклонитися отнюдь. Але гды бы таковый (якося мовитъ) грѣшникъ, зломавши тые тяжкіе налога своего оковы, ярмо тоей неволѣ зъ шіи зкинувши, разомъ восклонився отъ своего давнаго до грѣху наклоненья, разомъ роскоши грѣховныи покинулъ, а цѣле правдиве отъ всеи души и сердца навернулся до святой истинной покуты, и уже болшъ не ворочался до прежднихъ грѣховъ своихъ, якъ хтось въ калъ тинный,—о таковомъ человѣку, що бысмо разумѣли? Яко и у Бога былъ бы ласки годенъ, зайсте не инной тылько такой жъ, якой и самы великіи святыи. А же то певно, внетъ обачимъ.

Видѣвъ Господь Іисусъ, пригласи и рече ей: жено, отпущенна еси отъ недуга твоего. Видѣвъ Господь Іисусъ: то, знать, была предъ очима Христу Спасителю, и хоць здалека стояла, здалека, бо ажъ ю голосно возвати было треба—„и пригласи“; стояла еднакъ такъ, якъ бы латво могли еи увидѣти Христовы тѣлесныи очи, ачъ божественніи и всюды ей видѣли. Тутъ наука, ежели хочемъ, жебы на насъ милосердными очима литостиве поглядалъ Господь нашъ и улечилъ душевное наше скорченье, мѣемъ сами наражатися ему на очи, преходити предъ его очи, стояти завше предъ его очима, абы насъ видѣлъ; иначей гды гдѣсь далеко за очима Его будемъ; якожъ насъ ви-

дѣти будетъ? А затымъ, якожъ надъ нами улѣтуется, невидячи мязеріи нашой? Але речешь: Богъ есть всевидящій, яко мовитъ Давидъ — стезю и потаенную мою ты еси изслѣдовалъ и вся пути моя провидѣлъ еси (Псал. CXXXVIII, 3); а на що жъ намъ самимъ наражатися предъ очи Божіи, коды насъ Богъ всюду видитъ? Отвѣтую: Господь Богъ двоякого есть взроку барзо быстрого и барзо тупаго. Быстрого есть взроку ведлугъ всемогущества и всевѣдчества своего: бысь зайшолъ въ край свѣта, бысься замкнулъ межи пангрубшій стѣны въ найтемнѣйшихъ коморахъ, бысься скрылъ въ найглыбшіи вертепы, ліохи, бы и подъ самую землю, всюды тя всевидящое око Божіе дойзритъ. Такъ мовитъ Сирахъ: очи Господни тмами свѣтлѣйшіи (паче) солнца есть, провирающіи вся пути человѣческія и смотряющіи въ таіныхъ мѣстѣхъ (Сирах. XXIII, 27—28). О вшемъ нимъ человѣкъ що учинитъ, альбо еще не замыслитъ учинити, а уже то Богъ вѣдаетъ, видитъ; прежде даже не содѣланно будетъ все увѣдано Ему; несодѣланное мое видѣста очи твои (Псал. CXXXVIII, 16). То взрокъ быстрый Божій. Бываетъ тежъ часу своего Господь Богъ яко бы и тупого барзо взроку, звычайно: обезнаньеся съ кимъ походитъ зъ огляданьяся, зъ конверзаціи, а невиданье—готовое незнанье. Одезвалися нѣкоторыи особы до Господа: Господи, не во твое ли имя пророчествовахомъ, не твоимъ ли именемъ бѣсы изгнахомъ? А Господь имъ що? Не вѣмъ васъ, не знаю васъ; не знаетъ, то певне не видалъ ихъ. Естли бы видѣлъ коли ихъ, зналъ бы ихъ запевне. Твердятъ вправдѣ оны: ядохомъ предъ тобою и пихомъ и на стогнахъ нашихъ (то есть на улицахъ нашихъ ты) училъ еси. Онъ же рече: глаголю вамъ, не вѣмъ васъ, откуду есте, отступите отъ мене (Лк. XIII, 26—27). Уважайможъ тутъ тупый взрокъ Господень: ядохомъ, — мовятъ,— и пихомъ предъ тобою, предъ твоима очима. А Онъ ихъ не видѣлъ и не знаетъ. Щожъ то есть, же всевѣдущій и всевидящій тыхъ особъ не знаетъ, не видитъ? Пытаймося толкователей: не вѣсть свѣтъ тмы, си есть не зритъ тму; ащебо бы свѣтъ призрилъ на тму, тма не была бы тмою, но просвѣтилабыся отъ свѣта. Темности грѣховной были полныи тыи особы. и прето хоць тѣломъ тутъ же были предъ очима Христовыми, але сердце ихъ помраченное, умъ ихъ потемненный далеко отстоялъ отъ Христа;

прето Христосъ не видѣлъ, не глядѣлъ на нихъ милосердными, прелюбезными, человѣколюбивыми своими очима, и прето ихъ не знаетъ, яко невидалъ ихъ: вѣсть, позна Господь сущіа его (II Тим., II, 19), мовитъ Апостолъ; тыхъ только Господъ знаетъ, которыи его суть, а которыи чужіи, тыхъ не знаетъ: не вѣмъ васъ, откуда есте. Хто жъ его есть, а хто чужій? Заневне той его, кто близко него, а хто далеко отъ него, чужій то, не его то, згибельникъ то: удаляющіися (мовитъ) отъ тебе погибнутъ. Тыхъ только Господь человѣколюбивыми зритъ очима, которыи приближаютеся ему сердцемъ, а далеко отстоящимъ, зъ блудныимъ сыномъ удаляющихся на страну далече, хоць и видитъ всевидящимъ окомъ грѣхи ихъ, человѣколюбными еднакъ и милосердными очима на нихъ не поглянетъ и якобы не дозритъ. Правды тоей доведи намъ ты, святый Давиде! Давидъ описуючи Господа Бога, якъ ся ставитъ своимъ близкимъ угодникомъ, праведникомъ, а якъ ставится далекимъ, — мовлю, — грѣшникомъ, повѣдаетъ, же на праведныхъ глядитъ миле своими очима, а ко грѣшникомъ оборочается лицемъ безъ очей: очи Господни на праведныя, и уши его въ молитву ихъ, лице же Господне на творящая злая, же потребити отъ земля память ихъ (Псал. XXXIII, 16—17). Смотри на кого человѣколюбныи Господни глядятъ очи? На праведныя. А гды до грѣшниковъ, а грѣшниковъ не кающихся, лице свое, а лице строгое, грѣшниковъ потребляючее, оборочаетъ, ажъ Давидъ о очахъ ни взмѣкнилъ, якъ бы лице безъ очей: справедливость очи завязаныи маючая, не респектуючая, не милосердствуючая, срогая. А тожъ доводъ тупого взроку милосердныхъ очей Христовыхъ, же близкихъ тылько, — мовлю, — праведныхъ тылько, видитъ, а далекихъ,—мовлю,—грѣшниковъ, не видитъ; бо хоць поворочаетъ лице свое къ нимъ на ихъ же горшее, еже потребити, то лице тое безъ очей, то есть безъ литости, безъ милосердія, безъ респекту, безъ человѣколюбія. Зачимъ конечне намъ самимъ треба наражатися, то есть приближатися къ Богу, абы насъ видѣлъ человѣколюбными своими очима: приближѣтеся (мовитъ) Богу, и приближится вамъ. И хоць естесмы — темность для мнозства грѣховъ нашихъ, гды еднакъ ему, свѣту, зближимся, свѣтлый образъ будемъ: приступѣте къ нему и просвѣтѣся (Псал. XXXIII, 6).

Якожъ къ нему сближатися? Якъ предъ человѣколюбныи очи приходити? Не тѣлесными ногами, але покаяннымъ сердцемъ, умиленнымъ духомъ, а богомысленымъ умомъ, то есть: мѣнмо его завше предъ умными очима нашима, а себе умомъ нашимъ представляймо всевидящему и человѣколюбивому его оку; прикладомъ святого Іліи пророка: той перемовляючися зъ царемъ Израильскимъ Ахавомъ, мовитъ тые слова: живъ Господь Богъ Израилевъ, иже предстою предъ нимъ (III Цар., XVII, 1). Тожъ и зъ старшимъ царскимъ слугою Авдіемъ бесѣдуючи мовитъ: живъ Господь силъ, ему же предстою предъ нимъ. Реклъ бы кто: святый пророче Іліе, що жъ ты мовишь? осмотрися: гдѣ естесть? Вшакъ то ты стоишъ не на небѣ, на земли, не предъ маестатотомъ Божіимъ, але предъ маестатомъ царя Израильскаго Ахава; а пророкъ що? Стою,—мовитъ,—предъ Богомъ; живъ Господь, емуже предстою предъ нимъ: то есть: любъ тѣломъ есмь на земли, предстою лицу царя земного,—але умъ мой, мысль моя, сердце мое самому на небесѣхъ сущему, на херувимскихъ престолѣхъ почивающему, предстоитъ Богу. О уме богомысленый, о сердце боголюбивое, о мысли высокая, которая и въ конверсаціи людскои, и въ оказіахъ публичныхъ, и на пядь отъ Бога не отстуетъ, тужъ ему предстоитъ! Тутъ зъ сеи оказіи вспомню единъ духовныи прикладъ: достойнаго преподобнаго Стефана, прозвискомъ Саваиты, на пущи зебралося разъ чи мало братіи на духовную бесѣду и проч.; такъ во умѣ мыслячи и мовячи, же стою предъ Богомъ, предъ его всевидящими очима, и негодитмися ничого чинити альбо мовити злого, еже божескои притомности немилаго. Нищо такъ скутечне не можетъ погамовати человѣка отъ злыхъ дѣлъ, яко памятованіе уставичное притомности Божескои, умное Богови предстояніе; яко и противнымъ способомъ, нищо такъ не роспускаетъ человѣка на всѣ збродиѣ, яко непамятанья притомности Божескои. Умное Богови предстояніе, притомность божеская, есть то рука Божія моцная, держачая человѣка, бы не упалъ,—предзрѣхъ (мовитъ Давидъ) Господа моего предо мною выну дася не подвижу (Псал. XV, 8). А яко хто самопыхомъ своимъ упоромъ зъ рукъ Божіихъ ся вырветъ, мовлю — притомности Божои запомность, тотъ такъ далече падаетъ, же заледво коли можетъ повстати,—падоша вси дѣлающіи беззаконіе,

изриновени быша и не возмогутъ стати. Образованье того—жезлъ Моисеовъ: стоитъ разъ святый Моисей пророкъ предъ Богомъ; пытаетъ его Богъ: Моисею, що ты держишь въ руцѣ твоей? Рече къ нему Господь: что есть въ руцѣ твоей? Жезлъ, Господи, Моисей отказуетъ, посохъ. И рече къ нему Господь: поверзи его на землю, и верже (Моисей жезлъ свой) на землю и бысть (жезлъ) змій, и отбѣже Моисей отъ него (Исх. IV, 2—4). Стой, Моисею, не втѣкай въ шакъ! То посохъ твой, жезлъ твой. Ой нѣ, — мовитъ, — поки въ монхъ былъ рукахъ, былъ посохъ, жезлъ; а яко выпалъ зъ рукъ, ажъ онъ не посохъ, не подпора, але гадина ядовитая, бысть жезлъ змій, и бы ни укусилъ, утѣкати отъ него треба. Такъ то человѣкъ грѣшный, поки умомъ предстоитъ Богови, поки яко руки придержится притомности Божой, поты онъ жезлъ, а жезлъ прозябати и плодоносити могучій, а яко въ рукъ Божіихъ, съ помненья притомности Божой выпадаетъ, ажъ онъ внетъ змій, обычай въ немъ змінитъ, ядъ змінитъ; утѣкати отъ конверсаціи его треба, бы не заразилъ своимъ ядомъ, бо со строптивымъ развратишися. А притомность Божія и изъ зміа доброго человѣка учинитъ. Ну ено, Моисею, не бойся того зміа,—мовитъ Господь,—простри руку, и имі и за хвостъ! И простре Моисей руку, и ятъ его, и бысть (змій) паки жезломъ въ руцѣ его. И змій, яко сядосталъ до рукъ Моисеовыхъ, ажъ тымъ же сталъ посохомъ: и зміонровный человѣкъ, якося достанетъ руцѣ притомности Божой, внетъ змінитъ нравъ и ядъ стратитъ, и добронравіа праведническаго набудетъ.

Въ притомности Божіей жити есть то въ самомъ Бозѣ жити. А жіючій въ Бозѣ, притворяется, неяко зъ человѣка въ Бога, и прислушаетъ таковымъ реченіе Давидово: Азъ рѣхъ бози есте (Псал. LXXXI, 6). Богъ названъ есть огнемъ въ Писаніи Святомъ: Богъ нашъ огнь; а грѣшникъ ожесточенный що есть? Единый камень альбо желѣзо, тяжкосердый, каменно-сердечный. Огнь зъ натуры горячъ, камень и желѣзо зъ натуры холодни, земны. Вложи камень любъ желѣзо до огня, тотчасъ увидишь, же и камень и желѣзо природной изъ своей земности позбывши, огненны набываютъ силы, горячости, и самы притворяются въ огнь, червонѣютъ огнемъ, якъ жаристый угль. Выймижъ зъ огня камень, выйми желѣзо, откинь отъ огня да-

леко, не за долгую годину, ажъ оны огненную силу тратятъ, а до своей природной ворочаются зимности, ажъ що были якъ жаристое уголье, стали знову какъ ліодъ холодни. Влѣпи умъ свой, человѣче, въ притомного тебѣ Бога, примѣнишся нѣяко въ Бога, розжеришся пламенемъ любвѣ божественной, позбудешь и отзвычаишся озяблости грѣховной, а зостанешь единымъ пламенистымъ серафимомъ. А яко отъ Бога ся одорвешь, отъ притомности его умомъ твоимъ удалишься, ажъ ты знову остынешь и зъ пломенистого серафима единымъ ліодомъ зостанешь. Притомности теды Божой не отступно придержатися каждому, яко самъ себѣ, ражу. Притомности Божой придержатися, то есть: умомъ своимъ богомысльнымъ завше представляти Богови себе и все житіе свое, всѣ дѣла свои и слова, и мысли, мовячи въ себѣ: Богови предстою, лице Божіе притомно мнѣ есть, очи Божіи на меня пильно смотрятъ; не годитмися, ни пристоитъ предъ очима Божіими, пильно на мене глядячими, дѣлати что злого, альбо мовити що нистного, альбо помыслити що непристойное: живъ Господь, ему же предстою. А хто такъ себе умомъ Богови представляетъ, къ нему приближается запевне, не похибно призритъ на него Господь милосердными человѣколюбными своими очима, призритъ литостиве, яко возрѣлъ на нынѣшную евангельскую жену; призритъ и пригласитъ къ себѣ, призоветъ въ оправданіе и святыню, улѣчивши душевную немощь. Лицемѣре. А що то зась его мосцѣ, панъ старшій жидовского збору? Обачмо его! Святый Златоустый и святый Кириллъ въ томъ старѣйшинѣ собора жидовского постерегаютъ зависть, же то подъ покривкою законохранительства зъ зависти одезвался зъ гнѣвомъ, ганячи чудъ, въ шабатъ учиненный, и уймуючи предъ всѣми добрую Христову славу. Такъ святый Златоустъ мовитъ: „добрѣ рече къ нему Христосъ: лицемѣре; ибо (той старѣйшина) лице имѣяше законохранителя, умъ же его бѣ коваренъ и завидяй. Не о томъ бо смущается, яко не хранится субота, но о томъ яко прославляется Христосъ: не суботу ему ишло, ишло ему о чужую добрую славу, яко прославляется Христосъ“. А святый Кириллъ такъ мовитъ: „неблагодарнаго собора старѣишина, яко узрѣ жену, абіе единѣмъ прикосновеніемъ Христовымъ простершуюся и Божіа прославляющую величія, вожжеся, завистію

о славѣ Христовой и поношаетъ чудеси (Господню), аки бы о суботѣ попеченіе имѣти мняйся". Глупче ведвоинасовъ, безумне и несмысленне! А щожъ за крывда дѣется суботѣ, же въ суботу бываютъ Божіи чуда, и прославляется Богъ. Где бысь былъ благодаренъ, а уклонившися низко чудотворцу Господу подяковалъ за то, же таковымъ чудомъ увелбилъ суботу и ушановалъ твое соборище; але зависть не вѣсть полезное предпочитати.

Вспомнемъ тутъ и другій чудъ Христовъ въ суботу учиненный, а отъ святаго Матѳея описанный. Человѣкъ, имый суху руку, приступи въ день суботный ко Господу въ сонмищи жидовскомъ. И глаголя Господь человѣку тому: простри руку твою! И простре, и утвердися цѣла, яко другая. (Мтѳ. XII, 10, 13). Щожъ затымъ? Фарисее же, изшедше, совѣтъ сотвориша нань, како да его погубятъ. Надъ тою точкою евангелского тексту вижу духомъ Златоустого святаго сѣдячого, замыслившогося и удивляючогося, пытаю: архіерею Божій, учителю церковный, а тлумачу Писма Святого поважный! Скажи намъ, чому то ты такъ далеце удивляешься,—чи чудови Христовому, чи злости фарисейской? Есть въ правдѣ обоимъ тымъ рѣчамъ чого удивлятися: есть чого удивлятися чудесной силѣ Христовой, словомъ хоробы улѣчаючой,—дивна дѣла твоя, Господи! Есть чого дивитися и злости фарисейской, же доброму невинному человѣкови, ничого имъ злого не учинившому, о вшемъ много благодѣтельствовавшему, смерть куютъ,—совѣтъ сотвориша, како да его погубятъ (Мтѳ. XII, 14). А Златоустъ святый отказуетъ: не тымъ я удивляюся рѣчамъ, вѣдаю бовѣмъ всемогущество Христово, вѣдаю здавна и злость жидовскую, пророки избившую; чему жъ удивляюся? Тому: вполъ разъ Христосъ до церкви Іерусалимской видитъ, — ано тамъ торгъ, чи ярмаркъ, обрѣте въ церквѣ продающіа овца, и волы, и голоби, и пѣняжники сѣдящія, що то гроши мѣняютъ; возметъ бичъ тнетъ одного и другого позашейку, по плечемъ; всѣ вростичъ, одинъ другого попыхаючи; досталося тамъ не одному и фарисею, и саддукей тамъ набрался пуду, и шкоды стало не мало, торжникомъ разсыпа пѣнязѣ (Мтѳ. XXI, 12). Що за то Христови? Певне, фарисеи зъ саддукеами збунтовалися на него, а пѣняжники шкоды своей доходити хочутъ бы намнѣй? Всѣ

мовчатъ, якъ по уху; немашъ абы хто и полесловца мовилъ, всѣ—всѣ то знесли терпливе, тылько запытали: кое знаменіе являеши намъ, яко сіа твориши? А гды Господь учинилъ добродѣйство, чудо, улѣчилъ усохлую руку, ажъ оны въ бунтъ, въ раду, како да его погубятъ. Бито ихъ, —не гнѣвалися, мовчали; добрѣ имъ учинено, хоробъ злѣчено, ажъ имъ тое добродѣйство горшъ раны, и якъ бы зраненыи о помстѣ мыслятъ, како погубятъ. Панове фарисеи, а чи васъ же болитъ тое, же Христосъ вамъ благодѣтельствуетъ, слѣпца ваша просвѣщаетъ, прокаженныя очищаетъ, сухихъ, скорчоныхъ уздоровляетъ? Молчатъ фарисеи, а Златоустый святый выявляетъ ихъ внутрную болячую рану—зависть, на которую бараѣй хорують, нѣжъ на заданные не тылько отъ бича, але бы и отъ меча раны, и—мовитъ такъ: іюдеи творимая имъ отъ Христа благодѣянія имуще, на Христа клевещутъ, и гонятъ его (поучающеся того убити) терпятъ же ему біемыи отъ него, егда паче бы гнѣватися подобаше; но никоего нань являютъ прогнѣванія, точію вопрошаютъ: кое знаменіе являеши? И придаетъ тотъ учитель съ удивленіемъ: вижды зависть несказанную, како добродѣянія Христова, нѣмъ являемая, іюдеовъ на гнѣвъ и ярость подвизаху. О, заправдѣ, Златоусте святый, маешся чого замыслити надъ вышереченнымъ евангельскимъ пунктомъ, же битье не порушило жидовъ до гнѣва, а добродѣйство и до самаго смерти ковання ихъ побудило. Чужая добрая слава, добрая фортуна есть завистнымъ нантяжщая раны, и не такъ имъ болестна есть своя бѣда, своя нендза, якъ чужій доброфортунный бытъ. Праве, есть то имъ пекло, гды чужое видятъ щастіе. Есть зданье теоліоговъ, же въ посродъ воздуха межи небомъ и землею, немало знайдуется нечистыхъ духовъ, діаволовъ, свою терпячихъ муку. Пытаю: чему справедливая помста Божія, зенхнувши ихъ зъ неба, не втрутила ихъ тамъ же посполу зъ княземъ ихъ Люциперомъ до пропастей подземныхъ пекелныхъ, тамъ належитыи имъ терпѣти муки? И що за мука на воздусѣ діаволомъ? И если отраднѣйшая, нѣжъ въ самой геенѣ? Отказуетъ мнѣ за многихъ единъ знаменитый, бо стародавный и побожный западный учитель: „для того,—мовитъ,—певная часть діаволовъ моцью Божою на воздусѣ межи небомъ а землею удержана, да видятъ и завидятъ, и самымъ завидѣніемъ да мучатся“. Що то есть „да

видятъ и завидятъ"? Споїзрятъ воздушные духи на небо, отколь упали, ано тамъ видятъ на своемъ мѣстѣ въ почтѣ ангельскомъ пророковъ, апостоловъ, мученниковъ, преподобныхъ, праведныхъ. О, якъ зъ зависти пукаются, видятъ и завидятъ, и самымъ завидѣніемъ мучатся! Тыи жъ воздушныи духи глянутъ нижей себе на землю, видятъ такъ многихъ цнотливыхъ людей, богоугодно живучихъ, такъ много постниковъ, дѣвственниковъ, чистыхъ супружниковъ, ялмужниковъ, всѣхъ заслугуючихъ небо. О, якъ зъ зависти терзаются, видятъ и завидятъ, и самымъ завидѣніемъ мучатся! Нужъ гды видятъ бывшихъ негды великихъ грѣшниковъ, а тыи чрезъ истинное покаяніе уже въ небѣ засѣли, яко то: мытарь, блудница, разбойникъ, Маріа Египетская и прочіи; также гды видятъ на земли еще зостаючихъ грѣшниковъ великихъ, а тыи зненацка справедливою покутою наворочаются до Бога, мукъ вѣчныхъ себѣ наготованныхъ позбываютъ, огонь пекелный слезами гасятъ, царство небесное заслугуютъ. Що жъ? Разумѣемъ, яко то видячи воздушны духи зъ зависти торгаются, видятъ и завидятъ, и самимъ завидѣніемъ мучатся. И малая жъ то имъ мука? Заправдѣ, такъ великая, же ни трохи не меньшая геены огненной. Мовитъ Писаніе: жестока яко адъ зависть, крила ея яко огнь пламене, угліе огненно пламы ея (Пѣснь Пѣсн. VIII, 6). Тожъ то есть зависть, що и самое пекло, що и самый огнь пекелный,—якъ адъ зависть: видитъ и завидитъ, и самымъ завидѣніемъ мучится. Таковою мукою и нынѣшній евангельскій старшій сборища жидовскаго завистію внутрь мучился, не втерпивъ, вырвався предъ всѣми, глаголаше народу, ганячи знаменитый Христовъ чудъ, котораго было треба хвалити и прославляти. Зависть бовѣмъ щожъ доброго похвалитъ? Будь предъ Богомъ и предъ людьми якъ злото, зависть, опачне о тебѣ мовячи, змѣшаетъ зъ болотомъ; добрыми дѣлы твоими будь слонцемъ,—тако да просвѣтится свѣтъ твой,—зависть охристится темностію; и самимъ будь небеснымъ ангеломъ, зависть тя и ляда въ люде не поставитъ; утѣкай на край свѣта,—зависть тя и тамъ догонитъ; приправь крила, залети и вселися въ послѣднихъ моря, — зависть тя и летучаго опачнимъ словомъ, славу твою щиплючимъ, якъ стрѣлою устрѣлитъ; зложися невинностію твоею, щиростію твоею, цнотою твоею, яко щитомъ,—зависть

тя еднакъ якъ мечемъ, языкомъ ущипливымъ, зоиліовскимъ зранитъ. Недармо Давидъ вопіетъ къ Богу: покрый мя отъ сонма лукавнующихъ, отъ множества дѣлающихъ неправду, иже изостриша яко оружіе языки своя (Псал. LXIII, 3—4). Іеронимовъ преводъ читаетъ: „иже изостриша, яко мечъ, языки своя“. Давиде святый! чи не приличнѣй бы мовити такъ: вороги мои изострили на мене мечи свои, уготовали копіи, стрѣлы, оружіе на мя певное настроили, ищутъ мене зранити, забити? А Давидъ мовитъ: изостриша, яко оружіе, языки своя: страшнѣйши,—мовитъ,—камене людскіи острыи, злыи завистливыхъ языки, анежъ оружіе непріятельское. Умѣлъ тотъ валечный рыцеръ мужне стати противъ оружья непріятельского, не страшенъ ему былъ въ бою мечъ, стрѣла, копіе, але языка злого боялся и оттого защиты у самого Бога ищетъ: покрый мя, Господи, отъ сонма лукавнующихъ, иже изостриша яко оружіе языкъ свой (Псал. LXIII, 3—4). Не страшенъ,—мовитъ,—мнѣ Голіаевъ, иноплеменници филистими мнѣ дармо, але языкъ злый людскій, языкъ завистливыхъ, языкъ лукавнующихъ далмися въ знаки: укрый мене, Господи, отъ него, покрый мя отъ сонма, иже изостриша языки! Але не десперуй, защный мужу, не ослабѣвый въ твоихъ цнотахъ, ни малодушествуй въ твоихъ годныхъ тебе фортунахъ! Мечи тыи мистичныи, мовлю—языки завистливыхъ, внидутъ въ сердца ихъ, да видятъ и завидятъ, и самѣмъ завидѣніемъ да умучатся, и постыдятся, яко и нынѣшніи завистники Христовы, о которыхъ мовитъ Евангеліе: стыдяхуся вси противляющіися ему; вси же людіе радовахуся о всѣхъ славныхъ бываемыхъ отъ него (Лк. XIII, 17).

Радуемся и мы о тебѣ, Господѣ нашемъ, Христе Спасителю нашъ, а молимъ твою благость: покрый насъ и отъ сонма и оружіа враговъ нашихъ видимыхъ и невидимыхъ, во вся дни живота нашего, уврачуй душевныя и тѣлесныя недуги наши, и вѣчнаго угодившихъ тебѣ наслѣдія не лиши насъ!

Аминь.

Слово на Успеніе Пресвятыя Богородицы.

Въ монастырѣ Печерскомъ. Року 1693. Августа 15.

Соберетъ пшеницу свою въ житницу свою. Матѳ. III, 12, и Лук. III, 17.

Въ мѣсяцу серпню, въ самый часъ жнива, гды (егда) въ полю пожатые колосы въ снопы вяжутъ, въ житницы звозятъ, въ стоги (такожде) складаютъ,—Господарь небесный свою тежъ съ поля зебралъ пренаивыборнѣйшую мысленную пшеницу, и до житницъ горнихъ зъ веселемъ нынѣ провадитъ, слухачу православный. Село есть міръ,—Евангеліе мовитъ,—поле, нива есть свѣтъ сей, альбо рачей житіе дочасное на свѣтѣ; пшеница—праведніи; колосы—добріи ихъ дѣла, заслуги; жниво—докончаніе житія; серпъ—долгъ естества смертный. Всего того справца и господарь—Богъ, и Богъ не порожнюетъ господарствомъ; жнивомся бавитъ: Отецъ мой дѣлаетъ, и Я дѣлаю (Іоан. V, 17)—Христосъ мовитъ. Нива его власная—пречистая и преблагословенная Дѣва, о которой церковь: класъ прозябшая божественный, яко нива неоранная (Акаѳ. п. 3) Явѣтая нива, чрезъ шестьдесятолѣтное житія своего наземнаго время, зродила класы обфитые пшеницы, небесныхъ житницъ годныи. Становитъ теды добрый Господарь Богъ жниву певный день сей августа 15, изводитъ дѣлателей на жатву свою—ангельскіе лики; бо ангели суть жатели, собираютъ пренаивыборнѣйшую отъ всѣхъ урожаіовъ земныхъ пшеницу, пречистую и пребла-

гословенную Дѣву Богородицу, и той заслуги собираютъ зъ землѣ и до житницъ провадятъ пренебесныхъ, а собираютъ и провадятъ соборомъ, толокою, бо тоя славятъ успеніе власти и престоли, начала и господствія, силы и херувимы и страшная серафимы. На тую жъ и мы толоку пойдемо. Убогая въ Виѳлеемѣ вдовица Руѳь, послышавши, же добрый человѣкъ Воозъ справуетъ жниво, рече къ Ноемми, свекрѣ своей: да иду убо на ниву и соберу класы вослѣдствующи (Руѳ. II, 2). Въ день успенія пречистой преблагословенной Дѣвы Маріи, нѣбы во обфитности Воозово жниво, збираютъ мысленную пшеницу небо и земля, тріумфуючая и воюючая церковь. Небо збираетъ Богородичны заслуги, земля—полезы; тріумфуючая церковь збираетъ ей торжества, воюючая збираетъ похвалы. А мы що? Руѳѣ убогой уподобѣмся, идемъ на ниву и соберемъ класы вослѣдствующи. Нива, яко мовится, есть шестьдесятолѣтное житіе пречистыя Богородицы, маючая свои бразды, свои части, на которихъ класы ей добріи, а надъ всѣхъ святыхъ Богу пріятнѣйшіи дѣла. Пойдемъ же до той нивы умомъ нашимъ, хоць позади всѣхъ вослѣдствующи, а оставшіяся класы высокихъ ей титуловъ, чрезъ святобливыя дѣла працовите набытыхъ, въ пожитокъ нашъ зберемо; и въ единъ снопъ, я подлою бесѣдою, а ваша побожность любовнымъ слуханемъ звяжемо, и до того жъ церковныхъ похвалъ зложимо стогу. Не до всей пресвятаго житіа Богородичина, которой и ангельское не переглянетъ око,—неудобъ-зримая и ангельскима очима,—ни до всего высокихъ и незличоныхъ ей цнотъ жнива, тупый серпъ ума моего, и неумѣетная вымовы рука дерзаетъ, але тылько до пяти отважается браздъ, досить обфитыхъ, якося во акаѳистѣ читаемъ: „радуйся, браздо, растящее гобзованіе“, а на нихъ до пяти класовъ, въ число пяти литеръ въ преблагословенномъ имени Маріиномъ замыкаючихся.

На початку вступѣмъ до первой пресвятаго ея житья бразды, альбо части, которая починается отъ дому святыхъ праведныхъ родителей Іоакима и Анны, и идетъ чрезъ церковь Соломонову, а терминъ ей обрученіе. Тая бразда зродила зацный колосъ и чрезъ дванадцать лѣтъ, на мѣсцу не посполитомъ, бо во святая святыхъ досить варовнымъ, бо за внутрною завѣсою растила младую отроковицу, предъ вѣки Богови въ матерь предъизбран-

ную, пречистую Дѣву Марію. Таковыя тоя бразды класъ утитулуемъ презацнымъ титуломъ, зъ святымъ Андреемъ Критскимъ,—титуломъ, починаючимся отъ первой въ преблагословенномъ имени Маріинома литеры М.: „Мудрая Дѣва“. Такъ ей Андрей святый въ похвалномъ своемъ словѣ титулуетъ: „Мудрая Дѣва“. Але, Андрее святый, нездорожне учинишь, гды ей и на вышномъ мудрости поставишь степени, назвавши ей мудрѣйшою и премудрѣйшою Дѣвою, яко тую, которой надъ всѣхъ болшую признаетъ мудрость церковь овыми словы: радуйся, премудрости Божія пріятелище! радуйся, премудрыхъ превосходящая разумъ! Предстанте жъ тутъ евангельскіи мудріи дѣвы а сей мудрѣйшей, якъ Госпожѣ своей, достойную честь выражайте. Але и вы, другіи пять глупыи, тутъ же прибудите, бы-сте мудрости научилися: тая мудрая, премудрости Божой полная Дѣва, будучи и класомъ хлѣба жизненнаго и лозою грозда зрѣлого, (Богородице, ты еси лоза истинная, возрастившая намъ плодъ животный), а жатвенное время доконанія своего, справуючи жниво, оразъ особливый столъ для глупыхъ готуетъ, уготова свою трапезу, созывающи съ высокимъ проповѣданіемъ: иже есть безуменъ да уклонится ко мнѣ; и требующимъ ума рече: пріидите, ядите мой хлѣбъ и пійте вино, еже черпахъ вамъ, оставите безуміе (Притч. IX, 2—6). Якъ бы мовячи: поживите хлѣба зъ колоса, пійте напой злозовинный, а збудете глупства, набудете розуму, мудрости. Дивный то банкетъ, необычный, обычаемъ нашимъ противный! У насъ гды хто до сытости, альбо пресыщенія, наѣстся, вина упьется, той остатнего розуму збудетъ, и мудрый зглупѣетъ. Певне во отечнику старецъ твердилъ о себѣ, же умѣлъ Библію на память зъ толкованіемъ, а гды наѣлся хлѣба доволѣ, всего запоминалъ, якъ нѣгды не читалъ ничего. А виномъ и апостолъ упиватися не радитъ, повѣдаючи, же въ немъ щось есть такового, що зъ розума зводитъ. Мудрой засъ Дѣвы хлѣбъ и вино не таковой вады, не таковыхъ злыхъ приміотовъ (нравовъ): кого накормитъ, напоитъ,—не глупства набавитъ, иле розуму, мудрости научитъ; сила бовѣмъ того покарму и напою есть родити кровь чистую, дѣвственническую, яко намѣнитъ (предглагола) Захаріа пророкъ, мовячи: что доброе ея, и что красное ея, развѣ пшеница избранныхъ и вино родящее Дѣвы. Уважаймо тое

слово,—вино родящее дѣвы. (Захар. IX, 17): гдѣ вино нечистоту родитъ, а тутъ самая зъ вина чистость, дѣвство,—вино, родящее дѣвы; а дѣвы певне неглупыи, мудріи; якова матка, таковіи дщери: мудрая матица винная,—мудрое вино, мудрое питомство, и прето: иже есть безуменъ, да уклонится къ ней, да ястъ ея хлѣбъ и піетъ вино; певне и буй нѣкогда умудрится. И мудріи и глупыи класъ сей мысленный обыйдемо вколо, набожнымъ аффектомъ оточемо, умные очи влѣиѣмо, полву съ него жмѣмо, мудрости учѣмося.

Іосифъ старозаконный, гды фараонови сонъ о видѣиных колосахъ піекне выложилъ, а о зебраню многой пшеницы и житницъ наполненю здорово порадилъ; внетъ его царь учинилъ всему Египту маистромъ педагогомъ, бояръ, княжатъ своихъ—ему дисциплулами: наказати князи его, яко себе, и старцы его умудрити (Псал. CIV, 22). Гды твоими высокими годностми, мысленная пшеницо, небы класами выборными житницы небесной, а благодѣяніи твоими, питательнице наша, яко самою пшеницею, житницы церковніи духовне наполяючіися, видимъ, даемся тебѣ сами на науку. Мудрая Дѣво, твоими дисциплулами быти хощемъ, да накажеши насъ, да умудриши насъ, яко Іосифъ египетскія князи и старцы. Учитъ Мудрая Дѣва не словомъ, але дѣломъ, собою, прикладомъ своимъ. А то яко? Смотрѣмъ, на которомъ мѣстѣ, въ которой браздѣ той зацный колосъ дѣвическаго ея стану выросценъ? Въ церквѣ, во алтарѣ, на такъ святомъ мѣстѣ, которое святая святыхъ звано, гдѣ святобливые тылько люде входили. Учися жъ и знай кождый, же доброго дѣла а поспѣху цноты много можетъ святое мѣсце, и зъ святолюбливыми людми конверсаціа.

Два были вожды Израилского люду, Моисей и Іисусъ Навинъ: той выпровадилъ зъ Египту, сей впровадилъ до земли обѣцанной. Щасливый тотъ, который зъ тяжкой неволи египетцкой и самъ вышелъ и другихъ вывелъ; але щаслившій тотъ, которой до земли обѣцанной и самъ вполъ и другихъ съ собою впровадилъ. Але чему жъ великій угодникъ Божій Моисей не заслужилъ себѣ у Господа Бога того щастья, которое выслужилъ Іисусъ Навинъ? Домысляются причины, откль Моисей зачалъ свое житіе? Отъ царского двору, отъ дворской службы, отъ свѣтской политики, отъ роскоши и пестованія и

пещотъ въ палацу царскомъ, за сына у дочки царской: возмужавшу отрочати, воведе и (доплица) дщерѣ фараоновой и быть ей въ сына (Исх. II, 10). А сынъ Навиновъ отколь житіе свое зачинаетъ? Отъ побожности, отъ пилнованія церкви Божой. Мовитъ Писаніе: слуга же (Моисеовъ) Іисусъ, сынъ Навинъ, юноша не исхождаше изъ храма Господня (Исх. XXXIII, 11). Выбачь же, святый Моисею, же до землѣ обѣцанной не вийдешь, бо-сь молодость свою утратилъ на службѣ свѣцкой; а ты, Навиновъ сыне, входь щасливе, бо молодость твою ронилъ на службѣ Божой, не исхождаше изъ храма Господня. Пекне то уважаетъ Амвросій святый, мовячи: „не исхождаше отъ храма юноша, егда старцы издалече стояще, Божіихъ трепетаху чудесъ, и въ лѣноту (юноша) въ такового возрасте мужа, да воспятитъ быстрины рѣчныя, и речетъ: да станетъ солнце, и ста солнце. И еже Моисеови возбранено есть, сей единъ избрася ввести люди въ землю обѣцанную. Оваго же честнѣйша, сего же благополучнѣйша“. Такъ святое мѣсце, храмъ Господень, пощастилъ Навинову сыну. Що зась бо ся покажетъ зъ святобливыми людьми конверсація? Яко въ добродѣтель человѣка вправуетъ: Лотъ — прикладъ. Удивлятися треба его цнотѣ, же, въ посродъ беззаконнѣйшаго люду въ Содомѣ живучи, цноты своей, святобливости своей, не тратилъ. Отколь въ немъ такъ моцно святобливость была угрунтована, же ей намнѣй не повредили страстніи беззаконіа? Приклады видоки: оттоль, же воспитался при святобливомъ человѣку Аврааму, и отъ него збитинства до добродѣтели ся заправилъ. Розумѣніе то святого Златоустаго, мовячого такъ: „праведнаго Лота на толикій добродѣтели верхъ возведе дружество, еже имѣ со патріархомъ Авраамомъ, и то въ немъ дѣйствова, яко и въ Содомѣ слѣдамъ оного послѣдоваше“. Вси беззаконнаго того града нечистоты цноты Лотовы не зепсовали, бо зъ молоду ей напился отъ святобливаго Авраама; то конверсація съ побожными. Пречистая и преблагословенная Дѣва Маріа юностный вѣкъ свой проводила на святомъ мѣсцу—не исхождаше изъ храма Господня, межу людми святобливыми, бо межи архіереами. Въ якую жъ чрезъ тое уросла силу; смотрѣмъ: воспятила быстрины рѣчныя, праве потопъ высушила, якъ Моисей море, потопъ грѣха первороднаго, который забиралъ душъ и невинныхъ, — царь-

ствова смерть и на несогрѣшившихъ по подобію преступленіа Адамова. Тотъ потопъ она перешла немокрыми ногами, непорочное зачатіе и рожденіе свое мѣвши, и такъ народъ людскій зъ самого пучины тоеї дна вывела насухо, — потокъ прейде душа наша воду непостоянную (Псал. CXXIII, 4—5). А прейде руководствомъ мудраго вожда—пречистой Дѣвы: то празднуютъ людіе твои, вины грѣховныя избавльшеся. Застановила солнце силнѣй, неже Іисусъ Навинъ: тотъ матеріалное, а сіа мысленное солнце правды Бога; тотъ противу Гаваона, а сіа въ дѣвическої пречистої утробѣ; тотъ насколко часовъ, дондеже людіе Израилевы отмстила врагомъ своимъ, а она на девять мѣсяцей. Що мовлю—на мѣсяцы девять? На 33 лѣта, ажъ поки до конца врагъ діаволъ на голову былъ стертый. И Лота тожъ праведнаго своею не уносльдила святынею. Тотъ во единомъ безецномъ городѣ, а пречистая Дѣва во всемъ мірѣ, въ злѣ положенномъ, непорочного своего не повредила житія. Весь міръ якъ тернье, она единна въ немъ рожа, крипъ посредѣ терніа. Весь міръ якъ блато, она единна въ немъ злато. Весь міръ, якъ море, горними водами наводненное, огорченное, она единна въ немъ яко струмень водъ солодкихъ, горести непричастна. Повѣдаютъ свѣдомій, же есть гдѣсь въ морѣ нѣяка рѣка, которая чрезъ море впоперекъ течетъ, а наимнѣй водъ своихъ солодкихъ (знать, то чудомъ особливымъ Божімъ дѣется) зъ морскими горкими водами не мѣшаетъ, а не можетъ море рѣки тоея перервати, и водъ ей зъ своими помѣшати. Воспоминаетъ то святый Григорій Назіанзенъ въ своихъ вѣршахъ, въ которыхъ дѣвствующимъ законы полагаетъ, а тыя его вѣрши мѣются такъ:

„Обрѣтается рѣка, чрезъ море текуща,
Воды сладки зъ горкими не смѣсны имуща:
И мощно черпсти зъ моря сладку воду тогда.
Рѣку ону навклири улучатъ ли когда?“

То святый Назіанзенъ. Житіе зъ насъ кождаго въ семъ мірѣ есть яко рѣка; яко вода изліяхся, Давидъ мовитъ; а рѣка солодкая — святый крестъ положенный. Гды въ страстій мірскихъ впадаемъ въ море и сладкость свою тратимъ. Велякій ты, Днѣпре, и многихъ напаяешь, але пріидешь до моря, ажъ тебѣ ни знати, и водъ твоихъ нихто

и до устъ привести не схощетъ, внетъ станешся несмачнымъ, солонымъ, горкимъ, зъ морскими ся водами солоными, горкими змѣшавши. Великими естесте рѣками вы, которіи усилуете, стараетеся Богови работати, о васъ въ небѣ Богослову въ Откровеніи мовятъ: воды, яже видѣлъ еси, народы суть (Апок. XVII, 15). Але то на васъ страшно и поглядѣти, же скоро страстного міра моря доткнетеся, внетъ по васъ нічого, внѣтъ сгорчѣете: прикасаяй неклѣ, очернится ею, со строптивимъ развратившися. Щасливый струменю, чрезъ море плынучій, а зъ моремъ ся не мѣшаючій! Щасливый рабе Божій, впосродъ міра живучій, а зъ міромъ ся не общаючій, якъ Лотъ впосродъ беззаконниковъ! Таковымъ струменемъ мысленно, таковою рѣкою была Мудрая Дѣва, пречистая и преблагословенная Маріа; чрезъ море міра житія своего теченіе мѣла, а пріобщилася жъ хочь трохи грѣховной страсти мірской? Бы намнѣй! Коштуетъ тыхъ безгрѣшного житіа ей солодкихъ водъ Духъ Святый, а яко въ превыборнѣйшемъ нектарѣ смакуючи,— въ Пѣснехъ пѣсней мовитъ: вся добра еси, ближняя моя, и порока нѣсть въ тебѣ (Пѣснь пѣсн. IV, 1). Не зъ моченими ногами сынъ Навиновъ преходитъ Іорданскіи струи. Незепсованнымъ святобливости правомъ Лотъ ходитъ посродъ Содомы. Непорочно Пресвятая Дѣва житіе свое провадитъ, жіючи въ тѣлѣ, въ мірѣ, посредѣ рода строптива и развращенна. А початокъ того отъ храма Господня и зъ святобливыми конверсаціи. Атожъ входитъ нынѣ во обѣцанную сторону небесную зъ радостью, а насъ яко Мудрая Дѣва, прикладомъ своимъ, и мѣсцъ святыхъ храмовъ Господнихъ завше пилновати и съ побожными конверсовати учитъ. Хто на таковыхъ браздахъ часы житія своего ронитъ, сѣетъ, певне уростетъ пожиточнымъ колосомъ, и, яко пшеница Христова, въ горнюю житницу собранъ будетъ. Учитъ Мудрая Дѣва своимъ прикладомъ и чистоты, а чистоты сугубой, внѣшнѣй и внутрней, тѣлесной и душевной. О ней Духъ Святый въ Пѣснехъ пѣсней: чрево твое яко стогъ пшеницы, затворенный въ кринахъ (Пѣснь пѣсн. VII, 2). Стогъ пшеницы знаменуетъ отъ нея рожденнаго Христа, рекшаго: Азъ есмь хлѣбъ. Аще зерно пшенично падши на земли не умретъ, который любо единъ есть лицомъ, але покармомъ всѣмъ изобилнымъ, якбы стогъ пшеницы и наибольшій, всѣхъ

бовѣмъ насыщаетъ доволиѣ: отверзаеши руку твою и насыщаеши всяко животно благоволенiа; отверзшу тебѣ руку всяческая исполнятся благости (Псал. CIII, 28). Крины зась знаменуютъ непорочное Пресвятыя Дѣвы дѣвство.

Годная рѣчъ помыслити, чему плодность дѣвическую Духъ Святый описуючи выражаетъ въ единственной единаго пшеницы стога; дѣвство зась выражаетъ въ множественной личбѣ криновъ, лелѣй. Единъ стогъ у ней пшеницы, бо разъ породила единаго Христа, але крины чистости не едины. Мовитъ о ней святый Епифанiй: „Дѣва бѣ не точiю тѣломъ, но и духомъ“. Чистость тѣла — то кринъ единый, чистость духа — то кринъ другiй; Христосъ посродку межи дѣвствомъ Пречистыя Матере своея внѣшнимъ и внутрнимъ, тѣлесным и душевнымъ, якъ стогъ пшеницы межи кринами. Гдѣ кринъ единъ тылько, гдѣ едно тѣло ховается чисто, а духъ внетечнымся мажетъ, тамъ пшеницы Христа не нiи, не тылько стога, але ни едного благодати его зерняти. Нiекие то единъ зъ учителей уважаетъ,—не глаголетъ Писанiе: стогъ въ кринѣ, но въ кринахъ, двоихъ ради криновъ дѣвства: единаго, иже внутрь, въ предложенiи духа; другаго же, иже внѣ тѣла, нерастлѣнiе. Прочее же безъ крина внутрнего кринъ внѣшнiй ничтоже есть, ибо безъ произволенiа духа, тѣла нерастлѣнiе есть суетно. Такого розуму отъ Мудрой Дѣвы научившiся, беремъ класъ ея, зъ бразды первой, житiя ея части, а держимъ въ рунѣ незабвенной памяти нашей, нѣмъ (донелѣже) до того другiи приберемъ класы и зъ нихъ цѣлый снопъ учинимъ.

Зъ первой пресвятаго житiа Богородичина бразды поступимъ до другой; а тая есть въ кровѣ Iосифовѣ, въ дому Iосифовомъ; починается отъ Соломоновой церкви, а термѣнъ ей ажъ во Виѳлеемѣ въ вертепѣ, при нивѣ старой Саломiи, мѣщанки виѳлеемской. Тая бразда зродила зацный, высокой цноты Маріиной класъ, починаючился отъ другой въ преблагословенномъ еи имени литеры А: „Агница Христова“. Такъ титулуетъ святый Германъ и святый Георгiй Никомидiйскiй въ своихъ словахъ, а особливе святый Iоаннъ Дамаскинъ въ словѣ 40 на Рождество ея, мовячи такъ: „агница, изъ нея же пастырь во овцу облечеся, ветхiа мертвиши раздравъ одежды“. И во акаѳистѣ читаемъ: „радуйся агнице, порожшая Божiаго Агнца“. Але, о

пречистая Дѣва, не безсловесныхъ, лечь словесныхъ и умныхъ тварій именованіа ты еси достойна; година, съ бы тя вси вкупу церковніи згромадившіся учители утитуловали ангеломъ единымъ надъ инные ангелы вышшимъ—ангеловъ всѣхъ царицею, яко херувимовъ честнѣйшую, серафимовъ славнѣйшую. Година заправдѣ; але гды ей агницею титулуютъ, тымъ барзѣй годность показуютъ, царскую ей надъ ангелами корону объясняютъ. Скоро вымовится устнами тое словко: агница, рожшая агнца, внетъ приходитъ на мысль крѣпость, и сила, и слава, и царство Агнца, о которыхъ святый Богословъ повѣдаетъ: всяко созданіе, еже есть на небеси и на земли, и подъ землею, и въ мори яже суть, и сущая въ нихъ вся, слышахъ глаголющія: сѣдящему на престолѣ и Агницу блословеніе, и честь, и слава, и держава во вѣки вѣковъ (Апок. V, 13). Такъ кажутъ, же левъ надъ всѣмъ звѣромъ царь, и дужіи медвѣде и срогіи (лютыи) парды предъ его силою млѣютъ (трепещутъ). Але Агнецъ, сидячій на маестатѣ, не тылько надъ звѣрятами, але и надъ всѣмъ сотвореніемъ, еже на небеси и на земли, и подъ землею, царствуетъ. Ангелы и людѣ ему кланяются, и всякая тварь ему повинуется. Отколь же тому Агнцеви таковая сила, отколь всемощная власть? Пытаймо святаго Иринеа, въ той матеріи бесѣдуючого такъ: „Нихто же инъ можаше отверсти книгу отчу, ниже видѣти ю, развѣ Агнецъ закланный, яко незлобивъ есть, грѣха не сотвори, и лесть не обрѣтеся во устѣхъ его. А тожъ знаемъ, що агница на такъ высокую царскую годность возвышаетъ, яко незлобивъ есть. Самое его незлобіе царемъ чинитъ, а всякое созданіе еже на небѣ и на землѣ, зъ наинижшимъ ему поклономъ стелется подъ ноги, яко незлобивъ есть“. Гды пречистую и преблагословенную Дѣву святіи выше воспомяненіи отцы агницею титулуютъ, готуетъ тутъ ей подданство все сотвореніе: небо готуетъ ей царскую зъ звѣздъ корону, ясную зъ солнца порфиру, вспанялый (прекрасный) зъ мѣсяца подножокъ. Херувими стантеся ей престоломъ, серафими ассистуйте ей рабски, якъ монархинѣ. Вси ангели, якъ царицѣ своей, должный поклонъ отдайте; и все созданіе придите, припадите, поклонитеся ей, мовячи: „благословеніе, честь и слава пречистой и преблагословенной Дѣвѣ Маріи; яко агница есть, яко незлобива есть, яко грѣха не сотвори, яко лесть не обрѣ-

теся во устѣхъ ея". Самое ея агничество всесильною владычицею чинитъ, самое незлобіе царствомъ ю коронуетъ, и назвати ю агницею тожъ то есть, що назвати и ангеловъ царицею. Чрезъ незлобіе, чрезъ панѣнскую невинность вѣчнаго царства святится корона. Тая непорочная агница, въ церкви Соломоновой до дому праведнаго мужа святаго Іосифа бывши запроважена, своимъ незлобіемъ обернула на себе очи Бога Отца, мовячаго: на кого призрю, токмо на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словесъ моихъ (Ис. LXVI, 2). Подобалася Богу Сыну мовячому: усердии насъ сотворила еси, сестро наша, невѣсто. Усердны насъ сотворила еси во едиомъ отъ очію твоею, то есть въ чистомъ твоемъ въ сумнѣнью, въ которомъ, якъ въ чистомъ оку, нѣсть запорохи, то око свѣтлое, чистая совѣсть, на которое смотритъ Богъ; бо человѣкъ зритъ на лице, а Богъ зритъ на сердце, на совѣсть. Приближилася тая незлобивая агница Богу Духу Святому мовячому: незлобивіи и правіи прилѣпляхуся мнѣ, а прилѣпляяйся Господеви единъ есть духъ со Господемъ (Псал. XXIV, 21; I Кро. VI, 17). Такъ Богу въ Троицы незлобіемъ своимъ агническимъ, якъ золотымъ руномъ залецившися, звабляетъ (взываетъ) къ себѣ небесныхъ жителей. Архангелъ Гавріилъ спускается быстрымъ лѣтомъ, во кровѣ Іосифовѣ скоро предста безплотный, въ троны (во слѣдъ) за нимъ Богъ Слово со Святымъ Духомъ, а Богъ Отецъ, любезно (тако бо возлюби міръ, яко и Сына своего далъ есть) на то съ высоты славы своея смотрячи, благоволитъ. Тѣшится небо, земля чудится, небесная любовію веселяхуся, и земная со трепетомъ ужасахуся, егда пресвятый гласъ найде на тя, Богородице! О сило незлобіа агническаго и годности дѣвическія, чего ся удостояешь, чрезъ свою невинность, яко незлобива? Потымъ, завитавши до мѣстечка, домомъ хлѣба именуючогося, то есть до Виѳлеема, стается единымъ класомъ жизненнымъ, ово же выдаетъ на свѣтъ, яко колосъ зерно пшенично, Христа; ово же рожденному изъ нея агницеви стается пшеничною пажитію. Видятъ сего яко агнца непорочна во чревѣ Маріинѣ упасшася. Облобызаемъ тя сердечною любовію, о одушевленный агническимъ незлобіемъ уздобленный класе! А тую твою щасливую въ Виѳлеемѣ гостину, глыбоко въ сердцы нашемъ, якъ сѣмя пшеничное всѣваемъ и вкореняемъ въ бытню и незлобіа

твоего хоть наипослѣднѣйшую часточку могли вкоренити, и той наслѣдовати.

Отъ Виѳлеема починается третяя бразда пресвятого Богородичнаго житія, а идетъ чрезъ Египетъ, зъ Египту до Назарету поворотъ чинитъ и сягаетъ ажъ подъ гору Голгоѳску близко. Тая бразда уростила не малой вамъ класъ, починаючійся отъ третьей въ преблагословенномъ ей имени литеры Р: „Раба Господня“. А тымъ самася еще прежде подчасъ благовѣщенія утитуловала, гды рекла до ангела: се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему (Лк. I, 38). И любъ еще отъ дитинства своего, отъ тріехъ лѣтъ по нарожденю своемъ воведена бывши въ церковь, уже работала Богови, найбарзѣй еднакъ особлившими послугами почала ему работати, гды его нетлѣнно рождши пеленами повивала, пѣстовала въ Назаретѣ отрочески его, ажъ до мужеского возраста честнымъ воспитаніемъ опатровала. Працею рукъ своихъ по умертвіи святаго Іосифа, себѣ и ему пищу и одежду выробляла, на той часъ власнѣ была раба Господня, опрочь работы духовной, тѣлеснѣ рабскую ему послугу зъ материнскою вѣсполъ любовію выражаючи. Раба Господня: работа Господеви особлившая, въ Писмѣ Святомъ часто кротъ выражается чрезъ херувимовъ. Іезекіиль пророкъ видѣлъ, же домъ Божій оточенъ былъ херувимами: и херувими стояху одесную дому, изаде слава Господня отъ непокровеннаго дому и взыде на херувимы, и воздвигоша херувими крила (Іезек. X, 3, 18—19). И гды казалъ Богъ Моисеови зробити себѣ храмъ свѣдѣнія, весь той храмъ велѣлъ пріоздобити херувимами: подобіа херувимовъ да будутъ окрестъ. И въ храмѣ свѣдѣніа и въ церквѣ Соломоновой опрочь тыхъ двоихъ, що надъ кіотомъ завѣта, гдѣ глянь всюди, по стѣнахъ, по дверяхъ, по столахъ, по завѣсахъ и опонахъ полно было видѣти херувимовъ выображенья, а то на знакъ притомности Бога зъ раболѣпно предстоячими ему херувимами. И хоць у Господа Бога вси ангели суть раби, служащіи ему, предстоящіи ему, — не всѣ ли суть служебніи дуси; херувими еднакъ способомъ особливымъ (особлившимъ): тамъ тые посылаются на службу по писанному: во служеніе посылаеміи, а херувими прочіимъ неотступны. Ангелы, поидѣте людей хранѣте. Архангелы, идѣте, благовѣстите. Господствіа, идѣте, царствіами языковъ управляйте. Силы—на войну, вла-

сти — на чудовъ чиненья, прочіи лики до наложитыхъ себѣ послугъ мѣйтеся; а херувими при покою Божомъ стойте,—херувимы стояху одесную дому,—его маестату уставичне пилнуйте. Непрестанно носѣте,—сѣдяй на херувимѣхъ, взыде на херувимъ и летѣ возлетѣ на крилу вѣтрню. И то власне въ храмѣ Господнемъ, гдѣ была притомна слава Господня,—исполнь славы храмъ Господень. Множствомъ подобій херувимскихъ было обваровано, же херувимскою службою оточается Богъ всюди; и хто хощетъ добре ему услужити, поработати, мѣетъ работати по херувимску. Такъ о тріехъ отрокахъ въ Вавилонской печѣ Богови работавшихъ взмѣнкуетъ (вспоминаетъ) церковь: „херувимомъ подобящеся отроци въ пещи“. А по-херувимску Богови работати яко? Херувимъ, водлугъ Августина, зъ еврейского языка значитъ „множество разума“, то хто хощетъ Богови работати по-херувимску, мѣетъ работати ему разумно, мудре, а не глупе. Суть бовѣмъ нѣкоторіи, отъ нихъ же и азъ могу быти, которіи работаютъ Богови не разумне, але барзо глупе. Работаетъ ли хто, працуетъ, а працуетъ и дуже, чинитъ еднакъ то не власне для самого Бога, але альбо для суетной отъ людей похвалы, яко да видѣнъ будетъ человѣки, або хочь и укрывается людского ока, самъ еднакъ въ себѣ, во умѣ своемъ, тщеславитъ и святымъ быти мнится. Мнійся быти нѣчто, ничтоже есть: тутъ глупе, не по херувимску, неразумно Богови работаетъ. Суть друзіи, которіи работаютъ Богови хоць и не для тщеславія, ни для о себѣ якового мнѣніа, для своей еднакъ приваты, пожитку, жебы ему было небомъ то нагорожено, а не власне для Бога; и тая работа не херувимска, але человѣческа, ни по множеству разума херувимскаго, але по самолюбію человѣческому, себѣ барзѣй зычитъ (наипаче желаетъ), себе барзѣй любитъ, неже Бога. Таковая работа есть власне наемническа: якъ наемный для того господареви служитъ, жебы ему заплатилъ господарь его. А херувимская работа, яко работаетъ Господеви по множеству разума, разумне, мудре, не для своей яковой приваты, не для тщетной на земли похвалы, не для небесной нагороды,—что ми есть на небеси, и отъ тебе что восхотѣхъ на земли? але для самого тылько власне Бога, для любви его божественной. То работа особнѣйшая Богу вельми пріятна, бо по множеству разума, по херувимску; таковая ра-

бота становитъ раба въ чину сына. Годность ему даетъ сыновскую, яко и ангели, работаючіе Господеви по множеству разума, сынами Божіими именуются, по писанному: пріидоша сынове Божіи предстати предъ Господемъ; такъ и работающій Богови человѣкъ по херувимску, мудре, любве ради божественныя, а не себе ради, стается сыномъ Божіимъ, же Бога, яко истаго отца любитъ. Але повернемся до истинной рабы Господней, до пречистой Дѣвы Маріи, въ себѣ мовячей: се раба Господня! Тая якъ работала Господеви своему? Вы бачте (простѣте), премудріи херувимове, а дайте старшое у маестату Божого мѣсце, премудрѣйшей служебницы Божой, пресвятой Дѣвы, которая не тылько по херувимску, але и надъ херувимовъ особнѣйшею своею работою услужила ему по множеству разума, любячи его всею душею, всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ. Любила всею душею разумнѣ, всѣмъ сердцемъ сладцѣ, всѣмъ помышленіемъ непрестанно, любве ради его божественныя, а не для своего якового самолюбія и приваты. Наближши Божому маестату зъ своимъ раболѣпнымъ предстояніемъ херувими, але отъ нихъ ближайшая пресвятая Дѣва, о которой Дамаскинъ: „вся чертогъ духа, вся близъ Бога“. Межи Богомъ а херувимами раздѣляетъ божественная слава. Межи Богомъ воплощеннымъ а пречистою Дѣвою или во утробѣ еи дѣвической, которое могло быти раздѣленіе? Весь Богъ въ ней, и она вся въ Бозѣ: вся чертогъ Бога, вся близъ Бога. Херувими Богу неотступно; пречистая Дѣва когда жъ безъ Бога? Богъ зъ нею и она съ Богомъ въ наимоцнѣйшимъ любве союзѣ. Привязалася духомъ Богови естествомъ матерства, такъ, же нѣ Богу отъ ней, а она отъ Бога когда разлучитися можетъ; завше ему неотступна. Херувими суть ли Богу престоломъ, носятъ ли на себѣ Бога? То престолъ херувимской дѣвица. Богъ на лонѣ ея, на пречистыхъ рукахъ ея по Виѳлеемѣ, по Іерусалимѣ, по Египтѣ носится, якъ на крылахъ херувимскихъ: престолъ херувимскій дѣвица. И вся работа еи божественному изъ нея Христу Богу, ажъ до возраста его мужеского, была херувимска по множеству разума, мудра, бо любве неизреченной, а ще матернія любве работа была исполненна. И прето зъ рабы Господней уросла въ дщерь Бога Отца, такъ о ней Номенклаторъ мовитъ: „дщерь Божіа перворожденная, дщерь превозлюбленнѣйшая Отца Пре-

вѣчнаго". Такъ высоко класъ служебничества рабы Господней въ працахъ около выкормленя отрока божественнаго, Христа, такъ высоко выросльъ, же засталъ дщерію Божіею; абы—хмо и мы научилися херувимски, разумне, работати Богови, певне быхъ-мо за любыхъ дѣтей были у Бога почитаны.

Четвертая бразда пресвятого житіа Богородичнна на Голгоѳѣ подъ крестомъ, а тая зродила класъ высокого титулу, починаючогося отъ четвертой въ преблагословенномъ имени Маріинномъ литеры І: „Істочникъ Жизни". Такъ минея Іануарія 27, пѣснь 9: „радуйся златоструйный безмертіа источниче, истинную сладость проливающь. Источникъ жизни на крестѣ Христосъ, источникъ цодъ крестомъ—Маріа. Тотъ гвоздми, влочнею (копіемъ) нскопанный, тая оружіемъ предвозвѣщеннымъ отъ Богопріимца: тебѣ же самой оружіе душу твою пройдетъ (Лк. II, 35). Зъ источника Христа плынуть потоки крове, зъ источника матери — потоки слезъ. Обы два тыи пренаисвятѣйшіи источники омывали болото грѣховъ нашихъ, овъ кровью, овъ слезами. Источникъ Христосъ во изліанін своея крове приносилъ Богу Отцу о насъ жертву, за ны пожреся Христосъ. Источникъ Маріа, во изліанін слезъ своихъ зъ жертвою духа тужъ стояла, — жертва Богу духъ сокрушенъ. А Богъ Отецъ свышше на жертву Сына своего поглядаючи, тужъ смотрѣлъ и на жертву дщере своея, и охочими тыми жертвами былъ умоляемый, благаемый, абы милостивъ былъ намъ грѣшнымъ: пріидетъ яко источникъ жатва твоя. Власне на Голгоѳѣ тыи сбылися слова. Была то тамъ единая жатва грѣховъ нашихъ,— вземляй грѣхи міра тернистое беззаконій нашихъ выжалъ поле, а повязавши въ снопы, взялъ на рамена, на тѣлѣ своемъ вознесъ на древо. Было тежъ жниво и всѣхъ образъ трудовъ Христовыхъ, на земли для спасенія нашего подъятыхъ, которые вси, при сконаню на крестѣ Христовомъ згромадилися, абы весполъ зъ его страданми презентовалися Богу Отцу. При тыхъ жнивахъ дость працовитыхъ пречистой Дѣвы, которая притомностю своею въ тяккой праци додавала нѣякись охолоды умордованному спасеніа нашего дѣлателеви, и была тая яко источникъ жатвы. Святый Григорій Неокесарійскій пресвятую Дѣву назвалъ источникомъ свѣта. Треба было на Голгоѳѣ, гды солнце правды Христосъ позна смертный западъ свой, а

темности грубые весь свѣтъ крыли,—тма бысть по всей земли. Источникъ свѣта Маріа стала подъ крестомъ, абы заходящу солнцу, свѣтилу свѣта, на его мѣсци, яко свѣтопріимная свѣща, хоць тму просвѣщала; абы, Богу умершу, не упалъ свѣтъ, она свѣтеніемъ своимъ вспирала. О, свѣте нашъ Богородице! Просвѣщай тму нашу! О, источниче жизни! оживляй душевную мертвость нашу!

Пятая остатная пресвятаго житья Богородична бразда отъ горы Голгоѳскія, идетъ подъ гору Олѣвную до Геѳсиманіи; бо отъ того часа поятъ ю ученикъ во своя си (Іоан. XIX, 27). Тоя бразда возрастила класъ пречестнѣйшій особливой поваги межи святыми, въ той часъ въ тѣлѣ бывшими въ церквѣ первенствующой, а даймо тому класу титулъ зъ акаѳиста нынѣшнего успенского, починаючійся отъ пятой а остатной въ благословенномъ имени Маріиномъ литеры А: „Апостоломъ Вѣнецъ“. Такъ во ихосѣ 1 чтется: „Радуйся, апостоломъ пречестный вѣнче“. Во тежъ кончачи класовъ збираніе, треба учинити обжинки, треба уплести вѣнецъ зъ тыхъ же класовъ.

По волной страсти и смерти Господа своего, апостолы святіи, внимлѣмъ, были сѣтованни; приходило имъ ламентовати зъ плачучимъ пророкомъ: разсыпася радость сердецъ нашихъ, обратися въ плачь ликъ нашъ, спаде вѣнецъ съ главы нашея (Плачъ Іерем. V, 15—16). Мѣли еднакъ печали отраду, же еще въ живыхъ зъ ними зостала Мати Богородица имъ, пречистая Дѣва, а тая скорбящимъ радости.

По вознесеніи тежъ Господнемъ печалій, скорбій насе апостоловъ немало; выполнялися слова Христовы: въ мірѣ скорбь имѣти будете, восплачетеся вы и возрыдаете, а міръ возрадуется, вы же скорбни будете (Іоан. XVI, 20). Во всѣхъ тыхъ скорбныхъ печалехъ святымъ апостоломъ едина была утѣха, отрада, притомность въ тѣлѣ пречистыя, преблагословенныя Дѣвы, на которую, по свидѣтельству многихъ, бы кто и напскорбнѣйшій спозрѣлъ, веселіа духовнаго исполнися. Особая бовѣмъ отъ ней исходила нѣкая благодать, плачущіа утѣшающая, скорбящіа увеселяющая, сѣтующіа обрадующая. И была тогда въ первенствующей церквѣ пресвятая Дѣва, яко вѣнецъ радости.

Зебралися на горницу въ Сіонѣ святіи апостолы, а посредѣ ихъ пресвятая Дѣва, на вышшомъ сѣдитъ мѣсцу, яко вѣнецъ. Чинятъ соборніи молитвы, пресвятая Дѣва посредѣ ихъ, яко вѣнецъ. Кидаютъ жребіа на проповѣдь, ставятъ діаконовъ, общее житіе устрояютъ,—пресвятая Дѣва межи ними, яко вѣнецъ, а вѣнецъ радости, въ скорбѣхъ утѣшающій.

Порвали убойцы святаго первомученика Стефана и въ долину Іосафатову, межи Елеономъ и Іерусалимомъ лежачую, до потока Кедрскаго запровадили, убійственныя руки возложили; а пречистая Дѣва отдалече на едномъ холмѣ стоячи зъ святымъ Іоанномъ Богословомъ, а на смерть его глядячи, прилежныи о немъ къ Сыну своему и Богу творила молитвы, и то справила, же самъ Христосъ въ отворенномъ стоячій небѣ показался побиваемому и умираючому святому Стефану.

Возложи Иродъ царь руцѣ озлобити нѣкіа отъ церкве, уби Іакова брата Іоаннова мечемъ, а пречистая Дѣва сама тѣлу его мученическому погребеніе отправуетъ, до гробу провадитъ, душу зась его святую молитвами своими въ небо впроважаетъ, предъ престолъ Божій ставитъ, залѣцаетъ.

Вкинено святаго Петра до темницы, стражу моцную приставлено—четыре четверицы воиновъ, а пречистая Дѣва въ дому тезоименитой себѣ Маріи, матере Іоанновы, зебравши первенствующую церковь, молитву за него чинитъ, молитва же бѣ прилежна, бываемая отъ церквѣ о немъ къ Богу (Дѣян. XII, 5). И справила то, же ангелъ Господень посланъ бысть извести Петра изъ темницы. О, якъ много помогала святымъ апостоломъ притомность ея въ тѣлѣ! О, яко была щаслива первенствующая апостольская церковь, же таковую въ скорбехъ отраду, въ трудѣхъ помощь, въ печалѣхъ утѣху, въ тѣлѣ межи собою мѣли, яко едину собранію своему корону, яко единый трудомъ и болѣзнемъ своимъ вѣнецъ почести! Радуйся, апостоломъ пречестный вѣнче, въ таковую повагу и почесть межи святыми апостолами, яко нѣкій межи выбранною пшеницею класъ добродѣтели Богородичной уросши (возрастши)! Уже ты божъ приближился до щасливаго своего жнива. Молился Петръ, же жниво есть житія докончаніе, серпъ—долгъ естества смертный, класы добродѣтели — заслуги, жатели — ангели. Перешли—смо хоць лѣнивыми тескливого ума стопами ниву житіа пречистой Дѣвы

Богородицы, присмотрѣлисмося пяти зацнымъ высокихъ титуловъ класомъ ея, и яко бы подлою мовою нашею въ единъ снопъ зебрали, але неискусный, неумѣетный: не красна похвала отъ устенъ нечистыхъ. Уступѣмъ искуснѣйшимъ, умѣетнѣйшимъ жателемъ святымъ ангеломъ: ангелы—жатели. Въ пятнадцать лѣтъ по Господнемъ отъ земли на небо вознесеніи, стала рада на емпирейскомъ небѣ, въ троичномъ совѣтѣ, перепровадити отъ міра до премірныхъ обителей Богоматерь. А пречистая Дѣва въ самый той часъ на горѣ Оливной обычныи свои молитвы отправуетъ. Высылается отъ маестату Божого благовѣстникъ зъ райскою палмою, той же архангелъ Гавріилъ, который першъ Божіе зъ неба на землю благовѣстилъ снисхожденіе, абы благовѣстилъ пречистой Богоматери зъ землѣ на небо ей со славою восхожденіе. А единъ же тую послугу отправуетъ ангелъ? Не единъ, але якъ на онъ часъ, такъ и теперь, бысть со ангеломъ множество вой небесныхъ, зъ которыхъ едни апостоловъ по воздуху восхищаютъ, и якобы снопы зъ далекихъ нивъ, зъ отлеглыхъ земель въ домокъ Богородичинъ, якъ бы до гумна и стогу зносятъ, другіе животныи книги пресвятаго Богородичнаго житія вартуютъ, великіи ея добродѣтели, высокіи цноты, заслуги, добре уже маестату Божому вѣдомыи, и на небѣ давно записаные, для большей еи почести и похвалы, докупы сносятъ, якъ бы класы зъ браздъ жнутъ, въ снопы вяжутъ; бо то есть певно, же при сконаню кождого человѣка дѣла его ставаютъ, и якъ кто сѣялъ, такъ пожнетъ. Добрая была сѣвба, благословенни въ жневахъ Господнѣ, хоць то часомъ было и зелцами ходяще, — хождаху и плакахуся, метающе сѣмена своя, але о якъ щасливое жниво, грядуще же пріидутъ радостію вземлюще рукоятія своя. Сѣющіи слезами, радостію пожнутъ. На вси помяненныи пресвятаго Богородичнаго житіа бразды, зо всѣхъ ангельскихъ хоровъ высыпалися ангелы купами на толоку, на збране добродѣтельныхъ ея класовъ.

Зъ первой бразды, гдѣ класъ утитулованный Мудрая Дѣва, ангелы збираютъ класы ей ново на свѣтѣ зачатыхъ дѣвства обѣтовъ, бо она первая въ женскомъ полу дѣвство начала и тое навѣки Богови обѣтовала.

Зъ другой житья ея бразды, гдѣ класъ утитулованный Агница Христова, збираютъ классы: власти—незлобіе агнчее, бо

незлобивымъ, яко реклося, дается высокая власть; силы збираютъ агнчую ея кротость, господствіа агнчое ея смиреніе, за которое на всемірное госпожество промовается: смиряяй себе вознесется.

Зъ бразды третьей, гдѣ класъ Раба Господня, херувими збираютъ класы ея серафимскіа любве къ Богу, которою подъ крестомъ палала.

Зъ бразды пятой престоли збираютъ класы ея, въ первенствующей церкви годные похвалы и чести: прилѣжная о всѣхъ попеченія. А то все до куны зебравши, внесши, спонъ скорый удивительный учинили, и до житницы небесной зъ радостію провадити пріуготовалися.

Щасливая при тымъ настала сконаніа дѣвическаго година! Рушается самъ всего свѣта Господарь съ пренайвышшого маестату своего Христосъ Богъ своею божественною человѣческою притомностью, хотячи видѣти тое жниво. Подвигнулася зъ нимъ, и вся его ассистенціа, дванадесятъ четыри сенатори встали зъ креслъ своихъ, а зъ царемъ своимъ и Богомъ въ походя прибрали. Подвигнулося все небо такъ, же заледво (едва) кто остаетъ въ немъ; вси ликами, полками зъ браздъ небесныхъ, широко отверстыхъ, восходятъ; весь воздухъ наполняютъ, къ дому Богородичному сближаются. И уже очевидно, Богъ Сынъ къ своей Богоматери приходячи сказуется, и пресладкими своими усты витается зъ нею; а яко повѣствуетъ Сардійскій епископъ Мелетій, мовитъ къ ней Господь: „пріиди ближняя моя“, а она падши поклонилася Господу Богу своему со многимъ благодареніемъ. Подоймуетъ миле Сынъ Матку свою пречистую, любезными словы увеселяетъ. О, якъ радостно на той часъ пречистая Дѣва претворила давную пѣснь свою: величитъ душа моя Господа, и возрадовася духъ мой, и прочая. А въ тымъ пречистую и пресвятую душу свою въ руцѣ Сына и Бога своего со многою сладостію влагаетъ. А тожъ уже конецъ жатвѣ, веселыи внетъ чинятся обжинки, вѣнцовъ зъ тыхъ же колосовъ уплетуется немало. Зъ тыхъ же бо вѣнцовъ пречистой Дѣвы высокихъ, благодать и на всѣхъ изливается, и всѣхъ вѣнчаетъ, бо тою всѣ спасаются: и спасетъ Богородицею міръ, церковь спѣваетъ. Зъ класа Мудрой Дѣвы уплетается вѣнецъ всѣмъ дѣвствующимъ, истязаючимъ чистоту хранити.

Зъ класа Агницы Христовой уплетается вѣнецъ незлобивымъ, кроткимъ, смиреннымъ. Зъ класа Рабы Господня уплетуется вѣнецъ всѣмъ рабомъ Божіимъ, вѣрне а разумне Богови работаючимъ. Зъ класа Источника Жизни уплетуется вѣнецъ всѣмъ исходища водная изводящимъ отъ очесъ своихъ и плачущимъ ово въ роспомятиваню страстей Христовыхъ, ово грѣсѣхъ своихъ жалѣющимъ. Зъ класа Апостольского пречестного Вѣнца уплетуетъ вѣнецъ всѣмъ, иже на властехъ, царемъ и архіереомъ. Радуйся честный вѣнче царей благочестивыхъ! Радуйся честная похвало іереовъ благоговѣйныхъ! Але и самые тыя класы, въ снопъ при сконанію Богородичномъ зебранные, вѣнчаются славою и честію, по словеси апостолскому: слава же, и честь, и миръ всякому дѣлающему благое. Оточаютъ одръ Богородичинъ святіи апостоли вколо, то вѣнецъ по писанному: окрестъ вѣнецъ братіи; окружаютъ лики безплотныхъ умовъ: подъяша ю престолы и сплы (кондакъ 12); окружища начала и власти, и то—вѣнецъ. Самъ Христосъ надъ нею, яко вѣнецъ надъ главою. И выполнилося тутъ то, що предреклъ пророкъ Исаіа: въ той день будетъ Господь Саваоѳъ, вѣнецъ надежди, сплетенный славою (Ис. XXVIII, 5); але и душа пресвятая пресвятыя Дѣвы въ рукахъ Господнихъ, якъ найпіекнѣйшой вѣнчокъ, по писанному: будеши вѣнецъ доброты въ руцѣ Господни, и главизна царствіа въ руцѣ Бога твоего (Ис. LXII, 3). Такими обжинками провадится пшеница Божая, Дѣва пречистая, въ житницы горніе во гласѣ радованія и исповѣданіа, шума празднующихъ, и презентуется тронному маестатови, гдѣ Богъ Отецъ слова Исааку подобные мовитъ: се воня дщере моея, яко воня нивъ, полныхъ множества пшенична (Быт. XXVII, 27). И такъ Богъ, въ Троицы единый, собралъ пшеницу свою въ житницу свою.

Іосифъ старозаконный повѣдаетъ нѣгды сонъ свой братіамъ своимъ: мнѣхомся средѣ поля вяжуще снопы, и ста мой снопъ простъ, ваши же снопове, окрестъ стояще, кланяхуся моему снопу. Толковано то такъ, же мѣлъ Іосифъ царемъ быти, а братія ему мѣли кланятися; рѣша же ему братія его: егда ты царствуя царствовати будеши надъ нами, и владый владѣти будеши надъ нами? (Быт. XXXVII, 7). Такся потымъ стало.

Не ровнымъ, але далеко вышшимъ, честнѣйшимъ сталося способомъ зъ снопомъ добрыхъ дѣлъ Богородичнымъ. Ста снопъ

простъ, поставлено той снопъ на честномъ мѣсцы, по правицы Божого престола,—предста царица одесную тебе,—на мѣстѣ высокомъ,—воистину вышше всѣхъ еси, Дѣво чистая, и царствуя царствуетъ надъ всѣми, и владычествуя владычествуетъ надъ всѣми. Небо и земля ей повинуются, голдуютъ: хто стараешься пшеницею Христовою быти, збери свои вси побожныи аффекта въ снопъ, а ставъ предъ тымъ мысленнымъ снопомъ въ поклоненіе. Кланяются тому снопу снопы земной пшеницы зацные, царскою короною оздобячіе, припадаютъ царіе, кланяются архіереи, іереи, духовныи чинъ и мірскій, богатіи и убогіи,—лицу твоему помолятся богатіи людстіи. Але певне изъ остаючой пшеницы святыхъ снопы тому жъ снопу достойный поклонъ выражаютъ. Овыи двадесять и четыри старцы, вѣнцы полагающе, и тыи жъ, що къ Сыну ея, слова и къ ней мовятъ: „достойна еси, госпоже, пріяти славу, и честь, и силу“. Ба и вси горніе и доліе единостайне зъ наближайшимъ поклономъ то признаютъ: достойно есть, яко воистину блажити тя, Богородице.

Отдаемъ должный поклонъ и мы вси тебѣ, о пренебесная хлѣба животнаго пшенице, и нѣбы (аки) снопы по путехъ, на стогнахъ простертымъ тѣломъ пометаемъ у пречистыхъ и пресвятыхъ ногахъ твоихъ. Наши снопове кланяются твоему снопу. А кланяючися молбы наши грѣшніи вносимъ, жебручи (алчущи) вси пріяти отъ исполненія твоего пшеницу крупицъ благодати твоея. Мудрая Дѣво, уцѣломудри насъ! Агнице Христова, незлобіа, кротости, смиренія научи насъ, и сотвори ны быти овцы десницы Христовы. Раба Господня, до работы не лѣностной Богу взбуди и заохоти насъ! Источниче Жизни, оживи насъ животными благодати твоея водами! Апостольскій Вѣнче, увѣнчай насъ милостію и щедротами празднуючихъ радостно обжинки духовнаго твоего жнива! О пренебесная пшенице, питай насъ хлѣбомъ и душевнымъ и тѣлеснымъ во вся дни житія нашего! А гды пріидетъ жатва смертная временному житію нашему, въ которомъ наиболшь плевеловъ а пшеницы мало, овшемъ у другого яко и у мене грѣшного ни зернети: ты преблагословенная, умолившая Сына претворити воду въ вино, тыми жъ молитвами плевелы наши претвори въ пшеницу, и сама тую пожни, сама собери, сама запровадь насъ до небесныхъ жит-

ницъ, абысмо тамъ не якъ теперь здалека, але уже зблизка, лицемъ ко лицу Сыну твоему и Богу нашему, животному хлѣбу, а по Бозѣ тебѣ пречистѣй Богородицы, духовной пшеницѣ, поклоненіе, честь, славу и благодареніе воздавали со всѣми святыми во вѣки.

Аминь.

Слово на Рождество Христово.

Въ лѣто 1698 въ Чернѣговѣ. Декемврія 25 день.

Таинство странное вижду и преславно: небо сущу пещеру.

Ыдался Богъ зъ секретовъ зъ таинствъ, слухачу православный. Недивно: приполъ межи люде, на земли явися и съ человѣки поживе; а межи людми щожъ коли утаитися можетъ? ничтоже утаено. Поки сидѣлъ Богъ на небѣ, на своемъ Божскомъ маестатѣ, сѣдяй во славѣ на престолѣ Божественномъ (Варух. III, 38), поти нихто не зналъ Его секретовъ, Его таинствъ, а нѣ наближшіи его покоевыи святыи аггелы: отъ вѣка утаенное и аггеломъ недовѣдомое таинство. А яко зступилъ зъ неба на землю, скоро завиталъ межи люде, ажъ о его секретахъ, о его таинствахъ, нетылько побожныи люде, яко то святый Іосифъ, праведная Соломіа; нетылько поважныи персоны, яко то три восточныи царіе, але и быле простацство, пастухи, дишкуруютъ, говорятъ, секрета розносятъ: сказаша о глаголѣ, глаголанномъ имъ о отрочатѣ семъ. (Лк. II, 17).

Одинъ тылько волъ зъ осломъ молчатъ, хоць и долгіи языки мѣютъ. Що вѣдать, если бы оселъ мѣлъ розумъ людскій, чи чи не помыслилъ бы стоячи при яслехъ: колибъ тутъ былъ мой продокъ, оселъ той, що возилъ на себѣ пророка Валаама, а говорилъ по человѣческу: певне бы той тутъ не молчалъ,

щось бы проговорилъ, бо онъ доброе чулъ ушима своима, що оный пророкъ на немъ сѣдячи мовилъ: возсіяетъ звѣзда отъ Іакова и востанетъ человѣкъ отъ Израиля (Числ. XXIV, 17). А волъ що? если бы и той мѣлъ розумъ, певне бы помыслилъ: гды бы тутъ былъ волъ оный, котораго Іезекіиль пророкъ видѣлъ межи шестма крилами херувимскими, лице телче, той нетылько бы заговорилъ, але и заспѣвалъ бы воплощенія Божіа тайну: воспѣша четыре животна (Іезек., I).

Единымъ словомъ выявилися секрета Божіи, таинства; спѣваетъ нынѣ церковь: таинство странно вижду и преславно. А еще чировныи секрета? цѣлое небо, зъ солнцемъ, мѣсяцемъ, зъ звѣздами, ба зо всѣмъ маестатомъ Божіимъ втиснулося въ єдину щуплую Виѳлеемскую пещеру: небо сущу пещеру. Цѣлый хоръ херувимскій, которого личба несказанная, тысящи тысящей, тмы темъ, на нихъ же Богъ почиваетъ, уступили функціи своей единой дѣвицы, пречистой и преблагословенной Дѣвѣ Маріи,— престолъ херувимскій дѣвица. Цѣлыи скарбы, богатества, сокровища Божіи незличоныи, неошацованныи, всѣми небами незмѣщонныи, въ едины тѣсныи яселка зложено, змѣщено и горсткою сѣна окрыто: ясли вмѣстилища. О заправдѣ таинство великое, странное и преславное въ нынѣшній Рождества Христова праздникъ свѣту есть явленно! а явлено на то само, бы о немъ люде не молчали, говорили; бо то тылько тайну царя земного добро есть таити; а царя небеснаго таинства, дѣла Божіи проповѣдати преславно есть.

И дивная натура секретовъ Божіихъ, не якъ секретовъ людскихъ! Секретъ человѣческій, гды скажешь разъ другій, одному, другому, ужежъ всѣ его добрѣ знаютъ; а секрета Божіи имъ болшъ о нихъ мовишь, дишкуруешь, имъ множайшимъ проповѣдуешь, тымъ суть секретнѣйшіи, труднѣйшіи, недовѣдомшіи: неиспытаны суть судове его, неизслѣдованы суть путіе его. Мовити еднакъ о нихъ треба: бысь былъ камень, возопій, неумолчи, проповѣдуй и прославляй таинства Божіи странный и преславныи.

Давши жъ покой (для короткости часу) инымъ таинствамъ Божіимъ страннымъ и преславнымъ при Рождествѣ Христовомъ дѣючимся, сіе тылько едино возмѣмъ себѣ до уваги и толкованіа таинство: небо сущу-пещеру: для чего и яко небомъ есть пещера, и що за секрета, яковыи таинства въ томъ небѣ?

Секретъ то неменшій таинство, ба и чи догадаемся, яко то земная пещера стала небомъ? чи то земля претворилася въ небо, читежъ небо премѣнилося въ землю? обѣ тыи рѣчи суть неподобны. Що до матеріи, суть тѣлеса небесная и суть тѣлеса земная, но ина есть небеснымъ слава, ина земнымъ: инша матеріа небо, инша матеріа земля; ни матеріа небесная можетъ быти землею, ни матерія земная небомъ. Єднакъ що до нынѣ дѣючогося таинства, не помилимся, гды на обое произволимъ; не на стѣны пещерныя, но на матерію земли глядючи, але на таинство, въ пещерѣ дѣючоеся, смотрячи, безпечнѣ речемъ: стала земля небомъ, стало небо землею.

Двое гостіи нынѣ на оночинокъ до пещеры завитали: зъ земли и зъ неба. Первый человѣкъ отъ земля перстный, то гость единъ, странный зъ Назарету, во утробѣ дѣвической принесенный; вторый человѣкъ Господь съ небесе, то гость другій, странный, не зъ близка, зъ неба. Въ первомъ естество отъ бренія взятое, земля то; въ другомъ естество отъ превыше небесъ сошедшое, мовлю, же небо то, Господь съ небесе. Стается Богъ человѣкомъ, а человѣкъ Богомъ: стается то небо землею, а земля небомъ: и не такъ стается небо землею, бы престало быти небомъ; ни земля такъ стаетъ небомъ, бы престала быти землею. То есть: не такъ стается Богъ человѣкомъ, бы престалъ быти Богомъ, ни человѣкъ такъ стается Богомъ, бы престалъ быти человѣкомъ, але обое то такъ зъ собою злучаются, якъ во ономъ сакраментѣ, о которомъ апостолъ: будета оба въ плоть едину (Ефес. V, 31). А тутъ въ лице едино, яко красне глаголетъ Дамаскинъ: „не во двою лицу раздѣляемъ, но во двойцы естествъ несмѣсно познаваемъ“. Такое таинственное небо зъ землею, ба зъ человѣкомъ злученіе, въ Виѳлеемской пещерѣ, гды совершается, ажъ пещера небомъ: небо сущу пещеру; але простѣй уважаючи: стала пещера небомъ, гды пріяла внутрь себе небеснаго Бога и вся небесныя силы. Богъ со всѣмъ небомъ въ пещерѣ, прето пещера небомъ: небо сущу пещеру.

Былъ той часъ, же колись и небо походило было на пещеру, на вертепъ, а на вертепъ разбойниковъ, гды въ немъ затаился былъ единъ лотръ, збойца, которого апостолъ зоветъ человѣкоубійцею исконѣ, затаился, бо рече въ умѣ своемъ: на небо взыйду, — то нишкомъ, потаеннѣ, здрадецко, позлодѣйску, и

поразбойницку, да украдетъ и убіетъ, а еще съ чи малою гвардіею: хоботъ его отторже третію часть звѣздъ, то есть аггеловъ. (Апок. XII, 4). Покижъ то постережено, поки того разбойника, злодѣя съ гвардіею его съ неба выпхнено, выгнано, на той часъ небо походило было щось на вертепъ разбойниковъ; а теперь—хвала Богу—вертепъ земный много походилъ на небо: небо сущу пещеру.

Где стоитъ быдло,—хлѣвъ то, гдѣ живутъ люде святыи,—рай то. Гдѣ туляется разбойникъ,—вертепъ то; гдѣ водворяется Богъ,—небо то. Богъ въ пещерѣ, пещера небомъ; и рай колись на хлѣвъ былъ походилъ, гды въ немъ человѣкъ, преступивши заповѣдь Божію, приложився былъ скотомъ несмысленнымъ и уподобился имъ. И небо, якомъ реклъ, было накшталтъ вертепа, а о вертепѣ Виѳлеемскомъ яко на сей часъ разумѣти? лѣпшъ нѣжъ о раю, яко о самомъ небѣ. Въ Виѳлеемской теперь пещерѣ на кого глянь, все люде святыи: святый Іосифъ святъ, старица Саломіа свята, и пастушковъ почитай межи святыми, и царей восточныхъ хоць въ календаръ пиши, нужъ самая надъ святыхъ святѣйшая, пречистая и преблагословенная Дѣва; а Христосъ есть древо животное, отъ него же ядый не умираю. Лѣпшимже ты теперь естесь, вертепе, за Христа раемъ, анѣжъ колись за Адама едемскій рай, але що тебе звати раемъ, гды тя церковь самымъ титулуетъ небомъ: небо сущу пещеру.

Небо престолъ есть Божій, а и въ пещерѣ Богъ сѣдитъ на престолѣ святѣмъ своемъ, на рукахъ дѣвическихъ. Чимже пещера теперь менша отъ Бога? Гдѣ Богъ, тамъ запсте небо, посвѣдчитъ того единъ трипѣснецъ предпраздственный на павечерѣ читаный, въ которомъ на концу стишокъ таковый: „обхождаху аггелы, якоже престолъ херувимскій, ясли, вертепъ бо небо зряху, лежащу въ немъ владыцѣ“. Уважаймо тыи словка: „вертепъ небо, лежащу въ немъ владыцѣ“: поки въ вертепѣ не было владыки Христа, вертепъ былъ вертепомъ, а яко положился въ немъ владыка Христосъ, ажъ вертепъ уже не вертепъ; щожъ? небо. Самыи то аггельскіи увидѣли очи, вертепъ небо зряху, лежащу въ немъ владыцѣ.

Добрѣ въ Богоявленскихъ гимнахъ (пѣніахъ) спѣваютъ на литіи: „идѣже царево пришествіе, тамо и чинъ его приходитъ“. Вшолъ царь небесный до земнаго вертепа, вшолъ весполъ и

чинъ его небесный, вошло съ нимъ небо, зъ цѣлымъ маестатомъ своимъ небеснымъ, на сей часъ Богъ зъ емпирейскаго неба перенесłся до Виѳлеемскаго вертепа. Не тылько бовѣмъ тутъ Богъ Сынъ рожденный, але и Богъ Отецъ, родивый предвѣки Сына, тутже есть. Глядячи бовѣмъ на Сына, глядимо на Отца, яко самъ Сынъ мовитъ: видѣвый Мя, видѣ Отца (Іоан. XIV, 9); тутже и Духъ Святый, дивное и несказанное рождество Христово справуючій. Ажъ тутъ въ вертепѣ цѣлая святая Тройца, царь то небесный. Щожъ далѣй? тужъ при немъ и чинъ его небесный, ассистенціа небесная, двадесятъ четыри старцы, поважныи оныи сенаторове, шендивыи старушковe, що то въ коло маестату Божого, окрестъ престола агнца сѣдятъ честно, а гусли въ рукахъ ихъ: тыи видячи Господа своего агнца, же на сей часъ обралъ себѣ вмѣсто неба вертепъ Виѳлеемскій, вмѣсто престола небеснаго ясли, и яко агнецъ въ яслѣхъ на сѣнѣ: и оны зъ своею повагою тудыжся до вертепа вступили. А оточивши яселка около, достойнымъ новорожденного своего царя поклономъ учтили: двадесятъ четыри старцы падоша и поклонишася, а взявши гусли свои, пріиграваютъ маленкому дѣтинци, тѣшатъ плачущаго, воспѣваютъ текстъ овый: достоинъ еси, агнче, пріяти силу, и богатство, и премудрость и крѣпость, и честь, и славу, и благословеніе (Апок. IV, 10—11). А гдежь бовѣмъ тою вдячною власне агнеци принадлежачею пѣсенкою привитано агнца напродъ, ажь не въ стайнѣ, гдѣ Сынъ Божій напродъ почалъ быти агнцемъ? гдѣ бовѣмъ онъ агнцемъ почалъ быти? заправдѣ не въ небѣ. Въ небѣ не агнцемъ, але лвомъ былъ страшнымъ, дрижали предъ нимъ горы, по писанному: аще отверзеши небо, трепетъ пріимутъ горы. Трасłися предъ нимъ фундамента земныи: призираяй на землю и творяй ю трястися, прикасаяйся горамъ, и воздымятся (Псал. CIII, 32); яко на Синаи, гдѣ просятъ Израильтяне Моисеа: да не глаголетъ къ намъ Господь, да не когда умремъ (Исх. II, 19). Левъ былъ срогій, живучи на небѣ. Где жъ зосталъ агнцемъ? на земли. Въ которомъ мѣсцу? въ Виѳлеемской стайнѣ. Напродъ гдѣ положися? на сѣнѣ. Тамъ теды и пѣснь тая, достоинъ еси агнче и прочая, скопмпонованна и не въ небѣ, але тамъ напродъ отъ сенаторовъ небесныхъ заспѣвана: то сенаторове, нужъ слуги, жолнѣрство.

Архистратигъ Михаилъ, архангелъ Гавріилъ, овъ яко переднѣйшій чести Божой сторожъ, а овъ яко першій воплощеніа Божіа секретарь, оба тутъ же, а еще не самы, але со всѣми небесными силами: бысть со аггеломъ множество вой небесныхъ, хвалящихъ и поющихъ Бога (Лк. II, 13). Уважити тыи двое словка: вои поющихъ: и вои и пѣвчіе, и музыканты и жолнѣрство. Въ одной руцѣ кантика, а въ другой мечъ. Такъ то власне, якъ Давидъ мовитъ: возношеніа Божіа въ гортани ихъ и мечи обоюду остры въ рукахъ ихъ. (Псал. CXLIX, 6). Едни небесніи концерты спѣваютъ, а реентуетъ имъ святый архангелъ Гавріилъ, неувядаючою хоць въ зимѣ, даючи такты лелѣею (Гавріила имуще чинопачальника); другіи готовы до бою, сотворити отмщеніе, а воеводствуетъ имъ святый архистратигъ Михаилъ зъ мечемъ обнаженнымъ, даючи гасло: кто яко Богъ, Богъ воплощенный? Такъ святыи аггелы своего, аггеловъ, Творца, отъ чистѣйшой надъ аггеловъ дѣвицы рожденного, и пѣснми славятъ, здоровья его въ натурѣ людской новопріятой остерегаютъ: сотворити отмщеніе. Вара, непріятель, ты Ироде, вара; представлено тутъ множае дванадесяти легеоновъ аггелъ.

Такъ, гды зъ новорожденнымъ въ вертепѣ царемъ небеснымъ весь чинъ его небесный прошолъ въ вертепъ, опустивши небо: будь же ты на сей часъ, небо, порожнимъ вертепомъ, а ты, вертепе, будь полнымъ небомъ,—небо сущу пещеру.

Нужъ що до иныхъ оздобъ небесныхъ, яко то солнца, мѣсяца, звѣздъ, все то на сей часъ въ Виѳлеемской пещерѣ, яко въ истомъ небѣ знайдешь. Младенецъ во яслѣхъ,—то солнце наше, свѣтъ нашъ, сіяніе славы Отча: тебѣ кланятися солнцу праведному. Пресвятая Богородица при яслѣхъ—то мѣсяцъ молодый, оразъ и вповнѣ. Молодый, бо новый, яко мовитъ Писаніе: ново сотвори Господь на земли, жена окружи мужа. Новина то, же дѣва небрачная раждаетъ, и по рождествѣ паки дѣва; новинка то на свѣтѣ первая и послѣдняя, таковая дѣвица, которая Мати Богу и дѣва, раждающи и дѣвствующи, паки: два роги того мѣсяца: дѣвство и матерство. Дѣвство вышше аггелъ сягаетъ а и матерство ставаетъ обокъ маестату Божого: предста царица одесную (Пс. XLIV, 10). Той молодый мѣсяцъ оразъ есть и вповню, благодати Божой полная. Тужъ святый праведный Іосифъ, а и старица Соломіа не зъ грѣшныхъ личбы:

звѣзды то годныи неба, опрочь тоѣ звѣзды, що надъ вертепомъ; пришедши звѣзда ста верху. Не мѣйтежъ тоѣ пещеры за простую пещеру, але за истое небо, бо мѣеть въ себѣ солнце, мѣсяцъ и звѣзды,—небо сущу пещеру.

Небомъ пещера, а небомъ таинственнымъ: таинство вижду. Секрета то суть, въ томъ небѣ, а якъ же бъ намъ донти тыхъ секретовъ? Зъ имени часомъ познаваютъ дѣло, изъ назвиска самой рѣчи доходятъ. Уважайможъ едно словко тое: небо, и доходмо таинства.

Небо на самомъ своемъ початку, скоро только стало отъ Бога сотворенное, яко было названно, яковымъ словомъ, яковымъ языкомъ, яковымъ именемъ—хто знаетъ? А хто-жъ лѣпшъ мѣетъ знати, яко святый пророкъ Моисей, который писалъ Бытейскую книгу, а писалъ не зъ себе, лечь изъ устъ аггеловыхъ. Есть знанье церкви святоѣ, яко о томъ мѣсяца Марта въ 26 день пишется, же, повелѣніемъ Божіимъ, святый архангелъ Гавріилъ диктовалъ Моисеови о созданіи міра, и що онъ диктовалъ, то Моисей писалъ. Хто жъ бовѣмъ, и якъ бы могълъ знати, яко создалъ Богъ свѣтъ тотъ, если бы о томъ не открыто чрезъ аггела? тутъ же еще пытаніе: якимъ же языкомъ диктовалъ аггелъ, а Моисей писалъ? Знанье есть учителей, же неиншимъ языкомъ диктовалъ аггелъ, а Моисей писалъ, тылько еврейскимъ языкомъ, бо то былъ языкъ найчестнѣйшій и святѣйшій отъ иныхъ языковъ, а до писаніа Божественныхъ книгъ приличнѣйшій. И если то треба уже было почати въ свѣтѣ, божественный святыи книги писати, то треба было почати писать святымъ Еврейскимъ языкомъ. Поеврейску теды святый Гавріилъ говорилъ, а святый Моисей поеврейску писалъ. Скажижъ намъ, Моисею святый, якесь ты поеврейску написалъ „небо“? Далеко святый Моисей до розмовы, близко суть книгъ его толковники; тыи сказуютъ, же Моисей святый, во своемъ языку святомъ написалъ небо: скамаимъ. Непервѣй люде умѣли звати небо небомъ, первѣе его звали „скамаимъ“.

Щожъ тое словко разумѣется „скамаимъ“? въ нашемъ языку, якъ его назвати? Повѣдаютъ толковники, же тое словко выкладается: „водное“, скамаимъ—водное, альбо воднистое, и вывовятъ то такъ: воды безденныи, надъ ними же ношашеся Духъ Божій, въ еврейскомъ языку зовутся: скама. Въ тыхъ водахъ,

певную часть воды Богъ отлучивши, огустилъ, ствердилъ, якъ кришталъ, альбо діаментъ презорчистый, рече Богъ: да будетъ твердь посредѣ воды, и бысть твердь (Быт. I, 6). Тую твердь назвалъ Господь скамаимъ, то есть: водная, же отъ воды сотворенная, якожъ и наши очи видятъ, же небо воднистой есть барбы; а такъ небо напочатку званно: скамаимъ, воднистое.

Тутъ же приступѣмъ до таинства неба пещернаго; мовится, же пещера есть небомъ (небомъ мистичнымъ, таинственнымъ, нематеріальнымъ); то таинственное небо пещера и другіе небеса также таинственныи въ себѣ мѣетъ. Раздѣлѣмъ же тое все на трое небесъ, а то кшталтомъ апостола Павла, до третіаго небеси восхищенна бывшаго.

Перше нижное небо будь Виѳлеемская пещера.

Другое вышное небо—пречистая и преблагословенная Дѣва, такъ ей и зовутъ: что тя наречемъ, о обрадованна? небо.

Третее — найвышное емпирейское небо, бо оттоль сошедый Богъ воплощенный въ дитинномъ тѣлѣ, лежащій въ яслѣхъ, пеленами покрываючися, яко небо облаками.

Що до першого неба, пещеры Виѳлеемской, тая положеніе свое мѣетъ при Виѳлеемѣ, въ земли еврейстѣй, не барзо далеко отъ Іерусалима, столицы еврейской, и если кому зъ побожихъ: чи то святому Іосифу, чи старицы Саломіи, чи пастушкомъ, чи царамъ: если треба было пещеру тую, для зостаючою въ ней Христа назвати небомъ, то неиначей ю назвалъ, ено поеврейску, яко въ земли еврейской: скамаимъ, воднистое.

А и самою рѣчью походило на воднистое, бо якъ повѣствуется отъ достовѣрныхъ, въ самый той часъ, въ которой чистотою вѣчною запечатлѣнная, и дѣвствомъ хранимая, дѣвическая врата Господь нашъ прошелъ есть,—заразъ жродло живой воды, въ той же пещерѣ зъ землѣ выплынуло, и трвало тое жродло. Поки тамъ зоставалъ младенецъ Христосъ и пресвятая Богородица, и святый Іосифъ, ажъ пещера тая заисте на той часъ была небомъ воднистымъ.

Що до другого неба, до пречистой и преблагословенной Дѣвы Маріи, небо то заисте, небо высокое: воистинну вышше всѣхъ еси, дѣво чистая, небо широкое: чрево твое пространнѣйшее небесъ содѣла. Небо свѣтлое, солнцемъ Христомъ просвѣщаемое, небо воднистое, дождя и росы Духа Святаго испол-

ненное, и всѣхъ насъ благодатми своими оропаючое: всѣмъ скорбящимъ радосте,—все то роса благодати, зъ того неба на насъ изливаючихся.

Що до третіаго неба, до младенства Христова, и то небо есть водностое, водностому небу зъ водъ безденныхъ сотворенному подобное, альбо рачей: водностаго неба, зъ водъ безденныхъ учиненного, образованіе, подобіе въ себѣ мѣетъ, а мѣетъ таинственно: таинство вижду. Станмо ено умомъ нашимъ при входѣ пещерномъ, а внутрные наши очи, хоць притупленные суетою, пошлѣмъ внутрь, и вленѣмъ ихъ въ лежащаго въ яслѣхъ младенца а слезы зъ очесъ точащаго и пытаймо самыхъ себе въ самѣхъ себѣ: що то за младенецъ? есть то струмень, потокъ водъ животныхъ, отъ Бога Отца продѣвки истекшій, а напослѣдокъ лѣтомъ отъ пренайчистой утробы дѣвической, на подолъ земный сплынувшій, и хоць тое немовятко еще не говоритъ, а уже у него на языку тыо слова: жаждай да грядетъ ко Мнѣ и піетъ (Іоан. VII, 37—38). Що мовлю потокъ? есть то рѣка, ба рѣки: отъ чрева его потекутъ рѣки воды живы, есть то море глубины безденной: о глубина богатства, премудрости и разума. Божіа; есть то бездна судебъ, бездна милосердіа: неизслѣдную милосердіа твоего призываю бездну,— скама воды безденной.

Надъ тыми водами безденными, надъ тою бездною, носится Духъ Божій, бо отъ Отца исходяй, и на Сынѣ почиваяй, и воплощеніа Слова совершаетъ Духъ Святый [воплощшагося отъ Духа Свята]. Мѣетъ же тутъ конечнѣ быти и твердь; смотрѣмъ ено пилно.

Твердь въ той божественныхъ судебъ и безмѣрнаго милосердіа безднѣ, зъ тыхъ безденныхъ духовныхъ водъ походячая, не иная есть, ено твердая его любовь къ роду человѣческому: положилъ еси къ намъ твердую любовь твою, Господи. Твердая то любовь, для которой Сынъ Божій опустивши небо, вступилъ на землю, зъ Бога стался человѣкъ, зъ богатаго жебракомъ, зъ пана слугою: не пріидохъ [мовитъ] да послужатъ ми, но да послужу имъ (Мте. XX, 28): тако возлюби Богъ міръ. Твердая то любовь, для которой Богъ нашъ, Творецъ нашъ, не стыдится насъ братіею нарицати: вы други мои есте (Іоан. XV, 14), мовитъ. Твердая то любовь, для которой без-

смертный приполъ умерти: крѣпка яко смерть любы. Твердая то любовь, для которой приполъ положити за насъ душу свою: болши сея любве никто же имать, да аще кто положитъ душу свою за други своя (Іоан. XV, 13); колибже за други, не диво бъ: а то не за други, але за недруги, за головныи свои непріятели, за грѣшники, яко мовитъ апостолъ: составляетъ свою любовь въ насъ Богъ, яко грѣшникомъ намъ сущимъ, Христосъ за ны умре (Римл. V, 8). Знайможъ яко улюбилъ насъ твердо,—тако возлюби Богъ.

Описуючи апостолъ Христово отъ Дѣвы рождество, мовитъ: равенъ Богу, себе умали (Филипп. II, 6—7). Іеронимовъ преводъ читаетъ: „себе истощи“, вынищилъ, выдалъ; такъ насъ улюбилъ Богъ, же вынищилъ себе, выдавши намъ вси скарби пренебеснаго богатства своего, и якобы уже немѣючи болшъ, що дати, далъ намъ наостатокъ себе самаго, себе истощи; а истощилъ такъ, же свѣтъ неприступный будучи, темностію окрылся, слово отчее предвѣчное сущи, пророками глаголавшое, зосталъ немовяткомъ; крѣпкій и силный будучи, маломоществовати изволилъ въ младенческомъ тѣлѣ; потокъ жизни, самъ жаждетъ; хлѣбъ аггельскій будучи, алчетъ; вездѣ сый и вся исполняяй, не имать, гдѣ главы подклонити, бѣжитъ въ Египетъ: такъ себе для любви нашой истощилъ, вынищилъ,—тако возлюби.

Досвѣдчили тыи, которыи збытнюю любовь назвали восхищеніемъ ума, захвѣценемъ, жеся человѣкъ запинаетъ. Зъ збытной любви своей къ намъ Господь Богъ [же такъ повѣмъ] якобы себе запоминаетъ, бо себе вынищивши и якъ бы себе оставивши, весь умъ свой, весь розумъ свой, имъ же и вѣки сотвори, всю свою премудрость, влѣпилъ въ насъ, во спасеніе наше,ославши намъ Сына своего: тако возлюби Богъ міръ, яко Сына своего единороднаго далъ есть (Іоанн. III, 6).

Господи, щожъ тебѣ по насъ непотребныхъ? ты естесь свѣтъ пренебесный, всю тварь озаряющій, а мы едина грубая Египетская осязателная темность. Ты естесь чистоты жродло [источникъ], а мы скверный потокъ смрадный. Ты естесь піенкность, всякую оздобу преходячая: красота въ десницѣ твоей въ конецъ (Псал. XV, 11); а мы едина шкаредная шпетность, яко о насъ Іереміа мовитъ: потемнѣ паче сажъ образъ ихъ (Плачъ,

IV, 8). Ты естесь, еже естесь, а мы единое ничего, есмы и не есмы, и яко бы насъ не было противъ твоей бытности. Къ чемужъ мы тебѣ придамося? Але превеликая его любовь есть яко екстазисъ, ничего ни уважаетъ, якобы себе запомынаетъ; и хоць естесмо темни, скверны, нистны, и ничего: любвѣ единакъ его божественной, превеликой, [если тылько сами до него ся съ покаяніемъ горнемъ], естесмы [ніле въ людехъ святыхъ] и свѣтлы, и чисты, и піекны, и щось надъ аггеловъ: не отъ аггелъ бо когда пріемлетъ, но отъ сѣмене Авраамля пріемлетъ. Такъ къ намъ положилъ твердую любовь свою Господь,—тако возлюби (Евр. II, 16)! о любве твоея, человѣколюбче! атожъ то твердь въ той безднѣ: любовь въ его милосердію къ намъ твердая, божественная.

Тая твердь, твердыя къ намъ любве Божіа есть намъ правдиве небомъ; а небо тое есть скаманмъ, воднистое, Христосъ Господь изливаючій нынѣ зъ очей своихъ слезы. А изливши потомъ на крестѣ зъ пречистыхъ ребръ кровь и воду, выполнитъ слова Давидовы: яко вода изліяхся (Псал. XXI, 15). Ба и самая натура наша, отъ него нынѣ пріятая, есть водѣ подобна, яко Θекуитыа мовитъ до Давида: вси бо умирающе умираемъ (II Цар., XIV, 14), и яко вода, изливаемая на землю, не соберемся. И народы для которыхъ откупленіа пришолъ сынъ Божій, все то суть воды (Апок. XIX, 6): воды, яже видѣлъ еси, народы суть. Воднистое теды есть небо въ пещерѣ Виелеемстѣй, новорожденный младенецъ въ естествѣ нашемъ доводъ того ясный: якъ зъ неба сходитъ дождь альбо роса, такъ зъ пренасвятѣйшихъ очесъ Христовыхъ, въ младенчествѣ плачущихъ, исходятъ слезы. Молили праотцы: да кропятъ небеса свыше росу; атожъ мѣютъ желаемую росу, слезы Христовы, зъ таинственнаго неба, естества въ немъ человѣческаго.

Дождь зъ неба, или поливенъ, гды пойдетъ, люде идучіи зостоновляются трохи десь подъ дахомъ. Мысленный дождь отъ мысленного неба, слезы зъ очесъ Христовыхъ видячи, зостановимся тутъ трохи въ матеріи о небѣ, але барзо небу близкою матеріею: о слезахъ Христовыхъ.

Не вопрошалъ былъ причины (вины) слезъ Христовыхъ, гды былъ не видѣлъ необычного рождества его. Всѣмъ младенцомъ, дѣтемъ, звычайно плакати: мѣютъ то зъ натуры ро-

дившися плакати. И младенецъ Христосъ, взявши на себе натуру нашу, плачетъ ведлугъ естества человѣческаго, яко младенецъ; але не ровно всѣмъ прочіимъ младенцомъ, якъ бовѣмъ рождество его, такъ и младенчество его, а затымъ и плачъ его есть необычный. Посполитіе маленкіе дѣти плачутъ, сами не знаютъ, чего плачутъ, бо не имѣютъ еще розуму, не мыслятъ, ажъ то толись зачасомъ подростуючи, почнутъ потроху смыслити и разумѣти. Плачетъ Христосъ маленкій, але уже и знаетъ, чего плачетъ.

Есть зданье учителей святыхъ, же Христосъ Спаситель, хоць въ маленкихъ [яко несетъ трыбъ натуры людской] члонкахъ родился, але зъ цѣлымъ розумомъ, яко Божіа премудрость. Рослъ тѣломъ, а розумъ у него жадного не потребовалъ рощенія, зъ совершеннымъ тымъ розумомъ родился, которомъ было треба во все время житіа его земнаго, скутечныи спасеніа нашего выналодити сродки; оттоль то святый пророкъ Исаіа о немъ мовитъ: отроча родися намъ, сынъ дастся намъ, отецъ будущаго вѣка (Ис. IX, 6). Отроча вкупѣ и отецъ: отроча по естеству младенческому, отецъ по розуму совершенному; еще отроча тѣломъ, уже старый дѣдъ розумомъ: ветхій денми младенчествова волею, для чого и церковь спѣваетъ: рождество твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума; показуючи то ясно, же Господь нашъ зъ совершеннымъ розумомъ родился и всего міра научилъ розуму. Если теды Господь нашъ съ совершеннымъ розумомъ родился, то уже вѣдаетъ, чего плачетъ. Ищѣмъ же причины плача его.

Можемъ о дѣтехъ маленкихъ мовити, же хоць безъ розума плачутъ, еднакъ же ихъ може щось долѣчаетъ: чи то будетъ дитинѣ зимно, чи потуго пеленами стиснутъ, чи тежъ голодно, покарму персій матеріинскихъ хочетъ. Могло, ба и мусѣло хоць волею и отроча Христосъ, яко въ натурѣ людской, тоежъ утерпѣти. Было и зимненко суфтелнымъ члоночкамъ, и пеленами вязано, и сосца матерня было треба: естество младенческое, младенческіи слезы зъ очей его вытискало; але розумъ его божественный, не младенческій, лечь мужескій, не безпричинныи зъ зреницъ его пренайсвятѣйшихъ выпроважалъ слезы. И не такъ плакалъ для своихъ яковыхъ пассій, для своихъ яковыхъ младенческихъ долегливостей, яко для нашихъ бѣдъ и золъ.

Скоро глянулъ въ міръ всего лиха полный [весь міръ во злѣ лежитъ (Іоанн. V, 19), заразъ слезами залився; а сіи его слезы, въ первыхъ днехъ житіа его проливаемыи, ровны суть тымъ слезамъ, которыя потомъ проливалъ въ тридцать въ полчвартомъ году надъ Іерусалимомъ.

Читаемъ въ евангеліи отъ Луки святаго: ѣдетъ Христосъ Спаситель на оселку до Іерусалима, а то уже на страсть волную; зближается до брами Іерусалимской, ажъ тутъ противъ него поважная стрѣча: подвижеся весь градъ, шаты стелютъ подъ ноги, ваіа отъ древесъ, маленькіе дѣти ссущіи съ сосца выкрикаютъ: осанна сыну Давидову, благословенъ грядый (Мтѳ. XXI, 15)! Въ такъ поважномъ зпотканю и пилявцахъ, Христосъ Господь нашъ почнетъ разомъ плакати рено: мовитъ Лука святый, яко приближися, видѣвъ градъ, плакася (Лк. XIX, 14). Вопросилъ бы кто: чесо ты, Господь нашъ, въ такъ радостномъ тріумфѣ плачешь? отказалъ бы хто: недивно, видитъ, яко всевидецъ, же поколку дній тойже народъ, который ему спѣваетъ осанна, будетъ предъ Пилатомъ кричати: распни, распни (Лк. XXIII, 21). Видитъ предъ очима крестъ, видитъ столпъ, видитъ гвозди, копіе, гробъ, однымъ словомъ все свое страданіе видитъ, и прето прослезився плакаше. Я не ниму вѣры, пытаю Луки святаго: святый евангелисто, хоцесь ты и не былъ на той часъ при Господѣ, бось уже по вознесеніи его присталъ до апостоловъ, еднакъ же отъ самовидцовъ слова добре моглесь о томъ слышати, чого то Господь нашъ, въѣжжаючи до Іерусалима, плакалъ? Скажи намъ. Лука святый отсылаетъ до евангельской своей книги, а въ той пишетъ такъ: видѣвъ градъ плакася о немъ глаголя: аще бы еси разумѣлъ ты, яко пріидутъ дніе на тя, и обложатъ врази твои острогъ о тебѣ, и обыйдутъ тя, и обоймутъ тя отвсюду, и разбіютъ тя, и чада твоя въ тебѣ, и не оставятъ камене на камени въ тебѣ (Лк. XIX, 41—44).

Смотрѣмъ причины слезъ Христовыхъ: не плачетъ о себѣ, видячи крестъ свой, гробъ свой: плачетъ о бѣдѣ людской, видячи зближаючоеся разореніе Іерусалима.

Щожъ бысмо розумѣли о слезахъ Христовыхъ въ его младенчествѣ, въ пеленахъ, въ яслѣхъ чого плачетъ? Подобно при рождествѣ своемъ заразъ видитъ, яко всевидецъ, крестъ свой,

трость, гвоздіе, коніе, гробъ, и прето яко [хоць младенецъ але] совершенно розумный плачетъ. Але блаженный Августинъ мовитъ: множае болѣзнуетъ сердцемъ о нашихъ винахъ, неже о своихъ язвахъ: барзѣй долѣгаютъ ему наши бѣды, а бѣды адовы, въ которыя самоволно грѣхами нашими себе вкидаемъ, анѣжъ его яковыи страданіа.

Скоро взглянулъ очима въ міръ [якъ бы въ якую дымную избу], видитъ ано безчисленны въ мірѣ грѣхи людскіи, якъ бы яковое огненное взгромаженіе: дрова, сѣно, тростіе; а тое курится запалами грѣховными. Видитъ походячіе оттоль, яко дымъ, горести, бѣды, помсты Божіи, отъ праведнаго гнѣва Божіа находячіи; видитъ къ тому неблагодарство и затвердѣлость грѣшниковъ, же у нихъ вотще будетъ трудъ его, [въ трудѣхъ отъ юности Псал. LXXXVII, 16), вотще страданіе его, вотще вильяные крове его, все то запамяталый грѣшникъ ногами потопчетъ, и прето плачетъ: дымъ нашъ той ему очи выѣдаетъ.

Остро ему свѣтъ сей ставится, написано о грѣшнику: неимать прозябнути грѣшникъ яко тернъ изостренъ; а тожъ той тернъ, очи ему колетъ. Мовитъ о грѣшникахъ Давидъ: преогорчиша Бога (Псал. V, 11); попросту мовячи: горко доѣли Богу такъ, же и въ Сердцу ему и во очахъ отъ нихъ горко: же мы смѣемся, прето Христосъ плачетъ. Еднымъ словомъ: горесть бѣдъ нашихъ грѣховныхъ слезы Христу Спасителю зъ очей точитъ.

Заправдѣ воднистое то небо, дождь слезный выливаетъ, незадолго почнетъ и кровавою росою кропити при обрѣзаніи. Написано о небѣ: даждь дождь раненъ и позденъ (Іак. V, 7). Сіе наше небо, воплощенное Слово Отчее, даетъ теперь дождь раненъ, въ младенчествѣ своемъ кропячи слезами и [при обрѣзаніи] кровію; дастъ дождь и позденъ на крестѣ, гды свѣтъ померкнетъ, а онъ источитъ кровь и воду.

Але не десперуймо: якъ бовѣмъ кровь его, такъ и слезы его, не на тщету нашу, але на ползу и спасеніе наше изливаются.

Страшилъ колись Моисей: будетъ надъ главою твоею небо мѣдно, подъ ногами земля желѣзна (Второз. XXVIII, 23), якожъ и было тое чрезъ 5000 лѣтъ и болшъ. Былъ Богъ твердый,

яко мѣдь и желѣзо, якъ бы неужитый. Але гды тую твердость нынѣ змягчилъ, въ плоть младенческую обернулъ, и почалъ слезами дождити: ужежъ добрая надѣя, же земля наша дастъ плодъ свой (Псал. LXVI, 7). Мовитъ Богъ: яко же снійдетъ дождь или роса на землю, сице будетъ глаголъ Мой (Ис. LV, 10—11). Зъ мысленнаго нашего неба зъ очей плачущаго младенца Христа, нынѣ плынучій слезный дождь упоитъ изсохшую сердца нашего землю, отъ того то дождя напоится умиленіа мытарь въ церквѣ, грѣшница у ногъ его, Петръ внѣ двора Каіафина, и на крестѣ разбойникъ.

Слезы любве суть знакомъ: прослезися Іисусъ надъ Лазаремъ, и глаголаху жидове: виждь како любляше его (Іоан. XI, 36). Слезитъ Іисусъ въ пеленахъ: видите жъ и вѣдайте, како любитъ насъ,—возлюбль своя сущая въ мірѣ, до конца возлюби я (Іоан. XIII, 1).

Былъ той, що назвалъ слезы аггелскимъ напоемъ: слезы кающихся вино есть аггелское, ибо радость бываетъ аггеломъ о грѣшници кающомся. Христосъ Господь безгрѣшный, пришолъ на свѣтъ за наши грѣхи ратовати—вземляй грѣхи міра, плачетъ въ пеленахъ, аки грѣшникъ, але тые его слезы виномъ суть для аггеловъ. Видитъ, же на его родины завитали гости зъ неба, святыи аггелы, точитъ для нихъ вино — слезы своя: слезы вино аггелское. Подвеселили аггели святые виномъ тымъ непосполитымъ, радость аггеломъ, учинили себѣ пѣніа и лики, спѣваютъ: слава въ вышнихъ Богу.

Текутъ слезы зъ очей Христовыхъ, дождь то зъ неба сходитъ. Ба суть то криницы небесніи на охолоду нашу, на угашеніе огня нашего. Пришолъ Господь нашъ впровадити насъ въ рай, видитъ при дверехъ райскихъ пламенное оружіе, точитъ зъ очесъ яко зъ жроделъ слезную воду, абы тымъ угасилъ пламенный херувимскій мечъ: пламенное оружіе плещи даетъ, и азъ райскіа пищи насыщаюся, спѣваетъ церковь.

Але доситъ о дождѣ томъ мысленномъ слезномъ зъ мистичного неба, зъ младенческихъ Христовыхъ очесъ исходящомъ, о самомъ небѣ далѣй мову провадмо.

Небо въ латинскомъ языку называется „целюмъ“ отъ „целяндо“, отъ закрытія, отъ затаенія. Чого жъ бовѣмъ небо не закрываетъ, не утаиваетъ? Закрыло предъ очима нашима небо

Бога сѣдячого на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и серафимовъ окрестъ; закрыло предъ нами диспозицію тріехъ іерархій небесныхъ; утаило многіа обители святымъ зготованные; утаило Божіа богатества невиданные, неслыханные, ихъ же око не видѣ, и ухо не слыша (I Кринѳ. II, 9). Видится, бъ треба погнѣватися на небо, же такъ повазкные, хорошіе, пожаданные рѣчи предъ очима нашима потаило, покрыло; але немнѣй и подяковати небу треба, же и наши немощи покрываетъ, якъ покрышка. Чого то подъ небомъ на свѣтѣ не дѣется? чого люде не чинятъ? а небо усе то покрываетъ: тылько небо знаетъ да земля. Небо—отъ закрытія, отъ утаенія.

Таинство вижу, небо пещеру, альбо рачей небо въ пещерѣ. Пещерное духовное небо що тежъ въ себѣ закрываетъ и таитъ? Таитъ секрета, таинства: закрыло въ себѣ скарбъ неошацованный, отличенный на окупъ нашъ, кровь Христову въ младенческихъ его членахъ: не тлѣнимъ бо златомъ искупистеся (I Петр. I, 18—19), — глаголетъ Писаніе, — но честною кровію агнца непорочна; закрыло въ себѣ Бога зъ небесными чинми. То штука, то секретъ: малый вертепъ великіи въ себѣ змѣстилъ рѣчи невомѣстимыи, цѣлымъ свѣтомъ неогорненныи.

Можется тутъ о пещерѣ той мовити тое, що святый Макарій Египетскій дишкуруетъ о человѣческомъ сердцу; пишетъ бовѣмъ такъ: „сердце сосудъ малъ есть, но въ немъ пріаты бываютъ вся вещи: тамо Богъ, тамо аггелы, тамо животъ и царство, тамо небесныи грады, тамо сокровища благодати“. Подобнѣ можемъ мовити о Виѳлеемской пещерѣ: пещера мала есть, но въ ней вмѣщаются великіа вещи: тамо Богъ въ лици Христовомъ, тамо животъ и царство, и сокровища благодати. Вколо аггели, ба и святый Іосифъ чистъ душею, яко аггелъ; въ лицы Пречистой Дѣвы небесныи грады: преславная глаголашася о тебѣ, граде Божій! Такъ то великіи рѣчи небо пещерное въ себѣ змѣстило, закрыло, утаило, а утаило такъ, же ни знати, ажъ хиба треба альбо звѣзды зъ неба, яко царемъ восточнымъ, альбо аггела доброго, показуючого по знакахъ, якъ постушкомъ, — обрящете младенца, се вамъ знаменіе (Лк. II, 12). То уже що до пещернаго неба; нужъ що до другого вышшого, до Пречистой Дѣвы.

Другое небо Пречистая Дѣва, утаило въ себѣ секретъ неосполитый: тайну тую, о которой апостолъ: тайну сокровенную отъ вѣковъ и отъ родовъ, яже нынѣ явися (Колос. I, 26); и знову: веліа есть благочестіа тайна: Богъ явися во плоти (I Тим. III, 16). А утаило предціекавымъ довцѣпомъ людскимъ то: яковымъ способомъ родила Бога, и сама дѣвою зостала. Радуйся, свѣтъ неизреченно родившая, радуйся, еже како, ни единаго же научившая! Еще тежъ утаило тую тайну и предъ діаволомъ, яко мовитъ Дамаскинъ святый: „да и дѣвство пресвятыя Богородицы и воплощеніе Бога Слова утаится предъ тмы княземъ“.

Що до третіаго неба [мовлю] до младенчества Христова, и тое утаило въ себѣ, и, якъ покрышка, покрыло грѣхи, зброднѣ безчисленныи всего міра. А то яко агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, позбиралъ всѣ грѣхи людскіе до купы, абы за нихъ былъ офѣрою, Бога Отца благаючою. Тутъ преступленіе Адамово, тутъ отцеругательство Хамово, тутъ шкареда Содомитовъ, спросность Гоморитовъ, балвохвалства, вшетеченства, и иныи неслыханые зброднѣ и беззаконіа Израелитовъ, и всего свѣта грѣховныи тяжести въ едно бремя зобрано, звязанно, и звязанному пеленами Агнцу наложено: вземляй грѣхи міра! А того очима тѣлесными ни видати, ни дозрѣти, бо тайна: таинство вижу, хиба шегулнымъ окомъ вѣры по апостолу: вѣра есть обличеніе вещей невидимыхъ (Евр. XI, 1).

Аминь.

Брань

Святаго Архистратига Михаила, воеводы силъ небесныхъ, и аггеловъ его съ седмоглавнымъ зміемъ.

При дорочномъ собора аггельскаго празднованіи въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, въ церквѣ Михайловской Златоверхой, проповѣдію слова оголошенная въ лѣто 1697 Ноемврія 8 день, въ прилучившуюся тогда недѣлю 23 по сошествіи Святаго Духа.

Ополчится Ангелъ Господень окрестъ боящихся Господа.
Псаломъ XXXIII, ст. 18.
Пришедшу Іисусови въ страну Гадаринскую.
Луки VIII, ст. 26.
Михаилъ и ангелы его брань сотвориша съ зміемъ.
Апокалипсисъ, гл. XII, ст. 7.

Давная небесныхъ духовъ на небѣ бывшая зъ Люциперомъ война обновилася на земли въ сторонѣ Гадаринской, слухачу презацній.

Брань на небеси съ зміемъ, брань на земли съ легеономъ бѣсовскимъ, о которомъ въ нынѣшнемъ недѣльномъ пишется Евангеліи: вопроси его Іисусъ, что ти есть имя? онъ же рече: легеонъ, яко бѣсы мнози внидоша въ онь (Лк. VIII, 30). Сверженній бовѣмъ змій древній, великій, на-

рицаемый діаволъ и сатана, зебравши легеонъ свой бѣсовски, впалъ поразбойницку до стороны Гадаринской, гдѣ опутавши одного мизернаго человѣка, бракуетъ, бѣгаючи по горахъ, по *пустыняхъ, по гробовискахъ, на* гостинцахъ засѣдаетъ, лютъ зѣло, яко не мощи никомуже минути путемъ тѣмъ. О, треба того збойцу, збродню и оттоль [якожъ негдысь зъ неба] вигнати, а вигнати ангельскою, узброенною рукою; треба на него знову Михаила зъ мечемъ и ангеловъ его, яко и предъ тымъ Михаилъ и ангелы его брань сотвориша съ зміемъ. И кгды въ нынѣшній годъ церковь Святая недѣлю по сошествіи Святаго Духа двадесять третію, о легеонѣ бѣсовстѣмъ евангеліе мѣючую, зъ соборомъ святого Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силъ безплотныхъ вкупу въ единъ день злучаетъ, власне того собора ангельского съ легеономъ бѣсовскимъ до бою, до брани зводитъ, гдѣ ангеловъ творецъ Іисусъ Христосъ Господь нашъ передводя до стороны Гадаринской входитъ, а при немъ воевода силъ небесныхъ со всѣми полками ангельскими тужъ поступаетъ, вооруженный на древняго непріятеля. А такъ: пришедшу Іисусови въ страну Гадаринскую, Михаилъ и ангелы его брань сотвориша съ зміемъ.

Ба и нынѣ въ мірѣ семъ, якъ въ сторонѣ Гадаринской, при обѣцности Іисусовой [обѣщалъ бовѣмъ Господь нашъ съ нами быти до скончанія вѣка] Михаилъ и ангелы его, хранители рода человѣческаго, брань за насъ творятъ съ зміемъ, съ небесъ сверженнымъ, и человѣковъ вреждающимъ.

Мы впосродку якъ на цѣлю положенные той ангельскаго собора съ легеономъ бѣсовскимъ бранѣ, умными нашими приглядѣмся очима, и узримъ, якъ суть потужныи зъ обоихъ сторонъ войска и хто ихъ предводители, якъ ся узброили до бою, и кто кого одолѣваетъ! Будетъ то на честь Богу!

Пришедшу Іисусови.... Михаилъ и Аггелы.....

Двоякій соборъ дня нынѣшняго церковь святая умнимъ нашимъ представляетъ очамъ, слухачу презацный! соборъ ангельскій и соборъ бѣсовскій; соборъ ангельскій въ дорочномъ нынѣшнемъ празденствѣ, соборъ бѣсовскій—въ евангельской исторіи; соборъ ангельскій въ семъ пречестномъ, преславномъ, ангельскомъ, златоверхомъ храмѣ, соборъ бѣсовскій въ сторонѣ Гадаринской. Обыдва тыи соборы, себѣ противныи, въ единъ день

ся собрали, не на що иное, тылько на войну, на брань. Михаилъ то и ангелы его хотятъ брань сотворити съ зміемъ. Щожъ за оказія войны тоей? Не иная, — тылько мы христіане; о насъ идетъ сторонамъ обоимъ: легеонъ, соборъ бѣсовскій поразити насъ хочетъ. Остерегаетъ апостолъ: се супостатъ діаволъ, яко левъ рыкая ходитъ, искій поглотити (I Петр. V, 8). А соборъ ангельскій оборонити насъ тщится, по приказу Творца нашего; ангеломъ бовѣмъ своимъ заповѣдалъ о насъ сохранити насъ (Псал. XC, 11). Починаючи теды приглядоватися [при Христу Іисусу] Михайловой и ангеловъ его съ легеономъ бѣсовскимъ бранѣ, напродъ на войско непріательское, на легеонъ бѣсовскій глянмо; слушно бовѣмъ перѣй сопротивныхъ полки звѣдати, вышпѣровати и силы ихъ зрозумѣти, такъ на нихъ ударити.

Стало войско непріателское отъ стороны поганской, отъ области западнѣй [гдыжъ Гадара западнему царству голдовала, а населники ей были погане]; обозъ войска того зовется легеонъ, то есть множество бѣсовъ, яко бѣсы мнози внидоша въ онь (Лк. VIII, 30). Въ легеонѣ якъ многая ратниковъ личба, неединаково исчитается: нашъ лексиконъ въ легеонѣ личитъ пять тысящъ, иныи шесть тысящъ, а иныи дванадесять тысящъ повѣдаютъ; а то певнѣй, же безъ числа,—правѣ вся сила бѣсовская. Колько жъ ихъ есть, то злѣ: и одинъ много лиха здѣлаетъ, зане сила его крѣпка; нужъ такъ многое ихъ множество, же и личбы имъ певной нѣтъ. Мы еднакъ легеона того можемъ видѣти раздѣленнаго на седмь частій, на седмь полковъ, а то доходячи зъ тогожъ мѣсца у Луки святого, гдѣ нынѣшнюю евангельскую описуетъ исторію; пишучи бовѣмъ Лука святый о бѣсномъ и о легеонѣ бѣсовстѣмъ въ главѣ осмой, въ тойже главѣ на початку взмѣнкуетъ о Маріи Магдалинѣ, изъ нея же изгна седмь бѣсовъ (Лк. VIII, 2). А бѣсовъ тыхъ седми святый Θеоѳилактъ и святый Григорій Бесѣдовникъ разумѣютъ быти началнѣйшихъ княжатъ бѣсовскихъ, принципаловъ и справовъ седьми грѣховъ смертельныхъ. По вигнаню тѣхъ, вполъ главы нынѣшнюю евангелистъ той о бѣсномъ и бѣсахъ исторію провадитъ; и есть нѣкоторыхъ домыслъ, же то тыи жъ седмь, недавно зъ Магдалины выгнанныи, прослынулися въ иномъ краю, въ сторонѣ Гадаринской, але уже въ множайшемъ своемъ зебраню, кождый княжа съ своею гвардіею, зъ своимъ

полкомъ, опутали нѣкоегосъ мужа, мстячися за свое изъ жены выгнанье. Гды ихъ изъ жены выгнано, теды оны, яко льстивыи духи, забѣгши въ далекую страну, на мущизну напали, и гды семь ихъ началнѣйшихъ зъ полками своими въ единомъ бѣдномъ ся человѣку зебрали, ажъ ихъ стало легеонъ,—войско великое, яко бѣсы мнози внидоша въ онь. Легеонъ теды непріятельскій есть седмополчищный, седма грѣхами смертными на насъ воюючій, то сила непріательская.

Глянмо же еще на войско наше, на полки святыхъ ангеловъ, о насъ ся заставляючихъ, а глянмо очима отрочища Елиссеова: отверзе Господь очи отрочищу, и видѣ, и се гора исполнь конеи, и колесница огненна окрестъ. Що же то? Ангелъ то Господь ополчилося окрестъ боящихся Господа (Псал. XXXIII, 8).

Стало воинство небесное отъ востока, отъ области царя славы, Михаилъ и ангелы его: Михаилъ—то воевода силъ небесныхъ, ангелы его—то разъ суть вси девять лики ангельскія, въ три іерархіи расположенныя; повторе, ангелы его суть певныи особы ангельскіи, зъ святымъ Михаиломъ въ той же славѣ престолу Божію предстоящіи, яко друзи и товариство, гды же и небесный воевода, отъ Царя славы поставленный, не безъ своихъ есть товарищовъ. А вѣдаете жъ, святому архистратигу, воеводѣ силъ небесныхъ, хто въ товарищахъ? Хто не знаешь, слухай: при святомъ архистратигу Михаилу (воеводѣ силъ небесныхъ) шесть суть наивышшіи небесныи ангельскаго естества духове, архистратизѣ Михаилу подобочестныи и подобославныи, отъ всѣхъ чиновъ небесныхъ наближей Богови предстоячіи въ неприступной того славѣ, въ которыхъ шести святый Михаилъ есть седмій, альбо рачей, въ седмеричной той личбѣ, онъ есть первый отъ тыхъ навышшихъ седми ангелехъ. Извѣстіе есть во Откровеніи святаго Іоанна Богослова, во главѣ первой, гдѣ пишется такъ: благодать вамъ и миръ отъ сущаго и иже бѣ и грядущаго и отъ седми духовъ, иже предъ престоломъ его суть (ст. 4). И знову: видѣхъ седмь ангеловъ, иже предъ Богомъ стояху. И въ книзѣ Товіиной мовитъ единъ зъ тыхъ: азъ есмь Рафаилъ ангелъ, единъ отъ седми предстоящихъ предъ Господѣмъ (Товит. XII, 15). А ты седмь по имени и ряду и чину своемъ счисляются такъ: 1 Михаилъ, 2 Гавріилъ, 3 Ра-

фаилъ, 4 Уріилъ, 5 Салаѳіилъ, 6 Егудіилъ, 7 Варахіилъ. А кождый зъ нихъ особное свое у Господа Бога знаменитое служеніе мѣетъ, которыи ихъ служенія вкоротцѣ изъявляются такъ.

Михаилъ служитель есть Божественныя славы, сторожъ, защитникъ и оборонца Божой славы.

Гаврііилъ—служитель божественныя крѣпости и изъявитель сокровенныхъ Божіихъ таинствъ.

Рафаилъ—служитель божественныхъ цѣльбъ, чудеснѣ свышше на немощное естество изливаемыхъ.

Уріилъ—служитель божественныхъ любленій, свѣтъ и огонь, освѣщающъ познаніемъ Бога, и возжигающъ сердца человѣческая любовію божественною.

Салаѳіилъ—служитель есть божественныхъ мольбъ, выну къ Богу о родѣ человѣчестѣмъ моляйся и человѣковъ усердне, богомыслыиѣ и умиленіѣ молитися поучаяй и на то возбуждаяй.

Егудіилъ служитель есть божественныхъ хваленій и исповѣданій, помощникъ въ подвизѣхъ и трудѣхъ, укрѣпляяй тѣхъ, иже труждаются въ чесомъ либо славы ради имени Господня и мзду имъ за то ходатайствуяй и уготовляяй.

Варахіилъ—служитель есть Божіихъ благословеній и дарованій, человѣкомъ благоутробія Божія распосилаемыхъ.

Таковы суть тѣхъ седми превысочайшихъ ангеловъ и архистратиговъ изящнѣйшіи служенія.

Тыи седмь наближшіи маестату Божіему архистратизи всѣми небесными чинами и іерархами по Божію повелѣнію управляютъ.

Небоймосяжъ седмополчищнаго бѣсовскаго легеона и ихъ седми князей злобныхъ, мѣючи намъ въ защищеніе седми архистратиговъ съ всѣми небесными силами. Большая сила съ нами, неже съ супостатами нашими.

Таковы обонхъ сторонъ войска силы умнимъ пребѣгши и зревидовавши окомъ, смотрѣмъ, гдѣ пляцъ битвы, брани, гдѣ тыи войска съ собою ся ударятъ. Святый евангелистъ Лука певное войнѣ той поле и урочище назначаетъ, урочище Гадара названное, гдѣ та сила бѣсовская легеонъ закупившися, Іисусови тамъ приходячему дорогу заходитъ: пришедшу (мовитъ) Іисусови въ страну Гадаринскую, срѣте его мужъ, имѣя бѣси мнози (Лк. VIII, 26—27)—цѣлый легеонъ. Але мы Гадару въ

мистичномъ выкладанью разумѣймо быти міръ сей окаянный, весь въ злѣ лежачій, котораго мы населники. Гадара, яко ся вышше наменило, была сторона поганская, идолопоклонническая. О, якъ же въ мірѣ семъ, въ насъ,—мовлю,—того поганства, идолопоклонничества много! Що грѣхъ, то Богъ; що страсть грѣховная, то идолъ; що налогъ до грѣха, то идолопоклоненіе: и чрево Богъ, мовитъ апостолъ, и сребролюбіе—болванъ, и лихоиманіе—идолослуженіе (Филип. III, 19). Въ Гадаринской странѣ бѣ стадо свиней пасомое многое, Богъ же вѣдаетъ и въ насъ, чи много овецъ есть Христовыхъ? чи не больше въ насъ тыхъ, що омывшися лѣземъ знову въ калъ тинный? Гадаринстіи люди были не люди, нелюдскіи, пожаданнаго гостя Христа Спасителя не хотѣли у себе и одинъ день альбо одну годину угостити, упокоити: моли его весь народъ страны Гадаринскія отъити отъ нихъ. (Лк. VIII, 37). А и у насъ чи переначуетъ коли, альбо чи переднюетъ Христосъ Спаситель въ душѣ нашой, въ сердцу нашомъ, въ мыслехъ нашихъ? а хоць часомъ и пустимъ его къ себѣ на часъ, любъ причастившися его божественныхъ таинъ, коли на умиленную ся здобывши молитву, то чи надолго жъ того? Смотри, ажъ мы его знову отъ себе премъ злыми нашими грѣховными налогами. Гадаринская страна была сопредѣленна Галилеи, а правѣ оной сожительствуючая; Галилея вкладается ползкость, нестатечность, оборотъ и тачанъ ея колесу подобное. А гдѣжъ горшъ и большъ, якъ въ свѣтѣ семъ полно ползкости, нестатечности, переворотовъ, такъ далеце, же чи можетъ кто остоятися и одержатися на своемъ мѣсцу? Недармо остерегаютъ: мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ (I Кре. X, 12). А тожъ сяя то Гадара, міръ сей окаянный есть пляцомъ военнымъ, гдѣ непрестанная брань а рѣдкое звѣтяжьство, гдѣ уставичне воюютъ духъ на плоть, плоть на духъ, гдѣ такъ зостаемъ, якъ на военномъ полю: брань есть житіе наше,—Іовъ святый мовитъ.

Тутъ же смотрѣмъ духовной той войны, которая не къ плоти и крови, но къ началомъ и властемъ и міродержителемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ (Ефес. VI, 12), а смотрѣмъ съ перспективы святаго Іоанна Богослова,—мовлю,—зъ Апокалипсисъ. О святый Іоанне Богослове! учижъ же намъ быстраго твоего взроку, быле-мо могли все видѣти

достатечне, а самъ указуй намъ перстомъ твоимъ каждую утарчку!

Влѣпивши умныи наши очи пилно въ дѣйство войны духовной, чудъ единый видимъ, а то бовѣмъ перспектива Іоаннова показуетъ: зъ едной стороны седмоголовый дивъ зъ морскихъ нутровъ выходячій: стахъ,—мовитъ,—на песцѣ морстѣмъ, и видѣхъ звѣря исходящаго изъ моря, имущаго главъ седмь. (Апок. XIII, 1). Зъ другой стороны показуетъ седморожнаго агнца: видѣхъ агнецъ стоящь, яко заколенъ, имущь роговъ седмь (Апок. V, 6). Сходятся тыи на пляцу Гадаринскомъ военномъ, певне зъ собою зточать, брань сотворятъ. Такъ и аггелъ, Богослову пальцемъ на некелную оную указуючи гидру, на зміевы седмь главы, мовитъ: сіи со агнцемъ брань сотворятъ. А есть же яковая надѣя, бы кроткій агнецъ могль що зъ страшнымъ тымъ вскурати звѣромъ? Есть,—упевняетъ аггелъ,—агнецъ побѣдитъ я. (Апок. XVII, 14).

Що то зась былъ седмоглавный той звѣрь? Хто жъ не догадается, ба и толковники Божественнаго Писанія ясно учатъ, же то есть Люцыперъ, мѣючій семь головъ, то есть семь своихъ начальнѣйшихъ аггеловъ, по числу седми смертныхъ грѣховъ, наистаршихъ слугъ, князей, принципаловъ и справцовъ тыхъ седми грѣховъ смертныхъ!

Щожъ зась еще седморожный агнецъ? Не треба много о немъ испытовати, по самой его знать язвѣ: агнецъ заколенъ то певне есть Господь нашъ, сладчайшій нашъ Іисусъ,—агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра, заколенный въ жертву на ублагане Бога Отца за грѣхи наши,—агнецъ, источивый намъ отъ язвы своей кровь и воду, воду—на омытіе грѣховъ нашихъ, кровь—на искупленіе и освященіе наше,—агнецъ, его же язвою мы вси изцѣлѣхомъ.

Ещежъ треба увѣдомитися, що то суть седмь его агнчи роги,—имущь роговъ седмь? але и въ томъ нѣтъ трудности; толкуе то самъ же Богословъ, мовячи: агнецъ яко заколенъ, имущь роговъ седмь, иже суть седмь духове, посланыи во всю землю (Апок. V, 6); то есть (ведлугъ толковникъ Божественнаго Писанія) седмь аггелы началнѣйшіи, вышше по именахъ ихъ изочтенныи, князи и вожды вой небесныхъ, силнѣйшіи, потужнѣйшіи одолѣтели и прогонители князя тмы седмо-

главнаго и всего его бѣсовскаго седмочастнаго легеона; то суть седмь роги агнчи крѣпкіи, по числу седми даровъ духа Святаго, противу седми главъ зміевыхъ, дарамъ Духа Святаго противних, на брань поставленныи. Але чему суть нареченныи рогами? для того, же яко агнца Божія мысленнаго тыи седмь аггелы, якъ на челѣ, на самомъ початку, и суть рогъ и верхъ всѣхъ силъ небесныхъ. О, певне агнецъ заколенный тими рогами изободетъ враги своя: агнецъ побѣдитъ я!

Якожъ тыи агнцевы семь роги Христовы, седмь началнѣйшіи архистратизи на брань вооружилися? Любъ звычайно святаго архистратига Михаила малюютъ зъ мечемъ, яко его Іисусъ Навинъ видѣлъ, и Давидъ святый о немъ, яко и о прочіихъ, мовитъ—мечи обоюду острыи въ рукахъ ихъ (Псал. CXLIX, 6); особное еднакъ ихъ вооруженье, кождому зъ нихъ прислушающое, изобразила зографская стародавныхъ христіанъ рука, не тылько живописними на иконѣ шарами, але и краснѣйшою различныхъ коліоровъ мусіею по стѣнахъ церковныхъ ангельскаго храма въ столичномъ сицилійскомъ городѣ Панорміи, знакъ взявши съ куншговъ ѳермъ, альбо бань Діоклитіановыхъ, въ церковь христіанскую претворенныхъ, о чемъ повѣствуется такъ.

Діоклитіанъ, нечестивый римскій царь, великій крови христіанской розливца, едного часу для своихъ делиціи будовалъ каменнымъ зданіемъ ѳермы альбо теплицы и банѣ, мастерствомъ коштовнимъ, подъ той часъ гдѣ могълъ, и якъ много могълъ поймати христіанъ, всѣхъ подъ моцною сторожею а срогими и немилосердними приставами вказовалъ до тоей работы, мучачи щоденне тяжкими працами, и працовало тамъ христіанство многими тысячами, каменье двигаючи, цеглу, вапно намуръ носячи, и всѣ приналежалыи тамъ дѣла до поту кроваваго робячи. Стало теды то же працою христіанскою, а працою къвравою; бо многихъ тамъ и постинано, помучено за Христа Бога цашего. Совершилася піекная структура яко палацъ, що звано Ѳермы, то есть теплицы, альбо баня царя Діоклитіана, гдѣ той поганинъ своихъ ужпвалъ вчасовъ и роскошей.

Потымъ, гды поганство съ шумомъ погибло, а святая христіанская вѣра взяла верхъ, по лѣтехъ многихъ поглядаючи христіане на піекность той давней Діокліановы банѣ, а помнячи

то, же христіанская рука, працуючи кървавѣ, тую будовала структуру, побудившися горливостію, баню тую очистили и на церковь освятили и нарекли храмъ во имя седми святыхъ наивышшихъ архангеловъ, альбо архистратиговъ небесныхъ, Михаила, Гавріила, Рафаила, Уріила, Салаѳіила, Егудіила, Варахіила, и персоны тыхъ по стѣнахъ церковныхъ, ово мулярскою, ово мозаичною штукою изобразили, чому подражаючи и Панормія,—сицилійскій градъ,—убудовавши церковь въ себѣ значную во имя тыхъ же наивышшихъ седми аггеловъ, таковымъ же подобіемъ и персоны ихъ выобразилъ. Было теды тамъ выображеніе таковое.

Святый Михаилъ изображенъ былъ допчущъ ногами Люцыпера, левицею держащѣ зеленую палму, а десницею копіе, наверхъ котораго хоругвь бѣлая, около копіи обвиваючаяся, червонимъ крестомъ претыкана.

Святый Гавріилъ изображенъ держащъ десницею фонарь, альбо лѣхтарню зъ вожженою внутрь свѣщею, а въ шуйцы держащъ звѣрцадло зъ зеленаго ясписа каменя, зъ червленостію мѣйсцами змѣшанного.

Святый Рафаилъ изображенъ шуйцою поднесенною держащъ алавастръ, альбо слоикъ лекарскій, десницею же водящъ Товію отрока, носящаго рыбу, въ Тигрѣ рѣцѣ ятую.

Святый Уріилъ изображенъ держащъ десницею мечъ обнаженъ, обращенный противу персій, въ шуйци же низпущенной—пламень огненный.

Святый Селаѳіиль изображенъ лице и очи долу низпущенные имѣяй, руцѣ къ персемъ согбенныи, по подобію молящагося къ Богу умиленнѣ.

Святый Егудіилъ изображенъ въ десницѣ носящъ вѣнецъ златъ, въ шуйци же бичъ зъ тріехъ вервовъ черныхъ зъ трема концами.

Святый Варахіиль изображенъ носящъ въ нѣдрехъ въ одеждѣ своей цвѣты рожъ бѣлыхъ.

Все то суть знаки великихъ ихъ у Господа Саваоѳа служеній и особныхъ вооруженій и силъ на седмополчищнаго легеона, седмоглавнымъ звѣремъ начальствуемаго.

Седмоглавный тежъ звѣрь альбо змій, седмополчищнымъ легеономъ оточаючійся, противу седморожнаго агнца Христа

Господа нашего, седма изящнѣйшими аггелами обстоимаго, вооружился сопротивно, зебралъ свои вси оружія душевредныи, смертоноснымъ ядомъ напоенніи, въ которыхъ набольши и напотужнѣйшіи судь седмь, то есть седмь грѣхи смертныи,— гордость, нечистота, обжирство, лакомство, гнѣвъ, зависть, лѣнивство; тыми бовѣмъ наибарзѣй всю вселенную воюетъ. Оружія то смертныи; бо хощь однимъ зъ тыхъ которымъ язвенъ кто будетъ, а не удастся до лекарства покуты святой, то певнѣ на вѣки умерти душею муситъ. Тыи смертныи оружія супостатъ зобравши, скрылъ въ единомъ нѣкоемъ отъ него опанованномъ домку, въ мизерномъ гадаринскомъ обывателя, а скрилъ зрадецкимъ поступкомъ, якобы засѣдаючи, бы его тыхъ штукъ нихто а не дойзрѣлъ. Лечь тыя его стратегмата по певныхъ знакахъ дойдены и якобы пальцемъ вткнены отъ святыхъ евангелистовъ Луки, Марка и Матѳея, нынѣшняго бѣснаго и легеона бѣсовскаго описуючихъ.

а. Въ горахъ бѣ вопія: то знакъ перваго грѣха смертнаго— гордости,—горою высокоумія ходити, надъ всѣхъ пястися, много о себѣ разумѣти, а еще вопити, хвалитися, тщеславитися,—то грѣхъ смертный. О враже! а твоя рѣчь въ безднѣ, въ пропасти жити, а не на гору дертися! А зась не вѣдаешь писаннаго: все высокое мерзостно есть у Бога?

в. Живяше во гробѣхъ: то знакъ втораго грѣха смертнаго— нечистоты; тая бовѣмъ, стративши ласку Божію, яко душу человѣка оживляючую, подобна есть трупу мертвому, въ гробѣ смердящему: возсмердѣша и согниша душевныя раны (Псал. XXXVII, 6), вшетечника раны.

г. Въ рызу не облачашеся: то знакъ третьяго грѣха смертнаго — обжирства, жарлоцтва, піянства, которое и праведныхъ Ноевъ обнажати умѣетъ; щожъ бовѣмъ такъ на свѣтѣ человѣка до наготы, до убозства, до недзи приводитъ, яко обжорство, пьянство? Не дармо написано: любяй вино и масло не обогатѣетъ, нагъ будетъ.

д. Никтоже можаше минути путемъ тѣмъ: то знакъ четвертаго грѣха смертнаго—лакомства; бо, на гостинцахъ засѣдаючи, разбивалъ, шарпалъ. А которы жъ на свѣтѣ разбойникъ и шарпалъ есть больши и горши надъ лакомство? Тое альбовѣмъ зъ того тылько и живетъ, що кривды ближнимъ чинити, разби-

вати, красти, шарпати, одеймовати, выдирати, бы несытое свое насытити лакомство. Але трудно насытитися можетъ; писано бовѣмъ есть: адъ и погибель ненасыщается; сице и человѣчи очи несыты суть.

ѕ. Растерзая узы желѣзныя: то знакъ пятаго грѣха смертнаго—гнѣва, ярости, лютости, которая чого жъ не порветъ, не поломаетъ, не покрушитъ? и желѣзо ей, якъ солома, и ланцухи, якъ паутина.

ѕ. Толча каменіемъ: то знакъ грѣха шестаго смертнаго—зависти; тая альбовѣмъ, яко каменіемъ, злыми словами на ближняго кидаетъ издалека, бы и за сто миль и въ чужомъ краю досягаетъ, опачне предъ людми удаючи, осуждаючи, добрую славу уймуючи, праве каменуетъ.

ѕ. Въ храмѣхъ не живяше: то знакъ седмаго грѣха смертнаго,—лѣнивства, а лѣнивства до хвалы Божой; тое альбовѣмъ не радо до храмовъ Божіихъ вчащати, а хоць коли якъ роковый и побываетъ, то тескнитъ набоженствомъ, и радъ бы якъ найскорѣй почути: „со миромъ изыдемъ“!

Таковый седмоглавный змій, зъ седмополчищнымъ своимъ легеономъ седмочастныхъ грѣховъ смертныхъ, отъ евангелистовъ помяненными знаками выявленный, оружія въ едномъ опутаномъ человѣку зебравши, и яко бы утаивши, заходитъ дорогу седморожному агнцу—срѣте его. Срѣте—то уже то военная потичка, зышлися войска, зточилася брань; каждо до своей порвался бронѣ, до своего оружія. Брань бысть: Михаилъ и аггелы его брань сотвориша съ зміемъ.

Сунется наистрашная зміева голова гордостная: взыйду на небо, буду подобенъ Вышнему. Святый архистратигъ Михаилъ, чести и славы Божой оборонца, ткнетъ по зміевой той главѣ отмстителнимъ мечемъ, обоюду острымъ, который зъ едной стороны наощренъ познаніемъ Бога Творца своего, зъ другой стороны наощренъ познаніемъ себе, же суть створеніе создателево. Тымъ мечемъ обоюднимъ ткнетъ зміа крикнувши: „Господь сотвори насъ, а не мы!“, а оразъ и тріумфалную подноситъ хоругвь свою, хоругвъ бѣлую, напротивъ очерненнаго огнемъ кары Божой угля и головнѣ пекелной Люцыпера, бѣлую хоругвь на знакъ того, же естество аггельское, отъ Бога не отпадшее, есть,—по писанному,—убѣленіе жизни вѣчныя; хоругвь, чер-

вленнмъ крестомъ оздобленную, на знакъ того, же ангельска паденія руины небесныи наполнятся людми святыми, крестомъ и кровію Сына Божія искупленными. Подноситъ и знаменіе побѣды палму, всегда зеленѣючую, негды неувядаючую, а то на знакъ вѣчнаго своего Господу Богу постоянства и неотпаденья. Лети жъ, гордостная главо зміева, ажъ до пропастей пекелнихъ! Которая вспиналася до неба, до ада низвержеся; а трупъ, по горахъ пявшися, палъ архистратигу подъ ноги. Допни жъ, воеводо небесный, того аспида и василиска, попирай льва и зміа. (Псал. XC, 13).

Порвется затымъ другая голова зміева, голова нечистоты, вшетеченства, пащекою своею весь міръ озѣнути хотячая; бо вся, яже въ мірѣ, похоть плотская; голова помраченная, умъ человѣчій потемняючая груботмистымъ глупой ночи колоромъ, альбо шкаредными, въ тмѣ ночной дѣючимися, тѣлесностьми ошкароженная, для чего и нощницею альбо совою страсть тая въ святой Лѣствицы есть названа.

Стаетъ противъ той нечистой головы святый Гавріилъ, чистый Пречистой Дѣвы пречистаго зачатія Еммануилева благовѣстнихъ, а стаетъ зъ свѣтлою (яко въ ночи) лихтарнею, тму вшетеченства отгоняющею, а якобы на грѣху застаючи, обличаючи, громячи, завстизаючи, и казнь наносячи, оразъ и съ презорчистымъ стаетъ звѣрцадломъ, абы тое шкаредное головиско, якъ зразливый базѣлешекъ свою въ зѣрцадлѣ шпѣтность увидѣвши, само отъ своего взроку здохло. Лежишь трупомъ, зразливая бестіо! а твоего смроду отворочаются вси цѣломудренныи, душу свою въ тѣлѣ, якъ свѣчку въ лихтарнѣ, тьмою нечистоты непомраченную, заховати усилуючи, а въ сумнене свое чистое, якъ въ зерцадло, що разъ вглядаючи, и поправуючи то, що бы мѣло яковаго потребовати исправеня.

Повстаетъ потымъ до бою голова третья зміева, голова обжирства, піянства, жарлоцтва. А тая цѣлыи городы и мѣста пожерти, толкнути усилуетъ, що дается знать зъ оваго во отечнику прикладу: пустынникъ единъ въ сторонахъ Египетскихъ, приспособивши своего щось рукодѣлія, понеслъ то продати до столечнаго въ Египтѣ града Александріи; идетъ дорогою, приближается къ граду, а видячи уже и самый той городъ Александрію, молится къ Богу, абы ему далъ безсоблазненное

тамъ пребываніе и возвращеніе. А въ тымъ, по Божію откровенію, стало ему видѣніе таковое: видитъ зміа великаго и страшнаго, такъ великаго, же весь городъ Александрійскій тѣломъ своимъ окружилъ, и якъ стѣною огородилъ въ около, а голову свою внутрь града впроводивши и страшную отворивши пащеку, всѣхъ вобецъ людій, старыхъ и молодыхъ, свѣцкихъ и духовныхъ пожираетъ. Станетъ пустелникъ той ужасенъ, присмотруется тому диву зъ страхомъ, боячися, бы и самъ не попалъ въ тую пащеку; алитъ слышитъ голосъ къ себѣ свышше таковый: „се змій, егоже видиши, есть змій сластолюбія, аще хощеши его избыти, не входи въ градъ!“ А то (прави) пащека роскошнаго сластнаго обжирства, которая поглощаетъ всѣхъ, сласть мнящихъ быти (по словеси апостольскому) вседневное насыщеніе, ба и вседневно, а часомъ и всенощное піянство, и що потомъ въ сладострастномъ уростаетъ сердцу.

Противъ той несытой головы зміевы третій аггелъ Рафаилъ, служитель божественныхъ цѣльбъ, заставляется зъ лекарствомъ; бо поневажъ зъ обжирства, піянства найбольшъ хоробъ, не тылько тѣлесныхъ, але и душевныхъ ся родитъ, для чого и остерегаютъ: блюдѣтеся, да не когда отягчаютъ сердца ваша объяденіемъ, и піянствомъ, и печальми житейскими (Лк. XXI, 34). Тутъ теды и лекаря добраго зъ лекарствомъ скутечнимъ треба, а тожъ таковый лекарь—Рафаилъ святый, котораго лекарство скутечною есть зміеви трутизною, а человѣкомъ скутечною цѣльбою. Кладетъ той лекарь сердце на жаристое угліе, ажъ діаволъ бѣжитъ ни-обзиръ, яко въ Товіиной пишется книзѣ: дымъ той прогонитъ всякъ родъ демонскъ или отъ мужа или отъ жены. А святый Рафаилъ не тылько гонитъ, але и догоняетъ, и якъ плененнаго раба вяжетъ: восхити Рафаилъ демона, и увяза его въ пустинѣ выше Египта. А тымъ поступкомъ кождого учитъ: клади сердце твое на жаристое угліе любве Божія, а вилготность тѣла твоего страстную высушь, выпаль воздержаніемъ, постомъ! умертви уды твоя, сущія на земли, будь дымъ благоуханія [чистымъ житіемъ] Богови! певне остроишь, звитяжишь, проженешь діавола и звязати его можешь, бы тебѣ большъ не шкодилъ.

Поткнется четвертая голова зміева, голова сребролюбія, любоимѣнія, многостяжанія. Четвертый аггелъ святый Уріилъ, слу-

житель божественныя любве, на тую голову добываетъ меча а оразъ и огня, мечемъ абы поразилъ и убилъ, огнемъ абы спалилъ въ порохъ. И мечъ и огнь то суть любве божественныя знаки. Кто мѣетъ сердце свое любовію Божіею уязвленное, яко мечемъ, кто мѣетъ сердце свое желаніемъ Бога распаленное, яко огнемъ, той зъ апостоломъ отзивается: вся сія, и сребро, и злато, и имѣніа, и вся богатества суетнаго міра уметы вмѣнихъ быти, да Христа пріобрящу (Филип. III, 8). И кто ны разлучитъ отъ любве Божія,—мечъ ли вещественный, или огнь? ни мечъ, ни огнь! (Римл. VIII, 35).

Повстаетъ затымъ пятая голова зміева, голова гнѣва, ярости, лютости на насъ вражія, хотячая насъ оразъ всѣхъ згладити зъ свѣта, яко въ откровеніи святой мученицы Евдокіи враждебникъ той проситъ: „послаби ми мало узъ, имиже связанъ есмь! узриши, како во мгновеніи ока родъ человѣческій отъ земля потреблю и ниже наслѣдіа его оставлю!“ Стаетъ противъ той зміевой яростной головы святый Селаеінлъ, выну къ Богу о родѣ человѣчествѣмъ моляйся, а молитвами своими яко рѣкою огнь, ярость огнепалную вражію затопляетъ, и яко моцними стрѣлами голову тую уязвляетъ и убиваетъ, а насъ безгнѣвія къ ближнему, незлобія учачи, упоминаетъ кождаго Давидски: престани отъ гнѣва, остави ярость (Псал. XXXVI, 8), быхмо въ безгнѣвіи ставали предъ Бога на молитву, по писанному: хощу убо, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва (I Тим. II, 8).

Шестую голову зміеву зависти шестый аггелъ святый Егудіилъ бичемъ тревервнимъ чернимъ цвѣчитъ: чернимъ,—то есть срогимъ караньемъ; тревервнимъ,—то есть отъятіемъ отъ него благодати Божой—то вервъ единъ; вѣчнимъ ожесточеніемъ—то вервъ другій; и безконечнимъ потемненіемъ—то вервъ третій. А то за завидѣніе спасенію человѣческому, въ благодати Божіей залежачому, побожнимъ сердцемъ искомому, и вѣчной въ небѣ короны удостояемому, короны златовидной за претерпѣніе вражія зависти, чимъ яко злато въ горнилѣ люде бываютъ поморовани и Бога стаются годни: искуси ихъ и обрѣте достойны себе. А цвѣчачи и убиваючи святый Егудіилъ завистную бѣсовскую голову, простираетъ десницу свою зъ вѣнцемъ златымъ, коронуючи тыхъ, которыи претерпѣваютъ крѣпко зависть

такъ отъ враговъ видимыхъ, отъ друговъ и сосѣдовъ враждебнихъ, яко и отъ враговъ невидимыхъ.

Семую голову зміеву седмаго грѣха смертнаго лѣности святый Варахіилъ запахомъ рожь бѣлыхъ, которыми суть благословенства и дарованіи Божіи человѣкомъ чрезъ руки его подаваемыи, тыми оную трутнъ и убиваетъ.

О цвѣтѣ рожномъ повѣдаютъ естествословцы, же яко пчеламъ есть корисгь, — медъ зъ него збираютъ; такъ хрущомъ дознаная трутизна,—скоро того цвѣта вкусятъ, здыхаютъ.

Духовный цвѣтъ небесныхъ благословенствъ и дарованій Божіихъ, чрезъ бѣлыя рожи святымъ Варахіиломъ въ нѣдрехъ носимыи образуемыхъ, зане есть отрутою діаволу,—идѣже бо осіяетъ благодать Божія, оттуду прогонится діаволя сила, а животъ дательная есть корисгь человѣку. Якъ бовѣмъ рожа запахомъ своимъ понабляетъ пчелу до збиранія меду, такъ духовный оный цвѣтъ вдячностію своею побуждаетъ человѣка до нелѣностныхъ працъ подвиговъ и трудовъ, заслучуючихъ себѣ въ небѣ слодкость вѣчнаго благословенства онаго: пріидите благословенныи (Мтѳ. XXV, 34).

Атожъ звитяженъ есть седмоглавный змій седма агнца заколеннаго рогами, седма изящнѣйшими Богови предстоящими ангелами; упражднени суть седмополчищнаго легеона силы седмочастныхъ смертныхъ грѣховъ; коварства штуки, яко оружія вражія, зломани.

Тріумфуй же, небесный воеводо, святый архистратиже Михаиле, зъ аггелы твоими, съ товариствомъ твоимъ знатнѣйшимъ и со всѣми небесными силами! пой пѣснь побѣдную: агнецъ побѣдитъ, яко Господь господемъ есть, и Царь царемъ есть!

Пирамисъ

альбо столпъ во блаженной памяти преставлшагося высоцѣ въ Богу превелебнаго, его милости господина отца Иннокентіа Гизеля, архимандрита Святой Великой Чудотворной Лавры Печерской Кіевской, ку вѣчной памяти въ годъ по погребеніи его при соборной понахидѣ, проповѣдію слова Божого поставленный року 1685 мѣсяца февруаріа въ 24 трудомъ грѣшнаго іеромонаха Димитрія Савича, на онъ часъ казнодѣи печерскаго.

Во вѣки память его въ благословеніе. (I Мак., III, 3).

Не отъидетъ память его, и имя его поживетъ въ родъ и родъ, премудрость его повѣствуютъ языци, и хвалу его исповѣсть церковь (Сирах. XXXIX, 12—13).

Смерть а часъ на то настоятъ здавна, абы и людій и ихъ памяти пречь гладили зъ свѣта, слухачу презацный, якожъ и доказуютъ своего: смерть людій въ нелюде, часъ людскую память въ непамять обертаетъ; смерть кождого въ гробъ, часъ немалъ кождого пускаетъ въ забвеніе. Смерть о якъ много отъ Адама людій змѣшала зъ землею! часъ о якъ много отъ потопа дѣлъ людскихъ сровналъ зъ землею! смерть человѣки посѣцаетъ, а часъ и памяти ихъ поядаетъ, отколь поядачомъ рѣчій отъ мудрыхъ есть названный. Лечь гды и острая коса смертная на камень, и гартовни часа зубы на мармуръ трафятъ, налатво чого докажутъ: гды, мовлю, трафятъ на такъ

святобливаго человѣка, котораго смерть не есть смерть, але начало вѣчныя жизни, котораго добрiи дѣла и въ книгахъ небесныхъ и въ сердцахъ людскихъ на вѣчную записаны память,— тамъ и коса смертная тупѣти, и зубы всѣхъ рѣчiй поядача часа крушитися мусять. О таковомъ бовѣмъ человѣцѣ самъ Духъ Святый у Спраха мовитъ: не отидетъ память его, и имя его пожiветъ въ родъ и родъ, премудрость его повѣствуютъ языцы, и хвалу его исповѣсть церковь.

Таковому человѣкови въ Богу зешлому, высоцѣ превелебному его милости господину отцу Иннокентiю Гизелю, архимандритѣ сей святой великой чудотворной лавры печерской Кiевской, отцу и пастыреви нашему, рочную нынѣ отправуемъ память, котораго память не отидетъ, а имя его и въ потомнiе вѣки жити будетъ, котораго мудрость и постороннимъ значна, а за добрiи свои дѣла въ устахъ всѣхъ мѣетъ похвалу. Тутъ и ты, смерте, не верхъ водишъ, бо упованiе его безсмертiя исполненно, и ты, часе, своими забвенiя зубами такого человѣка не згрызешъ памяти, бо во память вѣчную будетъ праведникъ. (Псал. CXI, 6).

Старовѣчнiи люде, пилнося о томъ стараючи, абы ихъ память могла быти вѣчна, трудомъ великимъ и коштомъ немалымъ будовали недобыти грады крѣпкiи, столпы великiе, вежи высокiя, пирамиды.

Ноево по потопѣ размноженное потомство, зебравши о томъ раду, мовитъ: прiидите, да созиждемъ себѣ градъ и столпъ, емуже верхъ будетъ до небесъ, и сотворимъ славно имя наше (Быт. XI, 4).

Авессаломъ, втожъ прагнучи вѣчной у людей памяти, поставилъ бѣ столпъ себѣ во удоли царстѣмъ, рече бо: нѣсть ми сына на память имени моего, и нарече столпъ именемъ своимъ своимъ (I Цар. XVIII, 18).

Симонъ Маккавей, такъ же хотячи родичамъ и братамъ своимъ, тутъ тежъ и себѣ память учинити, созда на гробъ отца своего и братiй своихъ и вознесе его видѣнiемъ, каменiемъ тесанымъ созади и преди, постави наня седмь пирамидъ: едину противу единыя, отцу и матери и четыремъ братiамъ, и симъ сотвори ограды, и обложи столпы великими, и сотвори на столпехъ знаменiе къ памяти вѣчнѣй; але прожно таковые,

любъ зъ цеглы, мармуру и алябастру, памяти себѣ будовали, гды то все мусѣло подлегти часови. Якъ бовѣмъ ихъ самыхъ смерть, такъ и памяти ихъ, овыя грады, столпы, пирамиды, долгій часъ такъ згладилъ, же теперь и мѣсца ихъ не знайдешь.

Нынѣ поминаемый высоцѣ въ Богу превелебный его милость господинъ отецъ Иннокентій Гизель, архимандритъ печерскій отецъ и пастырь нашъ, вѣчную по себѣ зоставилъ память,— въ чомъ же? не въ мармурахъ и алябастрахъ, не въ подлеглихъ забвенному часови вежахъ, столпахъ, пирамидахъ, але въ добрыхъ, побожныхъ, благоразумныхъ и богоугодныхъ своихъ дѣлѣхъ, которыя и предъ Богомъ нѣгды незабвенныи, и предъ людми долгопамятныи, зоставилъ память въ великой святобливости своей, праве несмертелную, же можетъ рещи о себѣ тыя у Соломона слова: сея ради пріиму безсмертіе и память вѣчную симъ, иже по мнѣ, оставлю (Прем. Сол. VIII, 13). Которую его память бысь моглъ лѣпшъ видѣти и должей памятовати, презацный слухачу, умыслилемъ помощію Божіею, подражаючи древнихъ родовъ, при гробѣ его поминателными похвалными словесы, хочь неумѣетный, создати пирамиду альбо столпъ не зъ бренныхъ, але зъ духовныхъ, матерій и вложити на него знаменіа, а знаменіа особливших въ житіи преставльшагося дѣлъ добрыхъ, а то ко памяти вѣчной. И не треба мнѣ тутъ хотящему столпъ создати, сѣдши разчести имѣніе, аще имамъ еже на совершеніе, гды скарбница высокихъ цнотъ въ Богу зешлаго высоцѣ превелебнаго архимандрита, въ памяти ласкъ вашихъ еще забвеніемъ незатворенна. Тылько ты, Христе Спасителю, повелѣвый, чрезъ апостола намъ поминати наставники наша, въ зачатомъ дѣлѣ благодатію своею поспѣши, а ласки ваша нетескливымъ слуханіемъ поможете.

Не отидетъ память его, и имя его поживетъ въ родъ и родъ, премудрость его повѣствуютъ языцы, и хвалу его исповѣсть церковь.

Пирамиду альбо столпъ ку вѣчной памяти въ Богу зешлому высоцѣ превелебному его милости господину отцу Иннокентію Гизелю, архимандритѣ сей святой великой чудотворной лавры печерской Кіевской, отцу и пастыреви нашему, здати начинаючи, слухачу презацный, шукаю себѣ образца, которымъ бы кшталтомъ тое зачати зданіе. Не подобалмися кшталтъ вежи Ноевыхъ

потомковъ, альбовѣмъ и самъ Господь Богъ въ ней не благоволилъ: сниде Господь видѣти градъ и столпъ, иже здаша сынове человѣчестіи, и рече: пріидите, сошедшеся, размѣсимъ языки ихъ (Быт. XI, 5—7).

Не подобалмися и образецъ столпа Авессаломова, альбовѣмъ и самъ въ немъ не сподобился, яко мыслилъ, быть положенъ, але гдѣсь въ глубокую пропасть яко здрайца, вкиненъ, и каменіемъ завалянъ. Не подобалмися и визерунокъ пирамидъ Маккавейскихъ; альбовѣмъ тыя подобны были таковымъ пирамидомъ, яковыя Мемфисъ, полный балвохвалства и чаровъ градъ Египетскій, надъ власцовъ своихъ трупами ставилъ. Иншимъ кшталтомъ такъ зацнаго въ церквѣ Божіей прелата гробъ и память пріоздобити треба. Знахожу въ церкви Соломоновой образецъ столповъ надобный, которыхъ столповъ была матеріа мѣдь и золото, оздоба ихъ золотая, сѣть лѣлѣй и яблка, въ тожь злотомъ оздобленіи и вѣнечнымъ коломъ на капителяхъ вложеній. Таковымъ кшталтомъ збудуймо пирамиду въ Богу зешлому высоцѣ превелебному архимандритѣ, таковый столпъ ему духовнѣ поставмо; мовлю, столпу его, въ церкви Соломоновой стоячому, золотою сѣтю лѣлѣями и яблками пріоздобленному, уподобѣмо; альбовѣмъ былъ онъ заправдѣ единымъ столпомъ въ церкви Божой, яко згоднѣ всѣхъ россійскихъ сыновъ уста завше твердили, же Иннокентій Гизель, архимандритъ печерскій, есть то столпъ, есть филяръ въ церкви Божой. Яко теды за живота своего былъ самъ столпъ церкви, такъ по смерти вспомнѣнное его добродѣтелное житіе предъ умными очима нашима нехай стаетъ столпомъ, а столпомъ въ святая святыхъ стоячомъ: якоже и не вонтпіимъ, же якъ прежде въ церкви воюючой, такъ теперь въ церкви тріумфуючой, есть столпомъ таковымъ, яковымъ кождого оборонцу церковнаго учинити обѣцуетъ Господь, мовячи: побѣждаючаго сотворю столпа въ церкви Бога моего (Апок. III, 12).

Столпъ церкви Соломоновой былъ, якося рекло, зъ двоякой матеріи, зъ мѣди и золота: зъ мѣди учиненъ, а золотомъ позолоченъ. И мѣдь и золото суть симболя терпѣнія въ скорбѣхъ и статку въ добрыхъ дѣлѣхъ; же мѣдь тыхъ цнотъ есть симболюмъ, показалъ то Господь Богъ въ своемъ зьявленьюся возлюбленному ученику Іоанну, гды указалъ ему нозѣ, подобныи

мѣди распаленной: нозѣ его подобныи мѣди яко въ пещи раждеженнѣ (Апок. I, 5). Чрезъ таковыя Христовы нозѣ розумѣетъ Амвросій святый вѣрныхъ тыхъ, которіи подъ часъ лютого отъ антихриста гоненія жити будутъ, и на тотъ часъ безчисленныхъ бѣдъ и скорбей узнаючи, небы въ огнистой печи въ терпѣніи моцніи, и въ добромъ житю статечны покажутся. Же тежъ и злото тыхъ же цноты есть образомъ, знать то зъ словъ Духа Святого: яко злато въ горнилѣ искуси ихъ, и обрѣте ихъ достойны себѣ (Прем. Сол. III, 5). Хто теды вшелякія бѣды и скорби зноситъ, терпѣливе и статечне въ добрыхъ дѣлѣхъ трваетъ, тотъ есть единымъ столномъ зъ духовной мѣди и злота учиненнымъ. Але такъ есть, же въ Богу зешлый архимандрита утерпѣлъ скорби немало, и статечне добродѣтелное свое проводилъ житіе, зачимъ былъ столномъ зъ духовной мѣди и злота утвореннымъ. Же утерпѣлъ скорби немало, яко мѣдь и злото въ горнилѣ, кождый уважный обачити то можетъ; нещасливая бовѣмъ сяя година щожъ иного есть, ено пещь, бѣдами и скорбми раждеженная? Истятся нынѣ слова Христова: будетъ тогда скорбь велія, якова же нѣсть была отъ начала міру; услышати имате брани и слышанія бранемъ,—то скорбь; востанетъ языкъ на языкъ и царство на царство,—то бѣда. Предадятъ вы въ скорби и будете ненавидимы всѣми,—то скорбь; будутъ глады и пагубы по мѣстамъ (Мтѳ. XXIV),—то бѣда. Ознаменуетъ Богословъ: дѣти, послѣдняя година есть, и якоже слышасте, яко антихристъ грядетъ,—то скорбь; и нынѣ антрихристи мнози (I Іоан. II, 18),—то бѣда. Зо всѣхъ сторонъ свѣтъ огнемъ бѣдъ и скорбей запаленъ: бѣды отъ языкъ, бѣды въ градѣхъ, въ лжебратіи бѣды (II Крѳ. XI, 26). Въ той горящой пещи, въ тыхъ, мовлю, бѣдъ полныхъ временехъ, якъ много въ Богу зешлый архимандрита утерпѣлъ скорбей, тлумачити не треба,—доситъ речи, же подъ тридцать лѣтъ на преложенствѣ въ сей святой обители зостаючи, немалъ въ уставичныхъ бѣдахъ, въ фрасункахъ, въ скорбѣхъ, въ клопотахъ вѣкъ сей провадилъ, гды отвсюль войны немалымъ трвожили страхомъ завше: внѣуду брани, внутьуду страхи. Неразъ ускаржатися зъ Давидомъ мусѣлъ: изчезе въ болѣзни животъ мой, и лѣта моя въ воздыханіихъ (Псал. I, 11); видѣти бовѣмъ войнами сплюндрованную крайну хрпстіанскую, азажъ то не болѣзнь? слышати

проливающуюся кровь людій правовѣрныхъ, азажь то не воздыханіе? видѣти неразъ утѣсненную отъ непріятелей обитель святую, азажь то не болѣзнь? слышати близко шермующій мечъ бесурманскій, азажь то не воздыханіе? видѣти волковъ мысленныхъ, нападающихъ на духовное его стадо, азажь то не болѣзнь? старатися кождого отъ братій представити непорочна Христу, аки слово о немъ воздати хотяща, азажь то не воздыханіе? въ тѣхъ всѣхъ болѣзняхъ и воздыханіахъ былъ яко мѣдь въ пещи раждеженѣ, единымъ тылько охоложался Богомъ, мовячи: Ты еси прибѣжище мое отъ скорби обдержащія мя, радосте моя, избави мя отъ обыдущихъ мя (Псал. XXXI, 7).

Показалъ тежъ и статокъ, яко единъ зъ тыхъ, которіи чрезъ Христовы мѣдяны нозѣ знаменуются. Видѣлъ, яко слышалихмо, Богословъ Христа зъ мѣдяными ногами. Противнымъ способомъ видѣлъ Навходоносоръ идола золотого зъ глиняными ногами, голени желѣзни и часть нѣкая скуделна; то есть сами плесна, на которыхъ тотъ болванъ стоялъ, были глиняны. Чему глиняны, латвося догадати причины: если нозѣ Христовы, по Амвросіеву разсужденію, для того мѣди подобны, абы презъ нихъ выраженъ былъ статокъ людій побожныхъ; то нозѣ идола глиняны суть для того, абы презъ нихъ познанъ былъ нестатокъ людій непобожныхъ. Якъ бовѣмъ глиняныи нозѣ поти тылько стояли, поти на себѣ своего двигали болвана, поки не отторжеся камень; а яко палъ камень, ажъ оразъ не тылько самися скрушили, але и всего болвана своего въ порохъ обернули: такъ и люде нестатечніи поти тылько здаются стояти въ побожности, поки не падетъ на нихъ небы камень яковое досвѣдченіе. Поти другій терпѣливъ, поки не трафился яковый поводъ до нетерпливости; поти тризвый, чистый и добрый, поки немашъ окказіи до пьянства, грѣху и злости; поти побожный, поки нѣтъ причины до незбожности; а яко падетъ на нихъ небы камень на скудельныя нозѣ яковое искушеніе, ажъ оныхъ внѣтъ крушатъ свой статокъ и добродѣтель свою неправдивую, небы золотого а бездушнаго болвана на землю кинутъ и въ порохъ обернутъ. Не такъ нозѣ Христовы, мѣди уподобленныи; не такъ, мовлю, тыи люде, которіи суть статечные въ добрыхъ учинкахъ: любъ поидутъ и посредѣ множества каменій претыканія и соблазни, не преткнутъ о камень

ноги своея, не падутъ, и не разбіются. Таковъ былъ въ Богу зешлый архимандрита, не яко скудель, але яко мѣдь въ статку своемъ стоялъ якъ уритій и неподвижимый, такъ, же его анѣ вѣтры отъ міра на его и на всю обитель напастей поколебали, анѣ рѣки искушеній его затопили, анѣ зевнутрныя и внутрныя скорби и бѣды его, якъ бы яковый скудель, зкрушили, анѣ сѣти вражія такъ ему препяли, абы въ глыбокую яковую и значную спасенія своего палъ рушцу; але завше былъ столпъ, а столпъ въ Богу угрунтованный, отъ Писанія мовячи: утвердися сердце мое во Господѣ, Господь утвержденіе мое и прибѣжище мое (Псал. XVII, 3). Въ таковыхъ духовныхъ матерій, зъ терпливости и статку, въ Богу зешлый высоцѣ превелебный архимандрита созидался, а созидался въ столпъ не тылько Соломоновъ, въ церкви стоячій, але и въ столпъ Данііловъ, въ Екватанѣ Мидстѣй мистерій убудованный.

Пишетъ историкъ жидовскій Іосифъ, якъ святый пророкъ Данііль, будучи въ поганской крайнѣ, а еще въ плѣненіи, яко тотъ, который тамъ много могъ, бо возвеличи его царь и постави надъ всею страною Вавилонскою и князя воеводамъ, збудовалъ въ Екватанѣ, столицы Мидстѣй, столпъ барзо великій и дивне піенкній, коштомъ немалымъ, которымъ столпомъ всперъ упалую славу люду израильскаго въ землѣ непріятельской. Тотъ столпъ мѣлъ до себѣ двѣ особливе значніи рѣчи: первая: яко мовитъ тотъ историкъ, по многомъ времени ново бѣ дѣло, аки нынѣ создано, покилку сотъ лѣтъ ажъ до часовъ того историка таковая была структура, якъ бы теперь збудованна, завше нова быти здавалася; другая: въ немъ погребахуся мидовъ, парѳовъ и персовъ царіе; единымъ былъ цментаромъ тамтыхъ панствъ монархомъ.

Въ таковый столпъ созидался въ Богу зешлый высоцѣ превелебный архимандрита; мѣлъ бовѣмъ до себѣ обѣ двѣ тыи Даніилову столпу отъ историка приписаннін рѣчи. Щося ткнеть всегдашнѣй того столпа новости, то тутъ тою назову великодушіе, которое, вшелякіе отвнѣ находящіе фрасунки зносячи мужественно, въ единомъ Бозѣ утѣшается; якъ бовѣмъ Даніилова столпа новость воздушними непогодами, вѣтрами, дождями не была запсованна, такъ извнѣ находячими клопотами, великодушіе мужественнаго человѣка не бываетъ измѣненно.

Хто въ скорбѣхъ не пренемогаетъ, хто фрасунками не бываетъ звитяженный, хто не обѣтшаваетъ малодушіемъ и маловѣріемъ, а всю свою печаль возложивши на Бога, въ немъ надѣю мѣетъ, и имъ сердце свое охоложаетъ, тотъ завше есть новъ, тотъ есть въ Бозѣ весолъ, аки безпечаленъ, по писанному, аки скорбяще а присно же радующеся (II Кор. VI, 10). Извнѣ бовѣмъ находящіи скорби богодухновенному мужу барзѣй духовную радость о Бозѣ, анѣжъ печаль, множатъ. Спѣваетъ Аввакумъ пророкъ: смокви плода не сотворятъ; не будетъ плода въ виноградѣхъ; солжетъ дѣло маслинно, и поля не сотворятъ яди; оскудѣша овцы отъ паствы, и не будетъ воловъ при яслѣхъ, азже о Господѣ возрадуюся и возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ (Авв. III, 17—19). Смотрѣте, отколь тотъ Духа Святаго полный пророкъ помножается въ радость, азажъ не отъ скорбей, фрасунковъ и печалей? Сады, мовитъ, огороды и виногради не зародятъ, не будетъ сбожа въ полю, голодъ на людей и на быдло, и волы хтось отъ яслей заведетъ на сторону? азажъ то господареви не фрасунокъ? азажъ не печаль и клопотъ? а пророкъ що? Вмѣсто фрасунку и печали, спѣваетъ: азъ же о Господѣ возрадуюся, возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ. Чему? бо мовитъ: притрафляючимися тыми печальми, если ихъ знесу мужественно и не буду въ противностехъ таковыхъ малодушествовати, пріиду до доскопалости, и буду отъ Бога подвышенный. Господь Богъ мой, сила моя, и учинитъ нозѣ мои на совершеніе, на высокая возводя мя (Авв. III, 19). Видите, яко богодухновенну мужу находящіи скорби духовную о Бозѣ радость множатъ! Піенкне Кипріанъ святый, стосуючися до словъ пророческихъ, мовитъ: не будетъ ли плода во виноградѣ? солжетъ ли дѣло маслинно и, зелію отъ зноя увядающу, исхнетъ ли поле? что се къ христіаномъ? что се ко Божіимъ служителемъ, ихже рай призываетъ, ихъ же благодать всякая и богатство царствія небеснаго ждетъ? Да радуются о Господѣ, злая же и противная міра сего мужественно да носятъ, егда будущихъ благъ чаютъ.

Таковая духовнаго столпа нашего новость, таковое богодухновеннаго мужа нынѣ поминаемаго, высоцѣ превелебнаго архимандрита, великодушіе мужественное, таковая въ Бозѣ радость была завше! Не бысть ли плода въ виноградѣхъ, то есть,

добра обители святой, нѣбы яковые виноградy спустошенными нашествіемъ иноплеменникъ? Оскудѣша ли овца отъ пища, то есть, унято ли интратъ посилковъ словеснымъ въ богородичной овчарнѣ овцамъ? Не бысть ли воловъ при яслѣхъ, то есть, отнято ли такъ много маетности въ сторонѣ польской, и отъ святой обители якъ воликовъ отведено? Зайсте немалыи то скорби, фрасунки, клопоты, еднакъ тотъ столпъ своей новости, тотъ—мовлю—богодухновенный мужъ своего великодушія, въ Бозѣ упованія и радости духовноя не тратилъ, але въ тайныхъ своихъ молитвахъ на сердцы зъ Аввакумомъ пѣсословилъ,—азъ же о Господѣ возрадуюся и возвеселюся о Бозѣ Спасѣ моемъ. Вѣдалъ бовѣмъ добрѣ овый святаго апостола Іакова совѣтъ,—всяку радость имѣйте, братія моя, егда во искушенія то есть въ скорби, въ печали, въ противныи повоженя, впадаете различная (Іак. I, 2).

Що засься ткнетъ другой рѣчи значной, которую до себѣ мѣлъ столпъ Даніиловъ, же въ немъ погребахуся мидовъ, парѳовъ и персовъ царіе, и то въ духовномъ нашемъ столпѣ мысленныма очима обачитися можетъ. Нехай ми тутъ волно будетъ грѣхи смертелни назвати царями, а царями нечестивыми. Даетъ ми до того поводъ апостолъ овыми словесы: да не царствуетъ грѣхъ въ мертвенномъ вашемъ тѣлѣ (Римл. VI, 12), то тутъ апостолъ грѣхъ царемъ называетъ, якожъ и правда; якъ бовѣмъ царь подданнымъ своимъ владѣетъ, такъ грѣхъ за носъ водитъ кого осѣдлаетъ, и въ чіемъ сердцу чрезъ злый налогъ укоренится. И якъ много человѣкъ грѣхолюбивый маетъ грѣховъ и страстей, которыя совершаетъ, такъ много маетъ нечестивыхъ царей, которымъ голдуетъ и не еже хощетъ сіе творитъ, но и еже не хощетъ сіе содѣваетъ (Римл. VII, 19). Тыи цари нечестивыи, грѣхи—мовлю—смертніи, у кого живутъ и царствуютъ, а у кого умираютъ и погребаются. Живутъ они и царствуютъ у того человѣка, который не маетъ смерти предъ очима, а обѣцуетъ себѣ долгое на свѣтѣ житіе, и мовитъ: „увесь часъ предо мною, поспѣю на старость покаятися“. Въ томъ грѣховное царство столицу свою заложило. Посвѣдчаетъ то Давидъ, мовячи, яко нѣсть восклоненія въ смерти ихъ. Святый Іеронимъ зъ еврейскаго языка читаетъ такъ,—яко не помышляху о смерти своей, сего ради удержа ихъ гордыня до конца, одѣяшася не-

правдою и нечестіемъ своимъ, изыдетъ яко изъ тука неправда ихъ, преидоша въ любовь сердца (Псал. LXXII, 4, 6—8). Же—мовитъ—не мыслили о смерти своей, прето вси грѣхи въ нихся воцарили. Умираютъ зась и погребаются тыи нечестивыи цари у того человѣка, который завше мѣетъ смерть предъ очима. Хто помиаетъ послѣдняя, тамъ грѣхъ непостоитъ, во вѣки не согрѣшиши. Піенкие апостолъ, въ особѣ всѣхъ насмерть памятуючихъ, мовитъ,—смерть въ насъ дѣйствуетъ, а животъ во васъ (II Кро. IV. 23), якобы тежъ рекъ, — „прето вы много себѣ позволяете безпечне грѣшити, же дѣйствуетъ во васъ животъ, сподѣваетеся долго на свѣтѣ жити, мы зась жіемъ скромнѣ въ страсѣ Божомъ, грѣшити вистерегаемся, бо въ насъ смерть дѣйствуетъ, смерть маемъ предъ очима, въ гробъ глядимо, страхъ смерти нападе на ны“.

Тутъ вертаемся до духовнаго столпа нашего, тѣломъ въ гробъ уже упалаго, а душею въ небѣ поставленнаго, до высоцѣ превелебнаго, его милости (господина) отца архимандрита печерскаго, и твержу, же въ немъ мидовъ, парѳовъ и персовъ царіе, то есть грѣхи, отъ свѣта, тѣла и діавола на человѣка воюючіе, погребахуся; погребахуся, а не царствоваху, умирали, а не жили, побѣжденныи были, а не побѣждали; ибо въ немъ смерть дѣйствовашеся; памятовалъ о смерти. Миръ той, полный здради и ошуканя, яко царь персовъ, на волхвованіе и ворожки себе вдавшихъ, плоть на духъ похотствующая, яко царь парѳовъ, скверную Венеру почитающихъ, діаволъ, погубляючій духовніе наши плоды, яко царь мидовъ, неплодную маючихъ свою крайну,—тыи злыи а потужніи цари, если коли добывали той недобытой вежи, если коли до того моцнаго столпа припускали свои штурмы, певне сами отъ него разтрушившися, яко младенца о камень, мусѣли трупомъ при немъ пасти, мусѣли быти мертви и погребены.

Погребенъ былъ въ немъ міръ, гды зъ молодыхъ лѣтъ остави міръ и вся, яже въ мірѣ, и жилъ въ чинѣ иноческомъ до кончины живота своего, безѣ приганы. Вѣдалъ бовѣмъ, же преходитъ образъ міра сего (I Кро. VII, 31), а преходитъ такъ, якъ Давидъ о единомъ въ мірѣ вынесломъ кедрѣ мовитъ: мимо идохъ, и се не бѣ (Псал. XXXVI, 36). Тое словко „мимо идохъ“ халдейскій парафрастесъ въ третіемъ лицѣ кладетъ и

читаетъ такъ: „мимо идѣ, и се не бѣ“. Такъ власне міръ сей минаетъ, мимо иде и се не бѣ. А еще не мовитъ Писаніе „и се нѣсть“, былъ а уже немашъ, але и се не бѣ, якъ бы мовячи,— „и тогды, коли былъ міръ, то по старому не бѣ, бо що колвѣкъ въ собѣ маетъ, все неправдиво, все непостоянно, все за небылое; маетъ богатства, але неправдивые, бо скоро погибающіе; маетъ гоноры, але неправдивые, бо скоро отмѣняючіеся; маетъ роскоши, але неправдивые, бо скоро уплываючіе; и прето хочь и есть міръ, то якъ бы его немашъ, и не было, и се не бѣ“. Уважне тутъ поступилъ въ Богу зешлый архимандрита, гды якъ Маріа, благую часть избра: избра отверженіе міра, яко рѣчь правдиве добрую, противъ бовѣмъ неправдиваго и непостоянаго міра правдивая и постоянная есть рѣчь отверженіе міра, яко тое, которое вѣчный себѣ въ небѣ збыть заслугуетъ.

Погребено въ немъ было мудрованіе плоти, на духъ повстаючой, гды по совѣту апостолскому умерщвлялъ уды свои, сущія на земли (I Кре. IX, 27), абы жилъ съ Христомъ Господѣмъ вѣдалъ бовѣмъ, же не инако мѣлъ доступити живота вѣчнаго, ено чрезъ умерщвленіе себе самого, яко написано: умростѣ, и животъ вашъ сокровенъ есть съ Христомъ въ Бозѣ (Колос. III, 3). Первѣй мовитъ умросте, а умросте умерщвленіемъ своего тѣла, тожъ животъ со Христомъ обѣцуетъ. Не первѣй Моисей зъ людомъ израильскимъ зъ Египту вышолъ до земли обѣцанной, ажъ поки первороднін египетскін не были убиты смертью; не первѣй человѣкъ внидетъ въ жизнь вѣчную, ажь поки умерщвленіемъ себе не избіетъ въ себѣ своихъ страстей. Убилъ въ себѣ того єгипетскаго первенца въ Богу зешлый, гды трудами духовными, воздержаніемъ, постами, неспаніемъ, поклонами, такъ истнилъ свою плоть, такъ себе высушилъ, же только былъ скура а кости. Выборнѣ могліъ зъ Давидомъ о себѣ мовити: кости моя яко сушило сосхошася, и азъ яко сѣно изсохъ (Псал. CI, 4).

Палъ побѣжденъ при той вежи и діаволъ, которого молитвою якъ мечемъ звитяжилъ. Молитва бовѣмъ мечемъ есть, ведлугъ святаго Златоустаго, такъ мовячаго: идѣже бѣсы узрятъ ны молитвою вооруженныхъ, отбѣгаютъ оттуду не инако, якоже разбойницы и злодѣе, идѣже аще узрятъ воинскій мечъ на главу свою обнаженный. Якъ отъ меча злочинцы голову свою

уносятъ, такъ отъ молитвы діаволъ каркъ свой ухиляетъ. Але такъ есть, же во блаженной памяти преставльшійся отецъ нашъ весь былъ на молитвахъ, весь на пилнованю церковнаго и келейнаго правила; зачимъ молитвою якъ мечемъ звитяжалъ человѣкоубійцу некони—діавола. А такъ при томъ духовномъ столпѣ, яко негды при Даніиловомъ, персовъ, парѳовъ и мидовъ царіе, то есть свѣтъ, тѣло и діаволъ, смерть и погребеніе свое мѣли.

Облюбеница райская въ пѣсняхъ пѣсней якося почала будованьемъ нѣякихъ духовныхъ столповъ забавляти, алито ей привѣтствуетъ Духъ Святый: ноздри твои, яко столъ, шія твоя, яко столпъ. Придаетъ тежъ и сама о себѣ: сосца моя яко столпъ. Чи не хотѣлъ то тутъ Духъ Святый въ персонѣ облюбеницы примовити людемъ тимъ, котріи не инши себѣ въ мірѣ семъ столпы убудовати стараются, ено ноздри, шію, а перси? Тыи бовѣмъ, котріи, яко запаху нѣкоего, тщетной людской славы наухатися хотятъ, и о то усилне стараются и працуютъ, на то тыи—мовлю—щожъ иного чинятъ, ено будуютъ ноздри своя, яко столпъ, а столпъ дименъ, въ книгахъ Судейскихъ воспомяненный: явися огнь исходя отъ града, и столпъ дименъ (Суд. XX, 40).

Якъ бовѣмъ дымъ тамъ есть, гдѣ огнь вещь якую сожигаетъ, такъ тщетная слава зъ працы людской походитъ; и якъ дымъ по воздуху разливается и гинетъ, такъ порожная хлюба, якъ димъ, изчезаетъ. Тыи, котріи высоко о себѣ разумѣютъ, долго шію свою гордостію вытягаютъ, на годности ся вспинаютъ, на промоціи виглядаютъ,—тіи, мовлю, щожъ иного чинятъ, ено будуютъ шію свою, яко столпъ, а столпъ тростинный? Якъ бовѣмъ тростина высокося взростомъ вспинаетъ въ гору, а внутрь порожна, такъ мняйся быть нѣчто, ничтоже есть. Которіи зась всю мысль свою затопили въ богатствахъ, тыи щожъ инаго чинятъ, ено будуютъ сосца своя, яко столпъ, мовячи до души своей: имаши многа блага, лежащіи на лѣта многа, сси якъ сосца, яждь, пій, и веселися (Лук. XII, 19)! Могълъ такъ Духъ Святый въ томъ облюбеницы своей до столповъ прировнаню, нѣкоторымъ людемъ примовити, еднакъ барзѣй показуется, же тутъ мѣлъ взглядъ Духъ Святый на особливые богословскіе въ облюбеницы своей добродѣтели, на вѣру,

надежду и любы. Гды мовитъ: ноздри твоя яко столпъ, тутъ показуетъ ей вѣру, которая есть невидима, ведлугъ апостолскихъ словесъ, вѣра есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обличеніе невидимыхъ (Евр. XI, 1). И якъ вещь благовонная, хочь будетъ гдѣ взамкненю невидима, еднакъ по запаху доходится; такъ вѣра, любо невидима есть, еднакъ ею, яко яковымъ запахомъ, Богъ отъ насъ познавается. Гды мовитъ: шія твоя яко столпъ (Пѣснь пѣсн. VIII, 10), тутъ показуетъ ей надѣю въ Возѣ, якъ бовѣмъ столпъ, такъ и надежда, зъ гору ся маетъ, опирается отъ Бога; и яко столпъ недвижимъ, такъ надѣющійся на Господа, яко гора Сіонъ, неподвижится во вѣки (Псал. CXXIV, 1). Гды мовитъ: сосца яко столпъ, тутъ являетъ любовь отъ сердца исходячую, и нигдѣ не хвѣючуюся, ено просто мѣючуюся къ Богу.

Не згрѣшу, гды тыя Духа Святаго слова оберну до нашего столпа духовнаго, до въ Богу зешлаго отца и пастыря; былъ бовѣмъ въ тыхъ тріехъ добродѣтелехъ, въ вѣрѣ, надеждѣ и любвѣ совершенный. Не таковый былъ человѣкъ, абы будовалъ ноздри своя, яко столпъ, абы, мовлю, о суетную людскую дбалъ славу, и якъ димъ по воздуху тщеславіемъ разливался; а не будовалъ шіи своея, яко столпъ, гды не вспиналъ на высоту гордости и великаго о себѣ разумѣня, яко порожна тростина; ни фундовалъ сосца своя, яко столпъ, гды не полагалъ надѣю въ имѣніахъ, ни збиралъ ихъ на то, бы ссалъ, якъ сосцы, хиба же бы тимы сосцами поживилъ убогихъ; але всего себе грунтовалъ въ вѣрѣ, любвѣ и надеждѣ. Былъ столпомъ непоколебимымъ въ вѣрѣ,—свидѣтелствуетъ то его давно зъ противными и устныя диспуты, и писанные напротивъ отгонящихъ благочестіе заданныхъ хулъ мудрыя отповѣди. Былъ столпомъ въ надеждѣ,—извѣствуетъ то самое побожное его житіе, которое завше зъ надежди походитъ; нѣгды бы человѣкъ не вдавался въ великія духовныя працы, въ подвиги, молитвы и иныи добріи дѣла, гды бы не надѣялся за то получити милость у Бога. Але такъ есть, же въ Богу зешлый архимандрита велце былъ житя побожнаго, яко всѣмъ есть то свѣдомо, зачимъ певнѣ моцную мѣлъ надежду въ Возѣ. Былъ столпомъ въ любвѣ, а любвѣ ко Богу и ко ближнему. Ижъ любилъ Бога по самомъ томъ знать, же любилъ ближняго, а любяй брата любитъ Бога.

И же любилъ ближняго, свидѣтелствуйте то вы, котріи-сте миле зъ нимъ конверсовали, ласки его уживали, добродѣйства его насыщалися, любви его дознавали, и признайте, же якъ въ вѣрѣ и надеждѣ, и въ любве былъ столпомъ моцнымъ. А такъ видячи моцную столпа того сталость, мѣймо тежъ око и на его высокость.

Высота столпа того такъ разумѣю, всѣ признаете, же была не инная, ено низкая покора; то было его повышенье, бысть смиреннымъ; а смиряяй себе вознесется. Заправдѣ ни щò такъ предъ Богомъ не ростетъ высоко, яко святое смиреніе.

Самуилъ пророкъ, гды пришолъ едного часу до дому Іессеа, а припроваженъ былъ предъ него малый отрокъ Давидъ, услышалъ голосъ зъ неба до себѣ мовячій: востани и помажи Давида, яко той благъ есть (I Цар. XVI, 12). Дивуется тутъ Григорій святый, чему такъ великому пророкови противъ малой дитины велитъ Богъ встати, чи ли (мовитъ) не могълъ пророкъ сѣдячи помазати невеликаго отрока на назначенное ему отъ Бога подвышенье? что се есть: востани и помажи его? еда ли толико великъ бѣ отрокъ, яко его сидя помазати не можаше? И отповѣдаетъ самъ себѣ: сидячи высокихъ вещей досязати не можемъ. Велика есть добродѣтель, велика есть высота смиренныхъ, егда съ верхомъ ихъ и пророци не могутъ соравнитися.

Въ великую высоту смиреніемъ уросълъ нынѣ поминаемый отецъ и пастырь нашъ; быти бовѣмъ той святой великой обители архимандритомъ, быти святыхъ нетлѣнныхъ въ пещерахъ мощій сторожемъ, быти въ той святой Богомъ созданной Богородичной церкви первостоятелемъ, и того словеснаго избраннаго стада пастыремъ, азажь то не есть рѣчь великая и высокая? Мѣти у пресвѣтлыхъ и благочестивыхъ великихъ монарховъ великую милость, мѣти у пресвѣтлаго монаршаго сигклиту любовное вспомнѣніе, мѣти у ясне велможнаго рейментора вшелякое ушанованье, азажь и то не есть рѣчь великая и высокая? И въ каждомъ якъ въ духовномъ, такъ и свѣтскомъ станѣ, и въ людій посполитыхъ, не тылько за живота але и по смерти мѣти имя доброе, память блаженную, азажь и то рѣчь малая? Самъ тому Соломонъ завидовалъ, гды мовилъ: лучше есть имя доброе, неже богатство много (Притч. XXII, 1). А

презъ щожъ уросль въ такъ высоту великую? Заправдѣ, опрочь иныхъ добродѣтелей, чрезъ смиреніе, стязалъ смиреніемъ высокая, котораго смиренія полный былъ въ сердцу, полный въ словѣхъ, полный въ добрыхъ нравѣхъ, а тымъ не тылько у людій, (добрая надѣя же) и у Бога есть высокъ; въ смиреніи бо его помянулъ и Господь и помнитъ въ небесномъ своемъ царствѣ.

Столпа, въ будинку стоячого, повинность есть тяготу двигати, махину будинка вспирати. Знайдовался въ той повинности въ Богу зелный пастырь нашъ, вспиралъ святую церковь, былъ столпомъ святой обители, и кождому съ особна былъ утвержениемъ. Вспиралъ церковь раменми таковыми, яковыми нѣгды велѣлъ Павелъ Тимоѳеви вспирати: образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою (I Тим. IV, 12). Былъ столпомъ святой обители, яко столпъ церкви Соломоновой; сія бовѣмъ святая обитель печерская есть подобна церкви Соломоновой, въ которой были стѣны позлащенныи, были херувими осѣняющіи олтарь, были всѣ сосуды, до служенія належачіе, зъ щирого золота, было море мѣдяно, которого хребтами своими 12 воловъ двигали, были на стѣнахъ, столпахъ и дверехъ повибиванніи, порисованныи подобіа финиковъ, кедровъ, масличинъ, и подобіа аггеловъ. То все въ сей святой обители, яко въ другой церкви Соломоновой, духовными очима, слухачу, обачити можешь. Знайдешь тутъ стѣны позлащенныя, а тыми суть иноческаго житія уставы, гдыжъ и Каллистъ святый, пишучи о евангельскомъ виноградѣ, оплотомъ огражденномъ, чрезъ огорожду законъ разумѣетъ. Законами, уставленными житію иноческому, яко едиными стѣнами, обитель иноческая огорожается и щитится; а стѣны то позлащенныя, позолотилъ ихъ своимъ надъ золото поліоровнѣйшимъ розумомъ иже во святыхъ отецъ нашъ Василій Великій. По немъ такъ много преподобныхъ, потымъ преподобные отцы наши, патронове того святаго мѣсца Антоній и Ѳеодосій, и прочіи отцы печерскіи, и моцно тыя законы зданьемъ своимъ и житіемъ утвердили, яко необоримыя стѣны, яко въ патерику нашомъ печерскомъ пишется: восхотѣ преподобный Ѳеодосій, игуменъ сый, (оградити) огражденіемъ, кромѣ чувственнаго, мысленнымъ си есть чиннымъ уставомъ иночествующихъ.

Тутъ знайдешь и херувимы, осѣняющіи олтарь, а тымъ суть Божію предстоящіи олтару, и безкровную за себе и за весь міръ приносящіи жертву, херувимы то зайсте; альбовѣмъ на себѣ носятъ Христовъ образъ; на нихъ, якъ на херувимахъ, Христосъ мѣетъ свое мѣсто, ведлугъ Дамаскиновaго пѣнія: херувимы, яко на васъ почилъ есть Христосъ!

Обачишь тутъ сосуды златыя, а тымы суть превелебныи ихъ милости отцове соборнiи, добрую и здоровую о цѣлости и строенiи обители святой раду, небы акій слодичь, въ устахъ, якъ въ золотомъ сосудѣ, носятъ, такъ, же цѣлая обитель святая разумнымъ ихъ радѣнiемъ есть устроянема, и рѣщи о нихъ можетъ: „сосуди ми избранніи сіи суть, носити всегда тщаливое попеченіе о мнѣ, абы—мъ въ цѣлости и порядкахъ монхъ завше трвала непарушнѣ“.

Тутъ обачишь и море мѣдяно, волами держимое, а тимъ моремъ есть святое послушаніе. Якъ бовѣмъ тое въ церкви Соломоновой море на омытье священниковъ, служити до алтаря входячихъ, и на хендоженье яковыхъ змазъ было устроено, такъ святое послушаніе есть единымъ омытьемъ грѣховъ и совѣсти хендоженiемъ всѣхъ тыхъ, которыи, истинно и усердно давши себе на службу Богови, творятъ обѣтъ въ послушаніи до кончины быти. А море тое,—мовлю—послушаніе святое,—двигаютъ волы, то есть послушники. Истинный бовѣмъ инокъ и послушникъ есть единый волъ, ярмо Христово тягнучій: возмѣте, мовитъ, иго Мое на себе, научѣтеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ (Мтѳ. XI, 29). Якъ волъ, такъ послушникъ усердный, що на него вложатъ, несетъ молчкомъ; що велятъ творить, а творитъ безъ роптанія; яковымъ тяжаремъ обременятъ, тотъ двигаетъ, наклоняючи уха на слова Христова: пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, а Азъ упокою вы (Мтѳ., XI, 28).

Знайдешь тутъ, якъ въ церкви Соломоновой, подобіа финиковъ, кедровъ, масличинъ и аггеловъ, а тими суть всепревелебныи, велебніи, честніи о Христѣ отцы и братіа, зъ которыхъ едныи, якъ финикъ, добрымъ предсявзятьемъ квитнутъ,—праведникъ яко финикъ процвѣтетъ (Псал. XCI, 13); другіи умножили плоды своя, яко кедри Божія,—яко кедръ, иже въ Ливанѣ, умножится; иные приносятъ духовныи плоды, якъ маслина

плодная: азъ же яко маслина плодовита въ дому Божіи (Псал. LI, 10); а инныи, въ совершенное уже житіе пришедши, суть яко ангелы въ тѣлѣ, и здобятъ обитель святую, яко подобія финиковъ, кедровъ, масличнъ и подобія аггеловъ здобили Соломонову церковь. Итакъ святая сія обитель церкви Соломоновой подобна, а той въ весь духовныи будинокъ вепѣраетъ, и на своей головѣ двигаетъ высоцѣ въ Богу превелебныи его милость господинъ отецъ архимандритъ, отецъ и пастырь нашъ; на немъ бовѣмъ, яко на столпѣ, будинки всѣ полегаютъ, на него всѣ взираютъ, и его утверженіемъ всякіи порядки, всякій чинъ стоитъ непоколебимый. Двигалъ и вепиралъ тую духовную церковь, обитель печерскую, духовныи столпъ въ Богу зешлый архимандрита, а двигалъ, яко другій Атласъ, еще въ таковые часы, въ которые наболшихъ тяжаровъ обитель святая отъ внутрныхъ и зевнутрныхъ въ отчизнѣ браній дознавала. Былъ утвержденіемъ и кождому зъ особна, увѣренныхъ собѣ овецъ носячи немощи, яко тотъ, который былъ зъ личбы тыхъ, къ нимъ же реченно: вы силныи должны немощи немощныхъ носити (Римл. XV, 1). Его учителныхъ словесъ слухаючи, немощный яко лекарствомъ посилялся; на его добродѣтелное житіе взираючи, братъ кождый, яко о столпъ, опирался и будовался; его отческую милость къ себѣ видячи, яко лоза виноградная кола своего держался; ему, яко овечка, пастырю своему послѣдуючи, доволно пищею духовною питался.

На столпѣхъ обычно знаменіямъ яковымъ, для памяти вѣчной возложеннымъ, бывати: на столпѣхъ цесаровъ римскихъ бывали кумири, ихъ подобіи; на столпѣхъ Александровыхъ бывали писанія на памятку звитязствъ его; на пирамидахъ Маккавеовыхъ были корабли и оружіа; на гробѣ Іосифовомъ въ Египтѣ были снопки каменные, на память того, же онъ прекормилъ землю Египетскую подъ часъ голоду; на столпѣ Давидовомъ щити, стрѣлы: тысяща щитовъ виситъ на немъ, и вся стрѣлы силныхъ; на столпахъ Соломоновыхъ въ церкви, якося первѣй рекло, были золотыя сѣти, лелѣи и яблока.

Сей церкви Христовой столпъ, въ Богу зешлый, высоцѣ въ Богу превелебный, его милость отецъ архимандритъ печерскій, подобіемъ не инныхъ, ено мудраго Соломона столповъ, въ святая святыхъ стоячихъ, знаменія въ житіи своемъ носилъ, а

нынѣ въ памяти нашей носитъ. Видѣти можемъ памятнымъ взрокомъ на томъ мысленномъ столпѣ златыя мрежа, а тимы суть премудрая его ученія. Мудрость въ Писмѣ Святомъ называется рѣкою и моремъ. Такъ о себѣ и Сираха мовитъ: насыщая яко Фисонъ премудрости, исполняяй яко Евфратъ разума и якоже Іорданъ во дни жатвы; и нижей: раскопаніе ми, то есть праца моя въ наукѣ, бысть ми рѣкою, и рѣка моя бысть ми моремъ (Сирах. XXIV, 27—28, 34). Тыхъ рѣкъ и моря мудрости невичерпаемой сѣтми суть ученья. Такъ Дамаскинъ святый до святыхъ апостоловъ мовитъ: „мрежею ученій вашихъ вселенную уловисте“. Искусный былъ въ таковой ловитвѣ въ Богу вешлый отецъ нашъ, гды отъ молодыхъ лѣтъ почалъ мрежею ученія словесныя ловити рыбки, приводячи ихъ къ розуму. Добрѣ бовѣмъ премудрости водъ напившися зъ рѣкъ разныхъ, зъ разныхъ, мовлю, школъ чужеземскихъ, до которыхъ и черезъ моря отправовалъ дороги, напочатокъ зачалъ учити працовите въ школахъ братскихъ Кіевскихъ, гдѣ якъ много студентовъ въ квѣтнучой молодости вразумилъ и искусныхъ въ книжной премудрости показалъ, такъ много уловилъ меншихъ рыбокъ Христови; поступилъ потомъ въ глубину до ловенья рибъ болшихъ, гды съ катедры простиралъ цѣлый неводъ проповѣди слова Божого о царствіи Божіи, а тымъ ловилъ людей до скрухи и побожности. Еще далѣй поступилъ во глубину зъ ученія мрежами, гды на ректорствахъ, на игуменствахъ не тылько словомъ, але и житіемъ въ иночествѣ полезнымъ, въ водахъ духовной премудрости, чистотою, нищетою и послушаніемъ пливаючія рыбы до столу приспособлялъ Христоваго. Наиглибей зъ тимы духовными поступилъ сѣтми, гды для высокихъ своихъ цнотъ поднесенъ зосталъ на пречестное въ сей святой обители мѣсце, на архимандрію. Тутъ сѣти премудрыхъ своихъ ученій и золотомъ болшихъ працъ, подвиговъ и трудовъ пріоздобилъ, же смѣлѣ о немъ реку: на столпѣ мрежа златыя. Духовнаго того столпа нашего здобила сѣть, а сѣть непростая, лечь золотая. Словеса бовѣмъ полезнаго ученія, акъ въ мрежѣ очка, единыи зъ другимися вяжутъ и стаются великою мрежею. Великимъ ученіемъ словъ зась тыхъ учителныхъ самымъ дѣломъ въ себѣ оказанье есть истое злото, и не такъ словесныя рыбы простою, яко золотою, сѣтьюся

ловятъ; не такъ, мовлю, люде зъ словъ вымовныхъ, яко зъ добрыхъ дѣлъ учителя своего и зъ цнотливаго его житія, берутъ ползу. Нехай хто тутъ речетъ, же въ Богу зешлый пастиръ, вставши на преложенствахъ, а особливе на сей высокой въ святой обители годности, не ставалъ уже на катедрахъ, не мовилъ казаней, таковому отповѣмъ: болшъ тотъ премудрый ловецъ Христовъ уловилъ самымъ добрымъ дѣломъ, нѣжъ кто словомъ; болшъ научилъ побожнымъ своимъ житіемъ, нѣжъ кто мудрымъ казаніемъ; болшъ тотъ ползовалъ молчачи, нѣжъ кто много мовячи, гдыжъ далеко голоснѣйши и скутечнѣйши есть голосъ дѣла, нѣжъ голосъ слова. Будь кто надобнымъ ораторомъ, яко другій Демостенъ; будь добрымъ филозофомъ, яко другій Аристотель; будь сладкомовнимъ, яко другій Цицеро; а безъ дѣлъ добрыхъ нѣгды того не докажешь, що гугнивый и косноязычный Моисей зъ добрыми дѣлы. Тамъ тыи и никого до неба не уловили, и сами въ сѣткахъ своихъ повязли: въ сѣти своей увязе грѣшникъ (Псал. IX, 6); а сей своею предъ Богомъ въ добрыхъ дѣлѣхъ досконалостю, якъ сѣтью, всего Израиля зъ Чермнаго моря витягнулъ на сухо. Мовъ мудре, а живи безумно, учи добрѣ, а живи злѣ, наказуй другихъ, а самъ развращайся, що успѣешь? грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя и воспріемлеши завѣтъ Мой усты твоими, ты же возненавидѣлъ еси наказаніе (Псал. XLIX, 16). Не дармо Богослову святому гды дано зъ неба книгу, оразъ ю велѣно съѣсти: пріими книгу и снѣжь ю (Апок. X, 9). Для тогожъ тутъ велятъ книгу ѣсти? чи не досить учителеви книгу при себѣ имѣти, носити, а читати ей, и другихъ зъ ней учити? не досить! Впередъ треба учителеви самому книгу зъѣсти, то есть впродъ треба самому въ полненю закона Божого быть полнымъ и добрыхъ дѣлъ пилнымъ, тожъ другихъ учити. Не досить мѣти сѣть науки, але треба до сѣти мѣть и золото добрыхъ учінковъ, если хочешь предъ Богомъ зъ своимъ пописатися половомъ. Нынѣ поминаемый отецъ и пастиръ нашъ заисте мѣлъ своя сѣти златыя, мѣлъ мудрую науку зъ добрыми дѣлы, а если коли давно, яко то могло быть на початку въ новоначаліи, ловилъ простою сѣтю, але пришедши уже въ мужа совершенна, а совершенна предъ Богомъ и человѣки, на тотъ часъ духовная его ловитва была мрежею златою.

Еще на томъ духовномъ столпѣ видимъ и лелѣи золотіи, по писанному въ книгахъ Царскихъ: на столпѣхъ возложеніа подобна крінову цвѣту (III Цар. VII, 19). Нехай ми тутъ будетъ волно крінами назвати убогихъ и милостиню творимую убогимъ. Самъ Господь, хотячи слугъ своихъ мѣти нищихъ духомъ, велѣлъ имъ глядѣти на крины и тымся уподобляти: смотрите крины селныя, како растутъ (Мтѳ. VI, 28). Нищій, убогій человѣкъ праве есть крінъ селный. Цвѣтъ въ полю—не маетъ, гдѣ главы приклонити, а хочь и есть якій куточокъ, то и въ томъ, якъ въ полю, „есть гдѣ сѣсти, да нечого зъѣсти“. Зачимъ не отъ рѣчи убогій человѣкъ можется назвати крінома; есть тежъ крінома и милостиня, творимая убогимъ. Цвѣти крінови назвалъ Господь единою одеждею: траву селную тако Богъ одѣваетъ, и повѣдаетъ, же въ тую сукню Соломонъ во всей славѣ своей не облечется (Мтѳ. VI, 30, 29). Ктожъ облечеся? Облюбенница его, соцарствующая ему, о которой въ Пѣснехъ пѣсней мовитъ: яко крінъ, тако искренняя моя (Пѣснь пѣсн. II, 2). Щожъ то за сукня, зъ крінова утворенная? Есть заправдѣ святая милостыня, убогимъ творимая. То свѣдчитъ ми блаженный Агапитъ, діаконъ, который, до царя Іустініана пишучи, такъ мовитъ: „Одежда неветшаемая есть благотворенія риза и нетлѣнное одѣяніе, еже къ нищимъ любленіе; достоинъ убо хотящему благочестно царствовати таковыми одеждами украсити душу, нищелюбія бо одѣянъ порфирою, небеснаго царства сподобляется“. Милостыня [мовитъ] есть то едина порфира, въ которую лице, со Христомъ царствующее, одѣвается, а тая порфира, тая риза творится зъ крінова селныхъ, то есть зъ лелѣй, въ полю растущихъ, а не зъ лѣлѣй аѳродковыхъ. Межи крінами, растучими бовѣмъ въ полю, а межу крінами, растучими въ вертоградѣ, есть немалая разность. Вертограднаго крінa оплотъ парканъ огорожаетъ: не каждому до него волно приступити, хиба самому господареви, альбо запрошоному гостеви; а до поліоваго крінa кто захотѣвъ приступивъ, хто захотѣвъ урвавъ, и пѣнкностю его очи, а запахомъ увеселилъ уханіе. Для того и Христосъ Господь гды захотѣлъ назватися цвѣтомъ, теды не назвался цвѣтомъ, въ огородѣ растучимъ, але назвался цвѣтомъ, растучимъ въ полю: азъ емсь цвѣтъ полный и крінъ юдолный (Пѣснь пѣсн. II, 1). А то для того,

абы всѣ вѣдали, же до него, якъ до цвѣту, въ полю стоячого, всѣмъ незаборонный приступъ, великимъ людемъ и малымъ дѣтемъ: не бранѣте [мовитъ] дѣтемъ приходити ко мнѣ (Лк. XVIII, 16). Зъ поліовыхъ теды криновъ, а не зъ вертоградныхъ, милостины порфира лицу съ Христомъ царствующему составляется, то есть отъ имѣній щедро подаемыхъ, а не отъ имѣній скупостію удержаваемыхъ. Едны бовѣмъ суть, котріи имѣнія своя, нѣбы крины въ вертоградѣ, въ шкатулы, въ коморы моцно замыкаютъ; немашъ тамъ приступу никому, хиба тилько самому господареви, а часомъ злодѣй догадается; тыи нелатво облекутся въ порфиру небеснаго царства. Другіи зась суть, которые тые крины, мовлю — имѣнія своя, садятъ въ широкомъ полю, то есть въ рукахъ убогихъ, а тыи заробляютъ себѣ нетлѣнное славою присноцвѣтущею въ небѣ одѣяніе.

Признаете, ласки ваши, же нынѣ поминаемый высоцѣ превелебный его милость архимандритъ тые крины имѣнія садилъ обфите въ полю, въ рукахъ убогихъ; гойный былъ ялмужникъ, здобился тотъ духовный столпъ криновымъ цвѣтомъ, яко порфирою яковою, гды такъ былъ милостивъ на убогіе, же его другимъ Іоанномъ Милостивымъ звано. То его была оздоба нищаго ущедрити, то его была утѣха алчущаго напитати, то его крины нагаго одѣти. Уступая я тутъ вамъ мѣсцо, селныя крины, вамъ, мовлю, убогіе, калѣки, бѣдніи, страннін! вы своего добродѣя зъ милостины похвалѣтѣ, вы своего питателя зъ ласковости ублажѣте, вы своего въ бѣдахъ утѣшителя зъ щодробливости возвеличите, помянѣте и кринами словесъ хвалнопоминательныхъ увѣнчайте! Тотъ то былъ отецъ сиротамъ, же и найменшаго не презрѣлъ, але ласкавымъ нань окомъ призрѣлъ; тотъ то былъ пастырь овцамъ, же наподлѣйшей овечкѣ обмышлялъ доволный покармъ; тотъ то былъ благодѣтель, отъ котораго нихто зъ тщима не отъишелъ руками. Блаженъ щедряй и даяй; блаженъ милостивый, яко той [надѣя въ Бозѣ] помилованъ есть. Творимая бовѣмъ милостиня нѣгды всуе не пойдетъ, але завше знайдется въ небѣ. Совѣтуетъ Екклесіастъ: посли хлѣбъ твой на лице воды, яко по множествѣ днiй обрящеши его (Еккл. XI, 1—2). Щожъ то за воды, на которыя радитъ пускати хлѣбъ, абы его потымъ знайти и пожитко-

вати имъ моглъ? заправдѣ, не иныя то суть воды, ено люди убогіи. Мовитъ Богословъ: воды, яже видѣлъ еси, людіе и народы суть (Апок. XVII, 15). На тыя то воды пущенный хлѣбъ, то есть, добрая учинность ближнему, поратованіе убогому, ялмужна творимая мизерному нищему, по многомъ днехъ пожитю земномъ, знайдется на водахъ превышше небесныхъ.

Едного часу въ Римѣ знайдено неякись давный каменемъ приваленный гробъ, знать якогось великаго пана, въ которомъ при костехъ была табличка, маючая на себѣ таковыя въ двѣ стручки написанныя слова:

истощихъ, даровахъ, сохранихъ,
имѣхъ, имамъ, погубихъ.

Що бы тыя слова мѣли значити, нихто разумѣти не моглъ. Зезвано потымъ людій мудрыхъ, котрыи могли на тотъ часъ тамъ быти. Тыи, по долгому уважаню, згодилися вси на едно, тлумачачи знайденныи слова такъ: еже истощихъ—имѣхъ, еже даровахъ—имамъ, еже сохранихъ—погубихъ; якобы тотъ мертвецъ, тымъ своимъ писмомъ такъ до живыхъ мовилъ: то тылько само, що колвѣкъ за живота моего учинилемъ кому добрѣ, що даровалемъ требующому, що далемъ неимущему, то по смерти моей знайшолемъ, то мнѣ не пропало, то мѣю навѣки; а що колвѣкъ на свѣтѣ ся остало, до шкатулы ся вложило, въ скарбницы ся замкнуло, щося въ земли заховало, все тое пропало, жаднаго оттолѣ не маю прибытку: еже даровахъ—имамъ, еже сохранихъ—погубихъ. А ктожъ вонтпитъ, же въ Богу зешлый отецъ нашъ знайшолъ то теперь въ небѣ, що за живота далъ убогимъ? Хлѣбъ той святой ялмужный, на лице воды пущенный, мовлю, убогимъ данный, обрѣлъ на водѣ покойной, обрѣлъ благодать у Бога, и власнѣ нынѣ до насъ мовитъ: еже даровахъ—имамъ; що-мъ истощилъ убогимъ, то маю у Бога; що-мъ роздалъ на землѣ, то збираю на небѣ; що-мъ даровалъ калѣкамъ, то нынѣ сторицею отбираю и животъ вѣчный наслѣдствую.

На остатокъ на томъ духовномъ нашомъ столпѣ можемъ видѣти яблока позлащенніи, а тимы суть вси его добріи дѣла. Добріи бовѣмъ дѣла въ Писмѣ Святомъ чрезъ плодъ древа разумѣются. Такъ Давидъ святый о блаженномъ мужѣ пови-

дѣлъ: будетъ яко древо, еже плодъ свой дастъ во время свое (Псал. I, 3). Оттоль и облюбенница о своемъ возлюбленномъ въ Пѣснехъ пѣсней мовитъ: яко яблонь посредѣ древесъ, тако братъ мой (Пѣснь пѣсн. II, 3). Яблоками суть добріи дѣла въ блаженной памяти преставльшаго отца нашего; лечь якъ ихъ много, знати не можемъ, самъ тилько Богъ, изчитаяй множество звѣздъ, той вѣдаетъ тыхъ овощовъ число. Числитъ пророкъ Іереміа на Соломоновыхъ столпахъ яблока по пятдесятъ на кождомъ: пятдесятъ пугвъ [то есть яблокъ гранатовыхъ] на вѣнцы окрестъ. Не отважуся я мысленнаго сего древа и мысленнаго въ церкви Божой столпа всѣхъ числити духовныхъ плодовъ; ибо и изчести не могу, и не достанетъ ми времени повѣствующу. Кто можетъ зчислити или повѣсти сокровенніи, единому токмо Богу явленныи его подвиги, овыи умерщвленія тѣла, всенощныя молитвы, частіи ко Богу воздыханія, очи, сердца и рукъ въ небо подношенья? Гды бы могли тыи, на которыхъ подвизался, мѣсца мовити, повѣдала бы келіа, повѣдалъ бы скитокъ, якъ много тотъ побожный архимандритъ стратилъ часу на прилѣжныхъ молитвахъ, якъ много кроплій слезъ предъ Богомъ вилилъ, якъ много въ перси своя, мытареви подобящися, ударилъ, якъ много положилъ великихъ а смиренныхъ поклоновъ. Але уже то все теперь нагоражается ему явно предъ всѣми добрѣ подвизавшимися; писано бовѣмъ: помолися Отцу твоему втайнѣ, и Отецъ твой воздастъ тебѣ явѣ (Мтѳ. VI, 6).

На столпахъ въ давные вѣки звикли били вѣнцы завѣшивати и до ныхъ гонитвы чинити. Того подобно обычая держачися, и Соломонъ въ церкви святая святыхъ, отъ себе созданной, возложеніа на столпѣхъ повкладалъ, вѣнечнымъ коломъ, бо и златыя мрежи были вколо, накшталтъ вѣнца, и лѣлѣи вколо, якобы вѣнецъ зъ ныхъ уплетенъ, и яблока вколо, якося отъ Іереміи пророка вспомнѣло: пугвы на вѣнцы окрестъ.

Годенъ былъ зайсте и сей нашъ столпъ духовный вѣнцами увѣнчанъ быти за великую свою премудрость, при златой мрежѣ; достоинъ вѣнца лявру неувядаючого за значныи ялмужны при криновыхъ цвѣтахъ; достоинъ вѣнца златого за всѣ высокіе цноты; годенъ, абы ему всѣ молитвами у Бога зпріяли

вѣнца таковаго, якового надѣется, мовячи: подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдахъ, прочее отложимися вѣнецъ, его же воздастъ ми Господь въ день онъ (II Тим. IV, 7—8).

Воспоминаетъ Іеронимъ святый давный обычай въ Римѣ, же на гробахъ людій умерлыхъ, рожи, фіалки и инныи различнаго рода пурпуровые цвѣты посыповано; а инныи вспоминаютъ, же и вѣнцы цвѣтные на мертвыхъ вкладано, якобы за доконанныи житья бѣгъ коронуючи. И тутъ при гробѣ нынѣ помнаемаго въ блаженной памяти преставльшагося, его милости господина отца и пастыря нашего, вижу уплетаючіеся вѣнцы и посыпуючіеся цвѣти. Высоцѣ въ Богу превелебный его милость господинъ отецъ архимандритъ съ превелебными ихъ милостьми отцами игуменами Кіевскими и со всѣми отцами и братіами, гды коло того жалобнаго катафалку станутъ, по обычаю церковному окружаючіи вколо, то будетъ вѣнецъ по писанному: окрестъ его вѣнецъ братій; почнутъ понахидныи нѣти гимна, то будутъ цвѣты

Въ алтарѣ божественномъ, гды коло приносимой за душу преставльшагося офѣры, такъ заднее служащихъ стоитъ ерона вколо,—то вѣнецъ; творятъ за упокоеніе души молитвы,—то цвѣты. Окружаете и ласки ваша притомностю своею сей гробъ,—то вѣнецъ; мовите „помяни, Господи, во блаженной памяти преставльшагося архимандриту Иннокентіа“,—то цвѣты. Оточатъ не разъ и убогіе гробъ своего ялмужника,—то вѣнецъ; рекутъ зъ плачемъ: „немашъ нашего отца и добродѣя“, — то цвѣты; будетъ тоже кто изъ братій, помнячи любовь отца своего, на правилцѣ своемъ въ келіи перейдетъ за него вервицу метаній,—то вѣнецъ; воздохнетъ разъ другій за него до Бога,—то цвѣты. А такъ духовныи тотъ столпъ при своемъ гробѣ маетъ вѣнцы и цвѣты.

Такъ при гробѣ въ Богу зешлаго архимандрита, зъ духовныхъ матерій поминательными словесы, поставивши пирамиду, альбо столпъ, Сираховы на немъ напишемъ слова: не отидетъ память его, и имя его поживетъ въ родъ и родъ, премудрость его повѣствуютъ языцы, и хвалу его исповѣсть церковь (Сирах. XXXIX, 12—13). На столпѣ статечнаго въ иночествѣ житія его напишемъ: не отидетъ память его. Долго будетъ памятно не

тылько сей святой обители прикладное житіе его, але и всѣмъ россійскимъ монастыремъ и людемъ мірскимъ, на которое вси, якъ на свѣтлую свѣчку, взирали и пользовалися, и прето не отидетъ память его отъ святой обители сей, але завше въ сердцы и въ устахъ всѣхъ братій, въ церковныхъ и келейныхъ молитвахъ и въ любовныхъ бесѣдахъ поминаемый будетъ. На златой премудрости его мрежѣ напишемъ слова тыи: премудрость его повѣствуютъ языцы; на кринахъ милостыни: имя его поживетъ въ родъ и родъ, — долго убогіе памятовати будутъ добродѣтеля своего; на яблокахъ добродѣтелей напишемъ: хвалу его исповѣсть церковь. Годенъ бовѣмъ за свои добріи дѣла похваленъ отъ церкви быти, гдыжъ и апостолъ мовитъ: слава, и честь, и миръ всякому дѣлающему благое (Римл. II, 10). Годенъ, абы его память, яко вѣнецъ цвѣтами, отъ насъ похвалами была преплетенна: память праведнаго съ похвалами.

Кончачи уже зачатое дѣло, припомню единъ звычай людій стародавныхъ, у которыхъ гды яковаго добраго а цнотливаго человѣка до гробу кладено, теды пріятель его, слуги, сверстницы и друзи, потворивши сердца, хто зъ золота, хто зъ серебра, кто зъ иншаго яковаго крушцу, а хто улѣпивши зъ воску, на гробѣ его клали и зъ нимъ весполъ погребали; а то на знакъ усердной къ нему и по смерти любве, яко бы мовячи: „яко—хмо тя за живота твоего сердечнѣ любили, такъ и по смерти твоей любити тя не преставаемъ, и любо ты зъ нами, а мы съ тобою тѣломъ разлучаемся, сердце еднакъ наше отъ тебе неразлучно; спогребаемся тебѣ сердцемъ нашимъ, абы память твоя негды не умирала, лечь жила вѣчнѣ въ любовныхъ сердцахъ нашихъ“.

Нынѣ поминаемый въ блаженной памяти преставльшійся отецъ и пастырь нашъ, егда ко гробу отиде, не хочу тлумачити, хто яковымъ ему спогребается сердцемъ, хто зъ золота любве утвореннымъ, хто зъ сребра пріязни, хто зъ иншаго яковаго сердечныхъ афектовъ крушцу. То мовлю, чого добрѣ свѣдомъ, ижъ сукцессоръ преставльшагося, высоцѣ въ Богу превелебный его милость господинъ отецъ Варлаамъ Ясѣнскій, архимандритъ сей святой лавры, отецъ и пастырь нашъ, антецессорови своему высоцѣ превелебному его милости господину отцу Иннокентію Гизелю, архимандритѣ печерскому, спогре-

бается сердцемъ, якобы зъ воску утвореннымъ, гды отъ ревнаго по немъ жалю топнѣетъ сердцемъ, зъ Давидомъ мовячи: бысть сердце мое яко воскъ, тая посреде чрева моего (Псал. XXI, 15). А то для того таковымъ сердцемъ спогребается, абы его память, яко печать на воску вытисненная, незабвенна завше оставала. Гды бовѣмъ жалостнѣ разпамятоваетъ его несказанную къ себѣ любовь отеческую, и милость, которой дознавалъ, великій добродѣйства, которыи отбиралъ, панскую ласку, которой чрезъ лѣтъ немало уживалъ, и милую конверсацію, зъ которой ся тѣшилъ; якобы слышитъ его въ сердцу отъ Писанія къ нему мовячаго: положиши мя яко печать на сердцу твоемъ (Пѣснь пѣсн. VIII, 6), на незабвенную память, якожъ и полагаетъ его на сердцы своемъ, гды, помнячи отца и добродѣя своего, Давидовыми протестуется словесы: забвенна буди десница моя, прильпни языкъ мой гортани моему, аще не помяну тебѣ, аще не предложу тебе, яко въ начало веселія моего (Псал. CXXXVI, 5—6).

Подобнымъ сердцемъ и вся святая обитель печерская отцу и управителю своему спогребается, а рочное ему творячи помишаніе, мовитъ: „высоцѣ въ Богу превелебный, господине отче Иннокентіе Гизель, отче и пастырю нашъ! Буди тебѣ въ насъ вѣчная память, яко Іоссіи у Спраха, мовячаго: память Іоссіева [а мы мовимъ — память Иннокентіева] возложеніе ѳиміама, сотворенное дѣло мироварника въ всяцѣхъ устнѣхъ яко мѣдь усладится, и яко мусичиская пѣніа въ пирѣ вина (Спрах. XLIX, 1—2).

Буди тебѣ и во всей Росстѣй церкви вѣчная память, яко память Моисеова у Израилтяновъ, о которомъ тойже Спрахъ: возлюбленна Богомъ и человѣки Моисеа [а мы мовимъ: возлюбленна Богомъ и человѣки Иннокентіа], ему же память въ благословеніихъ, уподобилъ есть его славѣ святыхъ (Спрах. XLV, 1—2). Буди тебѣ память вѣчная и въ небѣ посредѣ преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Антоніа и Ѳеодосіа и прочихъ отецъ печерскихъ, абысь тамъ слышалъ завше таковый привѣтъ, яковый негды былъ отъ аггела милостивому Корнилію: Корниліе, услышана бысть молитва твоя, и милостыни твоя помянушася предъ Богомъ (Дѣян. X, 3): „Иннокентіе, выслуханы суть всѣ твои, которись за живота твоего отправо-

вовалъ, молитвы, и всѣ твои милостынѣ, которысь чинилъ щедре, нынѣ вспоминаются предъ Богомъ, предъ которымъ, если маешь дерзновеніе, не забудь и о насъ сотворити память. Тебѣ у насъ на землѣ, намъ у тебе на небѣ предъ Богомъ буди вѣчная память!“

Аминь.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№		Стр.
—	Предисловіе	I
1.	Слово въ недѣлю 7-ю по пасцѣ	1
2.	Слово на Сошествіе Святаго Духа	10
3.	Слово на Святую Троицу	26
4.	Слово въ недѣлю 27-ю	43
5.	Слово на Успеніе Пр. Богородицы	55
6.	Слово на Рождество Христово	76
7.	Брань архистратига Михаила	93
8.	Пирамисъ Иннокентія Гизеля	108